

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Пинчук А. Н., Макаров Е. С., Тихомиров Д. А. Культурная маргинальность: множественные культурные границы и возможности позитивной реализации (на основе кластерного анализа московских студентов)

Фаррелл Г., Фуркад М. Моральная экономия высокотехнологичного модернизма

Паринов С. И. Механизмы социально-экономической деятельности на основе принципов институционального дизайна: поиск общей модели

Калашникова К. Н. (Вос)производство аутентичности пространства в гастрономическом ландшафте сибирских и дальневосточных городов

Aksoy S. Rethinking AI: Power, Surveillance, and Democracy

**Экономическая
социология**
Т. 26. № 5
Ноябрь 2025

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 26. No 5.
November 2025

Electronic journal
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Экономическая
социология**
Т. 26. № 5.
Ноябрь 2025

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа эконо-
мики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Редактор выпуска:

Вёрстка:

Корректор:

**Ответственный
секретарь:**

Сотрудники редакции:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

**Богомолова
Татьяна Юрьевна**

**Веселов
Юрий Васильевич**

**Волков
Вадим Викторович**

**Гимпельсон
Владимир Ефимович**

**Козырева
Полина Михайловна**

**Косалс
Леонид Янович**

**Малева
Татьяна Михайловна**

**Овчарова
Лилия Николаевна**

**Радаев
Вадим Валерьевич**
(главный редактор)

**Тихонова
Наталья Евгеньевна**

**Хахулина
Людмила Александровна**

Чепуренко Александр Юльевич

НГУ, Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

Университет Торонто (Канада)

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

(Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 26. No 5.
November 2025

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE University, Russia)

Editor:

Tatyana Sokolova (Russia)

Design and Layout:

Maria Mishina (Russia)

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)

Editorial Staff:

Natalia Conroy (HSE University, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE University (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE University (Russia)

Lyudmila Khakhulina

(Russia)

Leonid Kosals

University of Toronto (Canada)

Polina Kozyreva

HSE University (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

HSE University (Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

Natalya Tikhonova

HSE University (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*)..... 7

Новые тексты

А. Н. Пинчук, Е. С. Макаров, Д. А. Тихомиров

Культурная маргинальность: множественные культурные границы
и возможности позитивной реализации (на основе кластерного анализа
московских студентов)..... 11

Новые переводы

Г. Фаррелл, М. Фуркад

Моральная экономия высокотехнологичного модернизма 38

Расширение границ

С. И. Паринов

Механизмы социально-экономической деятельности на основе принципов
институционального дизайна: поиск общей модели 53

К. Н. Калашникова

(Вос)производство аутентичности пространства
в гастрономическом ландшафте сибирских и дальневосточных городов..... 87

Новые книги

А. В. Победоносцев

Антидемократическая контрреволюция надзорного капитализма

Рецензия на книгу: Зубофф Ш. 2025. *Надзорный капитализм или демократия?*

(перев. с англ. под научной ред. А. Смирнова). М.: Изд-во Института Гайдара. 360 с..... 111

Е. С. Белявская

«Белый брак» по-японски

Рецензия на книгу: Pacher A. 2022. *(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality*

in Intimate Relationships. Cham: Springer. 209 pp..... 123

Конференции

XXVI Апрельская международная научная конференция имени Е. Г. Ясина,

НИУ ВШЭ, Москва, Россия, 14–17 апреля 2026 г. 134

Тексты на английском языке

Aksoy S.

Rethinking AI: Power, Surveillance, and Democracy 138

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (<i>Vadim Radaev</i>)	7
---	---

New Texts

<i>Antonina Pinchuk, Egor Makarov, Dmitry Tikhomirov</i> Cultural Marginality: Multiple Cultural Boundaries and the Perspective for the Positive Realization (Based on the Cluster Analysis of Moscow Students)	11
---	----

New Translations

<i>Henry Farrell, Marion Fourcade</i> The Moral Economy of High-Tech Modernism	38
---	----

Beyond Borders

<i>Sergey Parinov</i> Mechanisms of Socio-Economic Activity Based on the Principles of Institutional Design: The Search for a General Model.....	53
--	----

<i>Kseniia Kalashnikova</i> (Re)Producing the Authenticity of Space in the Gastronomic Landscape of Siberian and Far Eastern Cities	87
---	----

New Books

<i>Aleksei Pobedonostsev</i> The Anti-Democratic Counterrevolution of Surveillance Capitalism Book Review: Zuboff S. (2025) <i>Nadzornyy kapitalizm ili demokratiya?</i> [Surveillance Capitalism or Democracy?], Moscow: The Gaidar Institute Press (in Russian). 360 p.....	111
--	-----

<i>Elena Belavskaya</i> “White Marriage,” Japanese-Style Book Review: Pacher A. (2022) <i>(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality</i> <i>in Intimate Relationships</i> , Cham: Springer. 209 pp.....	123
---	-----

Conferences

XXVI April International Academic Conference named after Evgeny Yasin at HSE University, Moscow, Russia, April 14–17, 2026.....	134
--	-----

Texts in English

<i>Suat Aksoy</i> Rethinking AI: Power, Surveillance, and Democracy	138
--	-----

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели,

представляем новый номер нашего журнала.

Тексты на русском языке

В рубрике «**Новые тексты**» предлагается материал канд. социол. наук *А. Н. Пинчук* (доцент РЭУ им. Г. В. Плеханова), *Е. С. Макарова* (аспирант департамента социологии Университета Вирджинии, США) и канд. социол. наук *Д. А. Тихомирова* (доцент РЭУ им. Г. В. Плеханова) «Культурная маргинальность: множественные культурные границы и возможности позитивной реализации (на основе кластерного анализа московских студентов)». Авторы показывают историю термина «культурная маргинальность», а также пред-

ставляют материалы социологического исследования, проведённого в 2024 г. среди студентов московских вузов ($n = 1615$). На основе анализа успешных кейсов из области лидерства и инноваций в полях культурного производства продемонстрирован эвристический потенциал диалога между социологией маргинальности и теорией полей и капиталов.

В рубрике «**Новые переводы**» мы знакомим читателей с переводом статьи профессора *Генри Фаррелла* и профессора *Марион Фуркад* «Моральная экономия высокотехнологичного модернизма» («*The Moral Economy of High-Tech Modernism*», 2023). Под высокотехнологичным модернизмом имеется в виду применение алгоритмов машинного обучения для организации социальной, экономической и политической жизни. Данный перевод войдёт в русскоязычный сборник статей профессора Марион Фуркад, посвящённый цифровой экономике, который готовится Издательством Института Гайдара. Публикуется с разрешения Издательства Института Гайдара.

В рубрике «**Расширение границ**» публикуется статья д-ра техн. наук *С. И. Паринова* (главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН) «Механизмы социально-экономической деятельности на основе принципов институционального дизайна: поиск общей модели». В статье предлагается концепция общей модели механизмов совместной социально-экономической деятельности, основанная на результатах фреймворка «Институциональный анализ и развитие» (ИАР). Исходным тезисом служит предположение о существовании универсальных функций, реализующих процессы координации и управления в различных типах механизмов регулирования совместной социально-экономической деятельности. Основные результаты исследования представлены в виде концепции и схемы общей модели механизмов совместной деятельности.

Продолжает данную рубрику статья *К. Н. Калашиниковой* (научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН) «(Вос)производство аутентичности пространства в гастрономическом ландшафте сибирских и дальневосточных городов». В данном исследовании заведения общественного питания рассматриваются как важная часть культуры города, которая может подвергаться трансформации в связи с глобализацией и коммерциализацией локальных особенностей. В качестве эмпирической базы выступили данные 2ГИС о 6747 заведениях в городах–центрах субъектов Сибирского федерального округа (СФО) и Дальневосточного федерального округа (ДВФО) (21 город). В результате выявлены различия между регионами и выделены группы городов с преобладанием разных видов кухни.

В рубрике «**Новые книги**» публикуется рецензия *А. В. Победоносцева* (PhD, Европейский университетский институт (Флоренция, Италия); доцент департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ) на новую книгу Ш. Зубофф «Надзорный капитализм или демократия?» (М.: Издательство Института Гайдара, 2025). В этой работе американский исследователь *Шошана Зубофф* развивает идеи своей нашумевшей книги «Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти» («The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power», 2019 г.) и приходит к ещё более тревожным выводам по поводу политического будущего цифрового общества. По её мнению, надзорный капитализм подвергает эрозии принципы либеральной демократии, лишая народ политического суверенитета и превращая граждан в послушных исполнителей воли алгоритмов, которые управляют поведением масс в интересах новой цифровой олигархии.

Канд. социол. наук *Е. С. Белявская* (эксперт ЛЭСИ НИУ ВШЭ) предлагает рецензию на книгу *Элис Пэчер* «В Японии секса нет. Социология асексуальности в интимных отношениях» (Pacher A. *(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*. Cham: Springer, 2022). Рецензия показывает, как общее нездоровье, экономическая нестабильность, усталость от труда, изменения семейной модели, родительскоцентричная структура японской семьи и успехи индустрии коммерческого секса ведут к снижению сексуального влечения и отказу от интимных отношений в браке. Особое внимание в рецензии уделяется отсутствию единого определения сексуальной активности, языковым дефицитам в артикуляции сексуального опыта, нормативному давлению, скрытому в евроцентричных теориях.

В рубрике «**Конференции**» размещается анонс XXVI Апрельской международной научной конференции имени Е. Г. Ясина, которая состоится в Москве 14–17 апреля 2026 г. и будет организована вокруг пяти научных тем: «Экономика»; «Человеческий капитал и общество»; «Инструментальные методы и модели»; «Форсайт-исследования»; «Международные исследования».

Тексты на английском языке

В статье «Переосмысливая искусственный интеллект: власть, надзор и демократия» («Rethinking AI: Power, Surveillance, and Democracy»), которую представил *Аксой Суат* (доцент университета Ардахан, Турция), даётся критический анализ траектории развития ИИ, оспариваются доминирующие нарративы, показывающие ИИ в качестве нейтрального и неизбежного элемента технологического развития. Автор статьи раскрывает эпистемологический сдвиг от общественных институтов к частным интересам при использовании систем ИИ для надзора и контроля над человеческим поведением, обращает внимание на размывание гражданских начал в процессе цифровизации. Предлагаемая концепция алгоритмической гегемонии открывает новый взгляд для понимания политической экономики ИИ и его последствий для демократии, утверждения справедливости и соблюдения общественных интересов.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

Let us introduce of a new journal issue.

Texts in Russian

Dr. *Antonina Pinchuk* (Associate Professor, Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics), *Egor Makarov* (PhD student, Department of Sociology, University of Virginia, USA), and Dr. *Dmitry Tikhomirov* (Associate Professor, Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics) present their paper titled 'Cultural Marginality: Multiple Cultural Boundaries and the Perspective for the Positive Realization (Based on the Cluster Analysis of Moscow Students).' The authors analyze the history of scholarship on cultural marginality. The survey conducted by the authors among Moscow students in 2024 ($n = 1615$) attempts to demonstrate operationalization of the cultural marginality and provide a view on the current trends in the Moscow youth. Using various examples of successful implementation of cultural marginality from literatures on leadership, and innovations in the fields of cultural production, the authors demonstrate the heuristic potential of dialogue between sociology of marginality and field theory.

Then, we publish a translation of an article written by Professor *Henry Farrell* and Professor *Marion Fourcade* 'The Moral Economy of High-Tech Modernism.' What they call 'high-tech modernism' is the application of machine learning algorithms to organize our social, economic, and political life. The Journal of Economic Sociology offers a Russian translation of this paper published in 2023 in *Dædalus*. This translation will be included in a Russian-language collection of Professor Marion Fourcade's articles on the digital economy, which is being prepared for publication by the Gaidar Institute Press. Published with a kind permission of the Gaidar Institute.

Dr. *Sergey Parinov* (Chief researcher of CEMI RAS) shares the outcome of his study 'Mechanisms of Socio-Economic Activity Based on the Principles of Institutional Design: The Search for a General Model.' The article proposes a general model of mechanisms for joint socio-economic activity grounded in the principles of institutional design within the Institutional Analysis and Development (IAD) framework. The core thesis assumes the existence of universal functions that mediate coordination and governance/management processes across various mechanisms regulating joint socio-economic activity. The study's main contribution is the conceptualization of a unified model of these joint activity mechanisms.

Kseniia Kalashnikova, researcher from the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, delivers her paper titled '(Re)Producing the Authenticity of Space in the Gastronomic Landscape of Siberian and Far Eastern Cities.' Catering establishments are analyzed as significant elements of urban culture that undergo transformation through the globalization and commercialization of local features. Empirically, the study utilizes 2GIS data covering 6,747 establishments in administrative centers across the Siberian and Far Eastern Federal Districts (21 cities). Key findings reveal regional distinctions and present city typologies based on dominant cuisine profiles.

Dr. *Aleksei Pobedonostsev* (Assistant Professor, Department of Sociology, HSE University) produced a review of the Russian translation of the new book written by *Shoshana Zuboff* 'Surveillance Capitalism or Democracy?' (Moscow: The Gaidar Institute Press, 2025). In her new study an American scholar Shoshana Zuboff expands upon the ideas developed in her bestseller 'The Age of Surveillance Capitalism' and arrives

at even more alarming conclusions about the political future of digital society. Zuboff argues that surveillance capitalism undermines the principles of liberal democracy by stripping citizens of political sovereignty and turning citizens into obedient executors of algorithms that manipulate the behavior of the masses for the benefit of the new digital oligarchy.

Dr. *Elena Beliavskaia* (Expert at the LSES, HSE University) provides a review of the book: Pacher A. (2022) (No) *Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*, Cham: Springer. This review explores the phenomenon of marital asexuality, challenging prevailing Western assumptions about the intrinsic link between marriage and sexuality. Particular emphasis is placed on the methodological challenges inherent in cross-cultural studies of asexuality, including the lack of a standardized definition of sexual activity, linguistic limitations in expressing sexual experiences, and normative biases embedded in Eurocentric theoretical frameworks.

We publish an announcement of the *XXVI April International Conference named by E. G. Yasin*, which will take place in Moscow on April 14–17, 2026. The conference is to be arranged around five major topics: Economy; Human capital and society; Instrumental methods and models; Foresight–studies; and International studies.

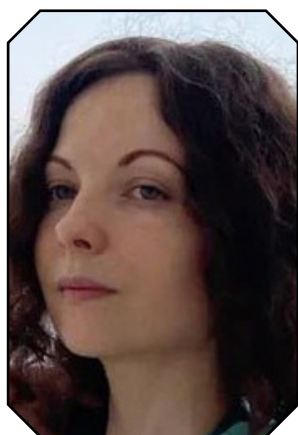
Texts in English

Finally, we publish a paper of *Suat Aksoy* (Assistant Professor, Ardahan University, Department of Economics, Ardahan Üniversitesi, Türkiye) titled ‘Rethinking AI: Power, Surveillance, and Democracy’. This study critically examines the development trajectory of artificial intelligence (AI), challenging dominant narratives that frame AI as a neutral or inevitable technological progression. The findings highlight a shift of epistemic authority from public institutions to private interests, the deployment of AI systems for surveillance and behavioural control, and the erosion of civic agency in digital governance. The proposed concept of algorithmic hegemony provides a new lens to understand the political economy of AI and its implications for democracy, justice, and public interest.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

А. Н. Пинчук, Е. С. Макаров, Д. А. Тихомиров

Культурная маргинальность: множественные культурные границы и возможности позитивной реализации (на основе кластерного анализа московских студентов)¹

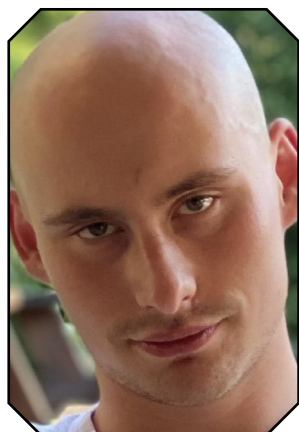

ПИНЧУК Антонина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. Адрес: 115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36.

Email: antonina.pinchuk27@bk.ru

Статья посвящена исследованию культурной маргинальности и её проявлению среди московских студентов, а также выявлению позитивных сторон данного феномена. Авторы анализируют историю термина «культурная маргинальность», значение которого претерпело изменение — от пограничного состояния чужака между двумя заданными и устойчивыми культурами к фундаментально присущей характеристике социальной жизни в условиях множественности культурных границ. Опираясь на концептуальные ресурсы социологии, авторы проводят теоретическую параллель между двумя аналитическими линиями анализа культурной маргинальности, условно обозначенных как структурно-функциональный и конструктивистский подходы. Первая из этих линий затрагивает межкультурное взаимодействие и вопросы адаптации, а вторая подчёркивает изменчивый характер культурных границ. Культурная маргинальность российской молодёжи проявляется в связи с тем, что она испытывает на себе мировые тенденции множественности культурных границ, с одной стороны, и влияние государственной политики по формированию традиционных ценностей в текущих геополитических условиях — с другой. В статье представлены материалы социологического исследования, проведённого авторами в 2024 г. среди студентов московских вузов (выборка целевая, n = 1615). Для операционализации культурной маргинальности и отражения трендов, характерных для российской молодёжной среды, был осуществлён кластерный анализ, в результате которого выделены две кластерные группы: (1) последователи доминирующей (традиционной) культуры и (2) культурные маргиналы. В статье показано, что эти последние в соответствии с конструктивистским подходом характеризуются сложностью формирования культурной идентичности и осознанием множественности культурных границ, что может сопровождаться социальной изоляцией. Выявленная культурная маргинальность российской молодёжи ставит вопрос о положительных аспектах реализации, ответ на который может дать теория полей и капиталов. На основе анализа успешных кейсов из области лидерства и инноваций в полях культурного производства продемонстрирован эвристический потенциал диалога между социологией маргинальности и теорией полей и капиталов.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 24-28-00549 «Культурная маргинальность российских студентов: развитие человеческого потенциала новых поколений как проблема и ресурс развития патриотизма в основных положениях и мерах по реализации государственной молодёжной политики» (руководитель: кандидат социологических наук Д. А. Тихомиров).

МАКАРОВ Егор Сергеевич — аспирант, департамент социологии, Университет Вирджинии. Адрес: США, VA 22904, г. Шарлотсвилл, ул. Хоспитал Драйв, 130.

Email: rfh9jy@virginia.edu

ТИХОМИРОВ Дмитрий Андреевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. Адрес: 115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36.

Email: dat1983@yandex.ru

Данная работа как вносит эмпирический вклад в исследование культурной маргинальности за счёт её измерения с позиций конструктивистского подхода, так и очерчивает перспективу формирования теории культурной маргинальности на «среднем уровне», привлекая концептуальные ресурсы экономической социологии, а также социологии молодёжи.

Ключевые слова: культурная маргинальность; культурные границы; аномия; культурная идентичность; российская молодёжь; социология маргинальности; теория полей и капиталов.

Введение

Культурная маргинальность как положение между двумя или несколькими культурами является неотъемлемой частью социальной жизни, отражающей универсальное свойство культурных границ, разделяющих центр и периферию [Bradatan, Craiutu 2012; Bankovskaya 2014; Баньковская 2023; Stewart, Ribeiro 2023]. Введённое в научный оборот социальной мысли одним из основателей Чикагской школы Р. Парком в 1929 г. [Парк 1998] и в дальнейшем дополненное Э. Стоунквистом [Стоунквист 2006] понятие «маргинальность» переосмысливалось в новых исторических условиях, приобретая дополнительные коннотации или раскрывая изначальную трактовку в актуальном для современников ключе. Изначальный смысл культурной маргинальности как состояние «чужака» [Зиммель 2003], отражающее фундаментальную невозможность встроиться в новую культуру с одновременным выходом из старой, в современной социологической теории дополняется идеей пограничности в условиях множественных культур и подвижности самих культурных границ, которые являются предметом социального конструирования и переопределения [Bradatan, Craiutu 2012; Bankovskaya 2014; Trueba 2019]. Такая реконцептуализация смещает акцент с маргинальности как результата действий групп и индивидов (в форме, например, миграции, или формирования субкультур и возможного девиантного поведения) на анализ изменения и конструирования самих культурных границ, что становится особенно актуальным в процессе культурных изменений и социальных переходов [Nakobyan, Dabaghyan, Khachatryan 2022]. Глобальные изменения, связанные с геополитическим напряжением, «политиками идентичности» в странах Запада, а также с ростом правого популизма, пришедшего на смену его левой альтернативе, сопровождаются распространением массмедиа, благодаря чему культурные тренды приобретают глобальный характер и актуализируют процессы размывания и множественности культурных границ на общемировом уровне [Virno 2003]. В условиях фундаментальной «текучести модерна» [Бауман 1996] и возрастающей мобильности процессы маргинализации становятся видимыми в разных странах и национальных контекстах, о чём свидетельствует рост исследовательского интереса к данному феномену как по всему миру [Caglar 1998; Conradson, Pawson 2009; Chatterjee 2017; Trueba 2019; Andersen 2021], так и в России [Бобер 2010; Кочетков, Луков 2019; Баньковская 2023].

Сегодня Россия находится в особых исторических условиях, когда период разрушения ценностно-нормативной системы советского общества с по-

следующей либерализацией и переориентацией на западные культурные образцы сменяется очередным поворотом в государственной культурной политике, на этот раз — в сторону формирования традиционных ценностей. В условиях социально-культурных изменений молодёжь как фундаментально маргинальная группа, находящаяся на границе взросления [Blackman, France 2001], получает особый опыт освоения культурной жизни страны, когда ранее интериоризированные культурные паттерны переориентируются на условно новые ценности, определяемые как традиционные, что сопряжено с рисками маргинализации. По существу, речь идёт о размывании и неопределённости культурной идентичности, что может сопровождаться отказом от ценностей доминирующей культуры как в добровольной, так и в нерелексивной форме [Duling 1995]. Процесс маргинализации также усложняется тем, что унификация национальной культурной политики, с одной стороны, и общемировой распад культурных границ, с другой, происходят одновременно. Исследования российской молодёжи отмечают, что нынешний период (примерно с 2010-х гг.) характеризуется наличием новых трендов, таких как размывание традиционных субкультур и различия между «нормальной» и «прогрессивной» молодёжью [Омельченко 2020]. В условиях распространения Интернета и массмедиа, с одной стороны, и невозможности активного публичного (в том числе политического) участия, с другой, молодёжь обращается к так называемой политике малых дел, проявляющейся в таких культурных сферах, как формирование «обратного» патриотизма [Pilkington, Omelchenko, Perasović 2018] или экологического сознания [Lebedeva 2023]. При изучении российской молодёжи отмечается актуальность концепта молодёжной *солидарности* [Омельченко 2020], формирование которой является предметом эмпирических исследований. Таким образом, теоретическая рамка культурной маргинальности может привнести эвристический потенциал в литературу исследований российской молодёжи, демонстрируя её связь с формированием солидарности.

Поскольку молодёжь как переходная возрастная группа является фундаментально маргинальной, а общества позднего модерна переживают кризис культурных образцов и размывание границ (в данном случае Россия следует общемировому тренду), возникает вопрос: может ли культурная маргинальность выступать не в качестве негативного явления, а как источник молодёжной солидарности в контексте её гетерогенности и космополитичности? Для ответа на данный вопрос потребуются теоретическая ревизия концепта культурной маргинальности и обзор теоретических и эмпирических кейсов удачной конвертации маргинальности в продуктивный и креативный потенциал. В связи с этим мы предлагаем применить экономико-социологическую теорию полей и капиталов в качестве концептуального моста, описывающего позитивную конвертацию маргинальности как ресурса солидарности и креативности. Далее возникает вопрос: как можно измерить культурную маргинальность российской молодёжи, не прибегая к объективному, извне заданному критерию, отразив характер изменчивых границ? Операционализация культурной маргинальности осложняется проводимой государственной молодёжной политикой по формированию «традиционных» ценностей, которая сверху вниз накладывается на космополитичность и гетерогенность молодёжи (см.: [Омельченко 2020]). Таким образом, возникает ещё один вопрос: прослеживается ли логика различения традиционных маргинальных молодёжных групп, и если да, то как можно охарактеризовать эти последние? Данная статья предлагает систематизацию подходов к культурной маргинальности, а также её возможную операционализацию в рамках конструктивистского подхода. Исследование культурной маргинальности на эмпирическом уровне ставит вопрос о возможности её позитивной реализации. Для этого мы предлагаем обзор кейсов успешной реализации культурной маргинальности через призму экономико-социологического подхода форм капиталов. Данный анализ позволяет наметить контуры новой области исследования культурной маргинальности как теории «среднего уровня».

Ответы на поставленные вопросы требуют решения нескольких задач, что формирует структуру данной работы. Во-первых, необходим анализ развития в социологии теорий маргинальности, которые можно условно организовать вокруг двух линий концептуализации — структурно-функциональной и

конструктивистской. Во-вторых, требуется эмпирический анализ культурной маргинальности среди российской молодёжи. Насколько известно авторам данной статьи, в отечественной социологии не было предпринято попыток эмпирического количественного исследования маргинальности. В зарубежных исследованиях такие попытки существуют, но они определяют и измеряют маргинальность как объективную характеристику, критерии которой заранее определены (например, по признаку успеваемости учеников [Andersen 2021] или по этническому признаку [Yoo 2021]). Мы провели кластерный анализ, который в соответствии с конструктивистским подходом позволяет выделить группу культурно маргинальных московских студентов, что обуславливает эмпирическую новизну данной работы. В-третьих, нужно проанализировать позитивные черты культурной маргинальности и условия, в которых они могут проявляться. Существующие исследования, особенно в логике структурно-функциональной модели, акцентировали внимание на негативных чертах культурной маргинальности [D'souza 1979; Fetzer 2000]. Однако, несмотря на устоявшиеся негативные коннотации самого слова «маргинальность» [Crewe 1991; Bradatan, Craiutu 2012], возможная реализация позитивных сторон маргинальности всё чаще становится предметом исследований, особенно в полях культурного производства [Brecher 2012; Grabher 2018; Dogan, Pahre 2019], а также формирования лидерских качеств [Petriglieri, Peshkam 2022]. На основе анализа этих и других успешных кейсов, мы очерчиваем теоретическое пространство для применения теории полей и капиталов [Bourdieu 1986; Радаев 2002; Fligstein, MacAdam 2015] в области социологии маргинальности и показываем, что культурная маргинальность может быть использована как позитивный ресурс человеческого, культурного и социального капиталов, а также демонстрируем условия, в которых такая «конвертация» становится возможной.

Культурная маргинальность в классической и современной социологии: структурная и конструктивистская модели

Несмотря на основательный пласт работ по теории маргинальности и исследовательский интерес к ней (см. критический обзор данных теорий: [Varghese, Kumar 2022]), концепт культурной маргинальности определяется неоднозначно, что приводит к размыванию понятия и усложняет попытки сопряжения позиций классических и современных концепций. В то время как одни авторы раскрывают культурную маргинальность, используя классический — или структурный — подход в контексте межкультурных взаимодействий и проблем миграции [Парк 1998; Стоунквист 2006; Berdibayeva et al. 2016; Кочетков, Луков 2019], другие выделяют переходное положение конкретных социальных групп, отражая проблему выбора ценностно-нормативных ориентиров в условиях аномии и подвижности культурных границ, что можно охарактеризовать как конструктивистский подход [Blackman, France 2001; Trueba 2019; Nakobyan Dabaghyan, Khachatryan 2022; Ковров, Пичко, Гафиатулина 2023]. Неоднородность обозначенных позиций отражает, скорее, исследовательский интерес к проблемам целевой группы, представители которой оказались в «пограничном» положении в процессе культурного перехода. Отсюда возникают близкие и нередко синонимично используемые социальные типы маргинала и (или) чужака [Парк 1998; Зиммель 2003; Bankovskaya 2014] с характерными чертами в социологическом научном нарративе. Классическая модель культурного маргинала чаще всего проясняется на примере мигранта, который в результате пространственных перемещений оказывается между двумя (и более) культурными группами. Однако в условиях текучей современности [Бауман 1996] и множественности культурных границ и идентичностей [Virno 2003] культурная маргинальность становится применима не только к мигрантам, но и к другим социальным группам, которые не перемещались из одного физического пространства в другое. Примерами этих последних могут послужить такие группы, как последователи западного и советского андеграунда [Бобер 2010], исполнители христианского хип-хопа [Vermurlen 2016] или немецко-турецкого рэпа [Caglar 1998]. В результате идейного разнообразия размывается «идеальный тип» культурного маргинала, который можно было бы использовать как теоретическую модель для анализа меняющейся социальной реальности. Историю развития социологического знания о культурной маргинальности мы предлагаем рассмотреть в двух теоретических

проекциях — структурной-функциональной и конструктивистской². Используя в качестве аналитического различие на структурный и конструктивистский подходы, мы попытаемся не только установить соответствие термина «культурная маргинальность» социологическим концепциям, которые обычно применяются для понимания идеи маргинальности, но и определим точки раскрытия рассматриваемых теоретических построений.

Структурный подход к маргинальности

Для классического определения маргинальности, уходящего корнями в проблему миграции и межэтнического и (или) межрасового взаимодействия, что изначально предполагало в качестве аксиоматического допущения пространственные перемещения и наличие заданных границ между группами, характерна структурная модель. Обратим внимание на хронологию развития социологической мысли о маргинальности. Присущую социологическому дискурсу интерпретацию феномен маргинальности впервые получил в работах представителей Чикагской школы социологии. Считается, что Р. Парк первым проблематизировал феномен маргинальности, изучая личностный тип «культурного гибрида», оказавшегося «на границе двух культур и двух обществ, которые никогда не взаимопроникали и не смешивались полностью» [Парк 1998: 174]. В подходе Парка маргинальность связана с групповым способом существования. Значимым условием для возникновения маргинальности является дифференциация на «мы — они» [Николаев 1998]. Ещё один яркий представитель Чикагской школы социологии, Э. Б. Стоунквист, приходит к выводу, что в основе ситуаций возникновения маргинальности есть «нерешённые проблемы ценностей и поведения», отражающие социальные трансформации, связанные с интенсивными процессами миграции и торговли, ростом городских сообществ и коммуникаций, изобретениями и диффузией. Маргинальность возникает в условиях быстрого культурного перехода, а маргинальный человек остаётся в ситуации неопределённости между двумя (или более) социальными мирами [Стоунквист 2006]. Стоит добавить, что частные проявления маргинальности раскрываются в обширном корпусе работ других представителей Чикагской школы социологии (Л. Вирт, Х. У. Зорбо и др.). Их взгляды объединяет сочетание социальной дистанции и территориальной близости как условие возникновения маргинальных образований. Как писал Э. Б. Стоунквист, в состоянии маргинала есть «некоторое — возможно, неуловимое — чувство отстранённости и *malaise* [то есть дискомфорта. — Авторы статьи], внутренней обособленности от своей социальной жизни» [Стоунквист 2015: 141]. Важно и то, что общим конститутивным фоном возникновения маргинальности в работах чикагцев выступает городская среда, полная диссонансов межкультурного взаимодействия соседских сообществ, проживающих на одной территории. Типичный представитель маргинала — мигрант, а мобильность признаётся неотъемлемой характеристикой маргинальности. Однако мобильность понимается шире, чем физическое перемещение; возможны различные виды социальной мобильности. Также следует учитывать, что рассматриваемые контексты маргинальности, связанные прежде всего с социальными трансформациями, воспринимались как подвижные конфигурации сообществ. Сама же маргинальность в её многочисленных проявлениях представлена в различных видах взаимодействия (семья, образовательные организации, профессиональная сфера и др.), что уже в классических формулировках расширяло данное понятие [Николаев 2010].

Таким образом, в работах классиков социологии пространственная характеристика в определении маргинальности и маргиналов представляется наиболее разработанной в плане определения «границ» и «среды». Пограничный статус культурного маргинала в этом случае выражает положение между

² Мы осведомлены о классификации, выделяющей структурно-функциональный и формальный подходы к культурной маргинальности [Bankovskaya 2014]. Следуя определению С. П. Баньковской структурно-функционального подхода, мы, однако, предлагаем использовать термин «конструктивистский» вместо «формальный», поскольку он отражает сконструированный и изменчивый характер культурных границ. Отметим, что данное изменение является, скорее, терминологическим.

границами социальных групп. Как отметила С. П. Баньковская, «множество определённых, отчётливо оформленных сообществ, множество их границ и вообще множество различного рода оппозиций составляет универсальную “среду” для Чужака/Маргинала» [Баньковская 2023: 103]. В структурном контексте группы сегментируются по оси «мы — они», что указывает на их определённую. Это могут быть этнические, статусные, профессиональные, расовые и другие группы. Промежуточность положения индивида возникает, когда он переходит из старой в новую группу, что требует поведения согласно стандартам, «установленным для соответствующего “структурного” места» [Николаев 1998: 161]. Соприкосновение с границами новой группы порождает культурный конфликт лояльностей, которые совмещены в идентичности маргинального человека, но сам маргинал не идентифицирует себя ни с одной из конфликтующих культур [Баньковская 2023]. Отношения маргинала с группой проявляет не только пространственная определённость, но и отсутствие общих исторических корней, важных для самоидентификации группы. В «Эссе о чужаке» Г. Зиммеля косвенно прослеживается ссылка на отсутствие разделяемого исторического прошлого. Специфика положения чужака заключается в том, что в новом пространственном окружении «он не принадлежит ему изначально, что он привносит в него качества, которые не возникают и не могут возникнуть в этом пространстве» [Зиммель 2003: 173]. Как утверждает А. Шютц, чужак — своего рода «аутсайдер» и «новичок»; он может разделить с новой группой настоящее и будущее, но, с точки зрения неродной группы, «он — человек, лишённый истории» [Шютц 1998: 183]. Шютц разделяет позицию Парка и Стоунквиста, уточняя, что чужак остаётся маргинальным человеком до тех пор, пока находится на стыке двух культурных образцов, родной и неродной групп, не принимая ни один из них. Адаптация к мы-группе, освоение культурного образца принимающей общности как «само собой разумеющегося» лишает такого человека статуса чужака [Шютц 1998].

Со временем классический структурно-пространственный подход дополняется рефлексией о маргинальности в мейнстриме ускоряющейся мобильности и глобализации [Groff 2002]. В первую очередь речь идёт о либерализации миграционной политики США в 1960–1970-х гг. Эта политика привела к заметному увеличению числа этнических меньшинств и актуализировала характерный для США и по нынешний день диалог о «мультикультурализме» [Strmic-Pawl 2023], в котором тема маргинальности становится центральной [Spivak 2004; Trueba 2019]. Данные изменения и идеи находят отражение в работах европейских мыслителей последней трети XX века, тем самым продолжая сюжет о чужаке в условиях разрастающейся мобильности в пространстве европейских государств [Гусев 2009: 74]. Характеристикой чужака по-прежнему являются колебания между близостью и отдалённостью; как отмечает З. Бауман, «это и не друзья, и не враги» [Бауман 1996: 61]. Бауман, как и Зиммель, использует понятие «новички», чтобы определить чужаков, для которых незнакомы образ жизни, привычки, культурные повседневные практики, естественные для нового окружения. Как и теоретические предшественники, Бауман уделяет особое внимание городской среде как конститутивным условиям маргинальности. Философ замечает, что современное общество преимущественно городское, в рамках которого ситуации определения «мы» и «они» не самоочевидны. В большинстве случаев городские жители не знают людей, которых встречают в повседневности, а это означает, что современный мир населён чужаками, «это мир универсальной отчуждённости» [Бауман 1996: 69]. Примечательно, что в современной реальности чужак рассматривается как носитель онтологической опасности для принимающего сообщества, так как он способен нарушить пространственный миропорядок, основанный на географических границах, выступающих релевантной основой для моральной координации [Гусев 2009]. Бауман считает, что в своей пограничной позиции чужаки «противостоят противопоставлению как таковому, т.е. разного рода различиям, границам, устанавливающим их, и тем самым — определённости социального мира, проистекающей из этих различий» [Бауман 1996: 60]. Процессы глобализации и массовой мобильности не только нарушают конвенциональность установленных воображаемых межгрупповых границ, но и смещают моральные координаты общественных структур. Как утверждает У. Бек, в контексте глобализации, когда культурные, правовые, политические, экономические границы

перестают совпадать, могут проявиться «противоречия между различными принципами исключения», другими словами, «внутренняя глобализация в смысле плюрализации границ вызывает кризис легитимации национальной морали исключения» [Бек 2003: 27]. Иными словами, границы не исчезают, но могут быть переопределены, что связано с поиском идентичности в условиях взаимопроникновения культур. Важна мысль Бека о том, что принципы глобального и локального взаимосвязаны, в этом взаимопроникновении изменяется «содержание социального и политического внутри национальных государств» [Бек 2003: 25]. По нашему мнению, эти рассуждения важны для осмысления социального типа культурного маргинала, который в контексте открытого информационного пространства может пересмотреть общепризнанные принципы идентификации и поставить под сомнение легитимацию культурных границ и принципов морального исключения, транслируемые национальной культурой. В такой когнитивной перспективе прослеживается переход от заданных пространственно-социальных координат к конструируемым во взаимодействии границам. Поворот от физического пространства к культурному позволяет увидеть конструктивистская направленность теоретических рассуждений.

Конструктивистский подход: культурная маргинальность в условиях подвижных границ

Конструктивистский подход проблематизирует социологическую амбивалентность культурной маргинальности как социального феномена, включающего коллективно-индивидуалистические предпосылки. Здесь одновременно следует учитывать групповое взаимодействие и динамику самоидентификации с группой или другими контекстуальными факторами. Это «двойное» измерение отражает бинарную оппозицию группового, целого, доминирующего большинства и индивида в едином контенте, где социальные составляющие маргинальности артикулируются на уровне индивидуального самоопределения, поскольку индивид может идентифицировать себя как маргинала только по отношению к соответствующим группам [Chatterjee 2017]. Так, на первый план выходит проблематика конструирования межгрупповых границ. Преимущество определения маргинальности как состояния структурной амбивалентности заключается в том, что эта точка зрения признаёт не только огромное разнообразие социокультурных детерминант на контекстуальном уровне, но и множество возможных реакций на неё, проявляющихся на личностном уровне [Chatterjee 2017; Berdibayeva et al. 2016]. В феноменологических определениях П. Бергера и Т. Лукмана, маргинальные ситуации представляют угрозу привычному миропорядку, а маргиналы не вписываются в универсум «коллективного согласия» [Бергер, Лукман 1995]. В свою очередь, рассматривая девиантность маргинала в конструктивистской логике, следует заметить, что встроенность маргинала в определённый социокультурный контекст опосредует конструирование девиантности. Как отмечает Г. Беккер, «девиантность конструируется, так как представляет собой коллективное действие, которое состоит не только из самих проступков, но и из процесса определения данных проступков в контексте формальной либо “более или менее неформальной” процедуры» [Беккер 2018: 207].

Итак, в конструктивистской аналитической установке культурная маргинальность является результатом социальных изменений, которые ведут к переопределению культурных границ в контексте межгруппового взаимодействия. В этом подходе конститутивные свойства культурной маргинальности переосмысливаются: маргинальность чаще всего возникает в условиях аномии и отражает переход от прежней ценностной системы к новой, условные границы переопределяются в процессе взаимодействия различных социальных групп, расширяется проблематика пространственно-временной локализации. Маргинальность проявляется внутри общества, поэтому культурные маргиналы могут иметь общую территорию и историю с собственной культурной группой.

Следует заметить, что возникновению культурной маргинальности в контексте кризисных переходов и аномии современные учёные уделяют особое внимание. В условиях аномии, когда происходит раз-

рушение устоявшегося ценностно-нормативного порядка, сопровождаемое размытием прежней системы идентификаций и появлением ценностного вакуума, культурные маргиналы появляются в ответ на противоречивые культурные требования [Temirgaliev, Jamaliyeva 2021]. Некоторые учёные отмечают, что для периода структурных преобразований общества характерны «явления параллелизма», когда продолжает воспроизводиться нормативно-ценностный порядок прежних институтов, но при этом в меняющейся реальности начинают функционировать новые институты и социальные отношения. Это приводит к формированию двойственных ценностных ориентаций и маргинализации поведения в условиях старых и новых реалий социальной жизни, «сосуществующих параллельно» [Nakobyan, Dabaghyan, Khachatryan 2022]. Схожие теоретические воззрения можно увидеть в современных работах отечественных авторов, рассматривающих кризисную модель самоопределения молодых людей в эпоху постсоветских перемен. В этом случае маргинализация осмысливается как сложный период поиска тех, кто есть «Мы», когда общепринятая культурная система, транслируемая общественными институтами и родительской семьёй, недостаточно осваивается, а собственная система ценностей ещё не сформирована [Мельникова 2010]. Состояние неустойчивости и неопределённости современного общества, по словам отечественных учёных, подвергает новым угрозам и рискам российскую молодёжь, для которой характерна культурная маргинальность, возникающая «в результате воздействия внешних факторов (как результат пребывания в обществе риска) и внутренних факторов (как свойства переходного, пограничного возрастного периода со специфичными чертами группового сознания (лабильность, экстремальность, трансгрессивность, глобальность)» [Ковров, Пичко, Гафиатулина 2023: 255].

Стоит уточнить, что в кризисные периоды маргинализация усиливается, однако она присуща культурным процессам как таковым [Bankovskaya 2014]. В более широком смысле культурная маргинальность олицетворяет проблему ценностного самоопределения и выбора культурных координат в пространстве борьбы за смыслы. «Пограничность» выражается в том, что маргинальная личность находится «между», не принимая ни старое, ни новое, ни культуру большинства, ни какую-либо иную культуру или субкультуру. В структурном подходе «маргинал скорее стремится избежать соприкосновения с границами и чёткими линиями, чем совместить или стереть их» [Баньковская 2023: 193]. В конструктивистской логике анализа подчёркивается возможность участия в переопределении этих границ. Личностная позиция культурного маргинала предполагает неопределённость, когда человек осознаёт связь с доминирующей формой культуры по рождению, но при этом недостаточно осваивает принятую большинством культурную систему ценностей, не поддерживает распространённые в обществе культурные образцы. Культурного маргинала отличает одновременно удалённость и близость к культурным аксиологическим координатам, объективный и критичный взгляд на культуру, отсутствие идентификации с историческим прошлым доминирующей культуры.

Следует отдельно уточнить концептуальные положения о доминирующей культуре. Хотя до сих пор в научной риторике нет однозначного ответа на вопрос о том, как определять культурные границы и дифференциацию внутри культуры, мы полагаем, что в изучении культурной маргинальности надо исходить из понимания пространства доминирующей культуры, очерчиваемого в государственных документах внутри национальных границ как единое культурное пространство страны³, имеющее историческую уникальную самобытность на основе объединяющей роли традиционных ценностей⁴. В социологическом плане разумно говорить о государственном запросе на обеспечение гегемонии доминирующей культуры в институциональных практиках образования и воспитания. Доминирующая культура, надо заметить, не находится в изоляции и подвержена влиянию других культур через межкультурные коммуникации. Мы согласны с мнением российских учёных, которые считают, что «в не-

³ См.: Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утверждённые Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808».

⁴ См.: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

котором смысле каждая национальная культура является продуктом культурной гегемонии и, следовательно, может находиться под влиянием других культур» [Панарина, Лавров 2019: 28]. В то же время, рассматривая вопрос об однородности культуры, с нашей точки зрения, необходимо учитывать определённую самобытную квазиоднородность [Mouzelis 2007] российской культуры, проявляющуюся в сочетании различных культур и сформированными государственной политикой ценностями, претендующими на универсальность. Безусловно, данные директивы не формируют ценностные установки молодёжи напрямую, но вместе с разнородностью культурных практик и множественностью культурных границ попадают в пространство интерпретаций и практик. Одним из преимуществ конструктивистского подхода к анализу культурной маргинальности является возможность рассмотрения различения маргинальности и нормальности в контексте множественности культурных границ. Так, вопрос о том, могут ли директивы государственной культурной политики выступать в качестве источника солидарности множественных молодёжных групп [Омельченко 2020], является эмпирическим.

Ещё одно важное замечание касается того, что культурная маргинальность выступает условием формирования и реализации человеческого капитала. В этом плане маргинальность воспринимается как пространство для проявления индивидуальности, самостоятельности и креативности, а культура осмысливается как движущая сила социальных трансформаций. Культурная маргинальность даёт возможность по-разному смотреть на мир, так как для маргинала характерны альтернативные способы осмысления принимающей культуры и беспристрастное к ней отношение [Stewart, Ribeiro 2023].

Культурная маргинальность московских студентов с точки зрения конструктивистского подхода: перспектива операционализации

Методы и эмпирический дизайн исследования

Социальные общемировые процессы подвижности и размытости границ в России особенно усиливаются в условиях геополитической нестабильности, сопровождающейся экономическими санкциями. Учитывая прикладываемые государством усилия по формированию «традиционных» ценностей, необходимо помнить слова К. Поппера, который утверждал, что социальные процессы характеризуются «ненамеренными <...> последствиями интенциональных человеческих действий» [Поппер 2008: 566]. Государственная культурная политика, несмотря на формирование общих ориентиров, непрямым образом воздействует на социальные группы, что может приводить к ещё большему размытанию границ и усиливать неопределённость, в условиях которой социальная и культурная маргинализация проявляется более выражено [Hakobyan, Dabaghyan, Khachatryan 2022].

Использовать зарубежные теории, разрабатываемые для анализа социальных процессов и явлений для обществ с другими национальными, этническими и институциональными особенностями, а также находящихся в иных исторических условиях, необходимо с осторожностью и оговорками. Конструктивистский подход был разработан в США после изменения миграционной политики в 1960-е гг., что обусловило большой приток мигрантов и стимулировало дискуссию среди исследований расы и этничности о мультикультурализме [Strmic-Pawl 2023]. Российская реальность принципиально отличается от данной ситуации. Однако, вслед за Баньковской [Bankovskaya 2014; Баньковская 2023] мы склонны полагать, что феномен культурной маргинальности внутренне присущ культурным и социальным процессам, поскольку сами культурные границы с разделением на центр и периферию являются универсальной характеристикой социальной жизни. Мы ожидаем, что культурная маргинальность российской молодёжи согласно конструктивистскому подходу будет проявляться скорее в невозможности выбора культурной идентичности, чем в чётко выраженном пограничном положении.

Для исследования культурной маргинальности российской молодёжи в 2024 г. мы провели опрос среди студентов московских вузов. Насколько нам известно, данное исследование было первой попыт-

кой количественного анализа культурной маргинальности, поэтому первостепенная задача эмпирической части — операционализация теоретических положений, описанных выше. В данном смысле представленный ниже кластерный анализ отражает тренды, связанные с культурной маргинальностью российской молодёжи. В сочетании с выводами исследований гетерогенности и космополитичности молодёжи (особенно в мегаполисах), а также формирования солидарности как способа социальной интеграции в рамках подвижных границ [Омельченко 2020] эмпирическое разведывательное исследование культурной маргинальности отражает множественность культурных границ в условиях воздействия молодёжной культурной политики.

Молодёжь является фундаментально маргинальной социальной группой, которая ощущает переходные процессы особенно остро. Именно молодые люди склонны к участию в разных субкультурах, зачастую обусловленных осознанным желанием маргинализации [Blackman, France 2001]. В условиях культурного поворота в сторону традиционных ценностных, а также социализации в контексте распространения массмедиа, которые способствуют множественности культурных границ, феномен культурной маргинальности выходит на первый план. В этом смысле актуальным представляется исследование московских студентов как представителей мегаполиса с сочетанием разнонаправленных культурных трендов. В Москве сосуществуют жители разных регионов России, что особенно характерно для столичного студенчества. Объём нашей выборки — 1615 человек; тип выборки — целевая. Среди опрошенных 36% юношей, 64% девушек, возраст которых составляет 18–26 полных лет; средний возраст — 19,6 года. Опрошены были студенты 1–5-х курсов (мода и медиана равны 2), по образовательным программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Для анализа данных использовались язык программирования Python и пакет статистического анализа STATA.

Формирование выборочной совокупности осуществлялось с учётом критериев целевого отбора. К участию привлекались студенты московских вузов, осваивающие образовательные программы бакалавриата, магистратуры и специалитета на разных курсах обучения в вузах гуманитарного, экономического, творческого и технического профилей, что позволило получить широкую палитру мнений студенческой молодёжи. Привлечение студентов к участию в опросе потребовало рассылки представителям администрации и преподавателям московских вузов информационных писем, содержащих сведения об исследовательском проекте, его целях и задачах, с просьбой оказать содействие в распространении анкеты. В выборке представлены студенты следующих московских вузов: Российский экономический университет (РЭУ) им. Г. В. Плеханова, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Государственный университет управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский государственный областной университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская академия музыки им. Гнесиных, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет, Московский городской педагогический университет, Институт кино и телевидения, Российский биотехнологический университет. Составление анкеты потребовало проведения апробации инструментария, в которой принимали участие студенты РЭУ им. Г. В. Плеханова (110 человек), что позволило усовершенствовать блоки анкеты и формулировку вариантов ответов на вопросы.

В таблице 1 представлены описательные статистики демографических переменных.

Таблица 1

Описательные статистики выборочной совокупности

Переменная	Доля, %	Среднее значение	Стандарт. отклонение	Минимум	Максимум
Пол	100,0			1	2
Мужской	36,09				
Женский	63,91				
Возраст	100,0	19,6	7,44	17	26
Год обучения	100,0	2,00	0,98	1	5
Уровень образования	100,0			1	2
Бакалавриат (+ специалитет)	88,48				
Магистратура	11,52				

Описательные статистики демографических переменных

Результаты кластерного анализа: две группы

Для исследования культурной маргинальности российских студентов мы использовали кластерный анализ, который в соответствии с нашей концепцией выявил два кластера. Их условно можно разделить на последователей доминирующей культуры и культурных маргиналов (см. табл. 2). Кластерный анализ был осуществлён с помощью метода Варда (сходство кластеров определяется на основании расчёта прироста суммы квадратов расстояний от точек до центроидов при объединении кластеров), в качестве меры близости использовался квадрат расстояния Евклида. В основу измерения заложены утверждения, которые формулировались на основе анализа литературы, отражающей практику исследования субъективной самооценки по трём обозначенным направлениям, с последующей корректировкой в рамках предварительной апробации инструментария. Полный перечень утверждений, используемых в окончательной версии инструментария, представлен в таблице 2.

Как с точки зрения теории, так и в выделении эмпирических индикаторов мы следуем конструктивистской модели культурной маргинальности, в которой маргинальность не является результатом физического перемещения, а представляет собой неспособность ориентации в условиях подвижных множественных культурных границ [Кочетков, Луков 2019]. Мы полагаем, что опыт культурной маргинальности прежде всего требует анализа качественных аспектов маргинализации, которые непосредственно не наблюдаются, но выражаются на уровне культурных установок, ценностей, убеждений [Andersen 2021]. В этом случае определение тех, кого можно отнести к культурным маргиналам, довольно проблематично, поскольку культурная маргинальность представляет собой сложный многосоставной феномен, требующий применения, чтобы охватить как можно больше аспектов опыта маргинализации, нескольких показателей. Таким образом, для создания комплексного показателя использовались утверждения, раскрывающие маргинализацию индивида в трехаспектной проекции: (1) культурная идентичность; (2) отношение к доминирующей культуре и (3) открытость новому.

Таблица 2

Результаты кластерного анализа

Утверждение	Доминирующая культура	Культурные маргиналы
Я принадлежу к российской культуре	4,8*	3,9*
В век новых технологий традиции культуры — это архаичное прошлое, которое можно уже забыть	1,5*	2,3*
В современном мире важно быть гибким и осваивать ценности и традиции разных культур	3,9*	4,1*
Мы должны сохранить наши культурные ценности и передать их будущим поколениям	4,8*	3,9*
Я разделяю ценности и традиции культуры моей страны	4,7*	3,7*
Я считаю, что не имеет смысла поддерживать традиции определённой культуры, в современном мире надо быть открытым всему новому	2*	3,2*
В современном мире — разнообразие культур, не могу себя ни к одной из них причислить	1,4*	2,9*
Нам следует предпринимать меры для защиты нашей культуры от воздействия извне	4,1*	3,1*
Культурные предпочтения — личное дело каждого, государство не должно вмешиваться в эту сферу	3,2*	4,1*
Я не чувствую себя частью национальной культуры, поддерживаю ценности разных культур	1,6*	2,9*
N, %	45	55

* U-критерий Манна—Уитни; p -value < 0,000.

Последователи доминирующей культуры

Согласно результатам кластерного анализа, представляется возможным выделить последователей доминирующей культуры как относительно устойчивую группу. Среди тех, кто относится к первому кластеру, наиболее выраженными ценностными установками являются принадлежность к российской культуре, сохранение и преемственность культурных ценностей, а также идентификация с ценностями и традициями культуры своей страны. Представители данной группы также склонны полагать, что культурные традиции необходимо защищать от влияния извне. Если мы посмотрим на разницу средних по каждому из данных двух утверждений, то увидим разницу практически в один балл со вторым кластером культурных маргиналов, что является достаточно большим различием. В сочетании данные ценностные установки позволяют рассматривать кластер последователей доминирующей культуры как достаточно консистентный. С точки зрения нашей работы не столь важно, что именно понимается под «русской» или «доминирующей» культурой; более принципиально наличие конкретно выраженной позиции, которая позволяет с уверенностью отнести себя к определённой культуре. Однако по утверждению о необходимости быть гибким в условиях культурного многообразия кластеры распределились практически одинаково (3,9 у последователей доминирующей культуры; 4,1 у культурных маргиналов), что свидетельствует, несмотря на наличие устойчивых культурных ориентиров и идентичности у тех, кто относится к первому кластеру, о признании множественных границ в современном мире.

Культурные маргиналы

Наиболее важным для нашего исследования является второй кластер — культурные маргиналы. Среди них наиболее выражена установка на признание культурных границ личным делом человека, в которое государство не должно вмешиваться. Сам по себе этот факт может свидетельствовать о большей приверженности свободе. Однако в соотношении с другими установками более вероятно, что таким

образом может проявляться социальное дистанцирование, присущее маргинальности. Больше, чем последователи традиционной культуры, и больше, чем в среднем (балл выше, чем средний 2,5), культурные маргиналы склонны демонстрировать открытость новому в противовес следованию культурным традициям, а также, что наиболее важно, (1) не могут причислить себя ни к одной из культур из-за их разнообразия; (2) не чувствуют себя частью национальной культуры, поддерживая ценности разных культур. Именно эти утверждения позволяют нам с уверенностью говорить о том, что данный кластер представляет собой именно культурных маргиналов, которым выбор культурной идентичности в условиях многообразия даётся с трудом. В этом смысле их склонность полагать, что государство не должно вмешиваться в культурную жизнь личности, может рассматриваться, скорее, как социальная изоляция, присущая маргинализации, что отражает её негативную сторону.

В ходе дальнейших работ были исследованы жизненные ценности студентов, что позволило глубже изучить культурные отличия представителей выделенных кластерных групп. В таблице 3 представлены демографические характеристики кластеров. Из таблицы 4 видно, что выявленным группам свойственна определённая однородность по половозрастному составу. Юноши и девушки представлены практически в одинаковых пропорциях в кластерных стратах, средний возраст — около 19 лет.

Таблица 3

Социальный портрет кластеров

Переменные	Доминирующая культура	Культурные маргиналы
Пол		
Женский, %	62	66
Мужской, %	38	34
Возраст, среднее значение	19.8	19.5
Год обучения, среднее значение	2.0	1.9
Бакалавриат и специалитет, %	86	90
Магистратура, %	14	10

Двумерный анализ (на основе критерия хи-квадрат) позволил обнаружить статистически значимые различия системы ценностей последователей доминирующей культуры и культурных маргиналов (см. табл. 4).

Таблица 4

Ценностные ориентации кластерных групп

Ценности молодёжи	Доминирующая культура, %	Культурные маргиналы, %
Семья, дети	76*	58*
Деньги, финансовое благополучие	47*	57*
Здоровье, красота	38*	46*
Служение обществу	14*	8*
Духовное самосовершенствование	37*	30*
Путешествия, интересный досуг	30*	40*
Престижная работа	18*	24*
Образование, профессионализм	33	31
Самореализация, творчество	45	43
Независимость, самостоятельность	23*	33*
Получение удовольствия от жизни	33*	40*
Известность и слава	5	7
Власть	5*	8*

* Критерий хи-квадрат, p -value < 0,05.

Как видно из таблицы 4, для студентов из группы культурных маргиналов характерны ценности, отражающие ориентиры на самоутверждение (финансовое благополучие, престижная работа, здоровье, красота), гедонизм (путешествия, интересный досуг, получение удовольствия от жизни), самостоятельность, независимость и власть. Можно заключить, что группе маргинализированной молодёжи в большей мере присущи мотивация достижения успеха, инновационные и предпринимательские установки (активная самостоятельность, стремление к лидерству), что выдвигает вопросы о положительных аспектах культурной маргинальности.

Позитивные черты культурной маргинальности как ресурс разных видов капиталов, лидерства и инноваций

В ситуации политической, экономической и культурной неопределённости, вызванной геополитическим мировым напряжением, есть основания полагать, что культурная маргинальность сохранится и, возможно, усилится. Однако, как указывают концепции и модели маргинальности, проанализированные нами в разделе «Культурная маргинальность в классической и современной социологии: структурная и конструктивистская модели», в современном обществе, в условиях размывания культурных границ, культурная маргинальность должна рассматриваться как общемировой тренд [Bradatan, Craiutu 2012; Bankovskaya 2014; Chatterjee 2017]. Об этом также свидетельствует исследовательский интерес к феномену маргинальности в разных странах и национальных контекстах [Conradson, Pawson 2009; Brecher 2012; Andersen 2021]. Выделенные нами подходы к анализу маргинальности — структурный и конструктивистский — применимы к разным национальным контекстам и социальным группам. Поскольку исследуемая нами маргинальность российской молодёжи связана не с перемещением данной группы в пространстве между двумя культурами, а с изменением самих культурных границ, конструктивистский подход видится наиболее продуктивным. Данный подход акцентирует внимание на конструировании культурных границ и даёт направления для анализа позитивных черт маргинальности, разрывая её понимание в терминах дисфункциональности как результат неспособности адаптации к социальной среде [Pieris 1951; D'souza 1979]. Позитивные черты маргинальности пересекаются как минимум с тремя областями социологии — теорией полей и капиталов, инноваций и лидерства. Так, рассмотрение культурной маргинальности как фундаментального явления социальной жизни, которое усложняется государственной культурной политикой, направленной на формирование доминирующей культуры, с точки зрения её позитивной реализации предлагает основу рассмотрения культурной маргинальности на «среднем уровне».

Отправной точкой теории капиталов в социологии является утверждение о возможной конвертации их разных видов [Bourdieu 1986; Радаев 2002]. Данный тезис перекликается с исследованиями маргинальности как её проявления в разных сферах: культурная маргинальность зачастую сопровождается социальной маргинальностью, обозначая при этом общую пограничную позицию [Gist 1967; Bradatan, Craiutu 2012; Trueba 2019]. В этом смысле маргинальность как социальное и культурное явление может рассматриваться как ресурс различных видов капитала, обозначая пограничную, лиминальную, позицию определённых групп (в том числе молодёжи) в пространстве социального поля [Crewe 1991; Duling 1995]. К примеру, американский учёный Г. Труэба предлагает рассматривать маргинальное положение этнических множественных культур США как ресурс культурного капитала [Trueba 2019], что позволяет говорить о маргинальности как о положении групп в условиях подвижности культурных границ, так и о проявлении дискриминации в доступе к образованию и иным видам культурного инкорпорированного капитала [Bourdieu 1986]. Основной тезис, однако, заключается в том, что «угнетение и насилие могут порождать прямо противоположное — нужные для достижения успеха устойчивость и культурный капитал, которые зачастую создают психологическую гибкость, необходимую для смены идентичностей ради выживания» [Trueba 2019: 350].

Так, даже в исследованиях этничности и миграции, в которых обычно маргинальность воспринимается как неспособность адаптации к доминирующей культуре, отмечаются позитивные черты культурной маргинальности. Несмотря на наличие исследований, которые рассматривают культурную маргинальность как позитивное явление [Brecher 2012; Conradson, Pawson 2009; Mazzotta 2012; Grabher 2018; Dogan, Pahre 2019], концептуальная основа таких исследований зачастую остаётся недостаточно проработанной, не говоря уже о попытках её эксплицировать и унифицировать. Для систематизации взглядов на маргинальность как позитивное явление концептуальной основой могут послужить теория капиталов, и теория полей в том виде, котором её представляет П. Бурдьё.

Культурный капитал (или схожий с ним человеческий капитал), который шире исследуется в экономической науке (о соотношении понятий см.: [Aziz 2015]), в социологии рассматривается как связанный с социальной структурой поля и в некоторой степени производный от неё [Bourdieu 1986; Lamont, Lareau 1988]. В данном смысле культурная маргинальность может рассматриваться в двух аспектах: как ресурс человеческого, или инкорпорированного культурного, капитала, который представляет собой знания и навыки, полученные в результате образования; а также как ресурс инноваций и креативности, обусловленный структурно маргинальной позицией, которая позволяет идентифицировать и соединять «структурные дыры» в терминах Р. Бёрта [Burt 2004]. Проявление маргинальности в данных плоскостях отражает тезис о диалектической структуре поля, в котором культура одновременно и зависит от объективной структуры поля, и определяет её [Bourdieu 1983; Fligstein, McAdam 2015]. Оба аспекта возможно удачно описать в терминах концептуального аппарата теории полей и капиталов, в котором прослеживается выход на сетевой анализ, а также на социологию инноваций и креативности.

В области социологии маргинальности существуют исследования, которые служат примерами её позитивного проявления с точки зрения обеих перспектив. Если говорить о маргинальности как о наборе умений и навыков, или человеческого — на языке П. Бурдьё, инкорпорированного культурного — капитала, она может способствовать формированию лидерских качеств, что подчёркивают исследования в области менеджмента. В частности, речь идёт о том, что бэкграунд маргинальных лидеров способствовал им в достижении своей позиции [Petriglieri, Peshkam 2022]. Маргинальные лидеры смогли успешно комбинировать элементы разных культур в процессе своего обучения, а также использовать дистанцирование от других в качестве своего преимущества, иногда бросая вызов сложившейся корпоративной структуре, или объединять её разрывы [Petriglieri, Peshkam 2022]. Не последнюю роль в данном процессе играет билингвизм культурных маргиналов [Pieris 1951]. Та самая психологическая устойчивость маргиналов, на которую указывал Труэба, позволяет им успешнее справляться с комплексными проблемами [Linville 1987], а множественная и зачастую неопределённая культурная идентичность позволяет глобальным лидерам-маргиналам лучше справляться с неопределённостью [Hogg 2000]. Данные исследования, однако, подчёркивают, что наличие маргинальности ещё не обязательно означает её переход в человеческий капитал, способствующий лидерским качествам: наряду с такими психологическими характеристиками, как осознанность своей позиции и проявление активной позиции в формировании своей множественной идентичности [Fitzsimmons, Lee, Brannen 2012], многое зависит от социального контекста, в котором формируются знания и навыки. Теория полей и капиталов способна помочь социологии маргинальности в исследовании особенностей данного социального контекста. Один из ключевых моментов — наличие слабых социальных связей у маргиналов: в условиях многообразия культурных границ у маргиналов появляется возможность использовать социальные связи среди различных групп для их объединения или медиации. В противоположном случае маргинальность может выражаться в социальном протесте и проявляться в качестве негативного феномена.

Маргинальное положение в поле с точки зрения его структуры, а также культурный и социальный множественный бэкграунд маргиналов могут стать ресурсом инноваций и креативности, особенно в

полях культурного производства [Bourdieu 1983]. Роль феномена культурной маргинальности как пограничной структурной позиции особо отмечена в социологии науки и инноваций. Пограничная позиция является особенно перспективной для преодоления кризиса в науке, который, согласно Т. Куну, приходит на смену «нормальной науке». В такие кризисные моменты способность соединять «структурные дыры» становится важной для производства инновационных и креативных идей [Burt 2004; Polillo 2020]. М. Доган и Р. Пахре предлагают термин «креативная маргинальность» для анализа инновационных идей в развитии социальных наук. Они выявили, что учёным-новаторам присуще «пересечение границ формальных дисциплин» [Dogan, Pahre 2019: 2]. Многие инновационные идеи в социальных науках возникают именно в пограничье, между дисциплинами: к примеру, классик социологии Макс Вебер не имел формальной социологической позиции, а являлся специалистом по правовой и экономической истории. Социальные науки насчитывают множество примеров, когда маргинальная позиция учёного позволяла ему успешно разрабатывать инновационные идеи (в финансовой экономике, например; см: [Polillo 2020]). Исследователи отмечают, что маргинальность может являться источником креативности не только в науке, но и в других полях культурного производства, и приводят такие примеры, как австрийская архитектура [Grabher 2018], искусство и литература периода модернизации Японии в эпоху реставрации Мэйдзи (1868–1889) [Brecher 2012] и философия, имея в виду Платона, Вико, Боккаччо и Бэкона [Mazzotta 2012].

Теория полей и капиталов, таким образом, позволяет рассмотреть культурную маргинальность как позитивное явление, которое может быть ресурсом, с одной стороны, человеческого капитала, то есть образования, знаний и навыков [Petriglieri, Peshkam 2022], а с другой, структурно пограничного положения, которое позволяет в периоды кризиса в поле интеллектуального производства успешно приводить в жизнь инновационные идеи [Mazzotta 2012; Dogan, Pahre 2019]. Однако сама по себе культурная маргинальность как в структурной, так и в конструктивистской модели, не является позитивной или негативной. Безусловно, многое зависит от способа концептуализации: иногда само описание группы как структурно-функционально маргинальной из-за неудачи адаптации может способствовать конструированию и воспроизводству реальности, тем самым закрепляя её (как, например, маргинализация регионов, стран и гражданских прав в логике неолиберальной парадигмы экономического развития [Mehta 2008]). Но способ концептуализации не отменяет того факта, что маргинальность может быть позитивным феноменом. Это становится особенно важным в контексте мировых изменений, из-за которых культурные границы становятся множественными [Virno 2003], а маргинальность — фундаментальной [Bankovskaya 2014], а также недавних изменений в российском обществе, усиливающих культурную неопределённость. Мы смогли продемонстрировать наличие культурной маргинальности у московских студентов на эмпирическом уровне и наметить теоретический «мост» между социологией маргинальности и теорией полей, но следующим нашим шагом будет анализ возможности позитивного проявления культурной маргинальности как ресурса человеческого, культурного и социального капиталов в современных российских условиях на эмпирическом уровне.

Заключение

Независимо от принятого подхода к маргинальности — структурно-функциональному или конструктивистскому — сложно отрицать её фундаментальный характер в социальной жизни [Банковская 2023]. В настоящей работе проведена теоретическая реконструкция данных подходов, указано на их основные сходства и различия. Признавая негативные стороны маргинальности, выделяемые структурно-функциональным подходом, следствием миграции и неспособности адаптироваться к новой среде, мы следуем конструктивистскому подходу, который акцентирует внимание на подвижности культурных границ, особенно в период ценностных трансформаций на макроуровне [Blackman, France 2001; Nakobyan, Dabaghyan, Khachatryan 2022]. Проявление этих трансформаций отражено в данной статье с помощью кластерного анализа, в котором выделяются два кластера среди московских

студентов: (1) последователи доминирующей культуры, ориентированные на традиционные ценности, и (2) культурные маргиналы, которые характеризуются невозможностью выбора идентичности в условиях размытых культурных границ, что соответствует определению культурной маргинальности в рамках конструктивистского подхода. Переходу от общей концептуальной рамки данного подхода, проявления которого отражены в эмпирической части данной статьи, полю исследований маргинальности «среднего уровня» соответствует, с одной стороны, признание её фундаментального характера в условиях размытых культурных границ современной молодёжи, а с другой, её креативный потенциал, отражённый на примере обзора кейсов, а также концептуальный анализ маргинальности с точки зрения экономосоциологической оптики полей и капиталов. Мы надеемся, что статья послужит стимулом для развития данного поля исследований.

Приведённая в статье теоретическая рефлексия о возможностях использования теории полей и капиталов в исследовании культурной маргинальности вместе с анализом успешных кейсов позитивных проявлений маргинальности намечает свежую теоретическую и эмпирическую перспективу. Речь идёт о том, что маргинальность как социальное и культурное пограничное состояние может быть задействована для налаживания социальных и культурных «мостов», а также способствовать соединению «структурных дыр» [Burt 2004], что продемонстрировано в исследованиях лидерства [Petriglieri, Peshkam 2022] и культурного производства [Dogan, Pahre 2019]. Обнаруженная нами тенденция возможной социальной изоляции среди тех российских студентов, которые составляют кластер культурных маргиналов, относится к её негативным проявлениям, которые могут блокировать «конвертацию» маргинальности в человеческий, социальный и культурный капиталы. Прежде всего, как демонстрирует наш обзор успешных кейсов и форм маргинальности и инсайты из социологии инноваций и лидерства, наличие социальных связей может быть необходимым для реализации маргинальности как позитивного феномена. Маргинальность, как мы склонны полагать, сама по себе — нейтральный феномен. В некоторых случаях она может сопровождаться социальной изоляцией и атомизацией, и тогда более вероятны негативные сценарии её проявлений. Однако есть основания полагать, что когнитивная гибкость и мультикультурный бэкграунд маргиналов дают им возможность находить креативные решения, становиться лидерами и объединять структурные дыры, а это необходимо для инновационного поведения и разработок. Проверка гипотезы о важности социальных связей для задействования позитивных сторон маргинальности, выдвинутой на основании теории полей и капиталов, а также социологии маргинальности, представляется предметом будущих исследований, в том числе с использованием качественной методологии, которая позволит раскрыть особенности самовыражения в культурном самоопределении.

Литература

- Баньковская С. П. 2023. *Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности*. СПб.: Владимир Даль.
- Бауман З. 1996. *Мыслить социологически*. М.: Аспект Пресс.
- Бек У. 2003. Космополитическое общество и его враги. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 6 (1): 24–53.
- Беккер Г. 2018. *Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности*. М.: Элементарные формы.
- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.

- Бобер Ж. 2010. Культурная маргинальность и её место в развитии культуры. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2 (4): 136–143.
- Гусев А. Н. 2009. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений. *Социологическое обозрение*. 8 (2): 72–79.
- Зиммель Г. 2003. Эссе о Чужаке. В кн.: Гирко Л. В. (ред.) *Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: реферативный сборник*. М.: ИНИОН; 173–178.
- Ковров В. В., Пичко Н. С., Гафиятулина Н. Х. 2023. Социокультурная маргинальность как проблемное свойство студенческой молодёжи в современном обществе риска. *Государственное и муниципальное управление. Учёные записки*. Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС. 2: 251–256.
- Кочетков А. В., Луков В. А. 2019. Культурная маргинальность. *Знание. Понимание. Умение*. 4: 248–250.
- Мельникова Е. И. 2010. Культурная маргинальность как феномен российской молодёжи. *Сибирский педагогический журнал*. 7: 153–158.
- Николаев В. Г. 1998. Проблема маргинальности: её структурный контекст и социально-психологические импликации. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия II: Социология. Реферативный журнал*. 2: 156–172.
- Николаев В. Г. 2010. Человек маргинальный. В кн.: Резник Ю. М., Тлостанов М. В. (ред.) *Вопросы социальной теории. Т. IV*. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории»; 354–372.
- Омельченко Е. Л. (науч. ред., сост.). 2020. *Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Панарина М. А., Лавров И. А. 2019. Роль социальных сетей в формировании идентичности мигранта. *Цифровая социология*. 2 (4): 25–30.
- Парк Р. Э. 1998. Личность и культурный конфликт. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия II: Социология*. 2: 167–176.
- Поппер К. 2008. *Предположения и опровержения: рост научного знания* (перев. с англ. А. Л. Никифоровой, Г. А. Новичковой). М.: АСТ.
- Радаев В. В. 2002. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Экономическая социология*. 3 (4): 20–32. Электронный ресурс [код доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=20 (дата обращения: 30 октября 2025 г.).
- Стоунквист Э. В. 2006. Маргинальный человек. исследование личности и культурного конфликта. *Личность. Культура. Общество*. 8 (1): 9–36.
- Стоунквист Э. В. 2015. Маргинальный человек. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия II: Социология*. 3: 140–156.

- Шютц А. 1998. Чужак: социально-психологический очерк. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия II: Социология*. 3: 177–193.
- Andersen M. B. 2021. Estimating the Percentage of Marginalised Students in Danish Public Schools: Challenges Encountered in Measuring Marginalization. *International Journal of Inclusive Education*. 28 (8): 1355–1371.
- Aziz A. 2015. The Operational Value of Human Capital Theory and Cultural Capital Theory in Social Stratification. *Citizenship, Social and Economics Education*. 14 (3): 230–241.
- Bankovskaya S. 2014. Living in-between: The Uses of Marginality in Sociological Theory. *Russian Sociological Review*. 13 (4): 94–104.
- Berdibayeva S. et al. 2016. Psychological Characteristics of Ethno Cultural Marginality Manifestation. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 217: 990–998.
- Blackman S., France A. 2001. Youth Marginality under “Postmodernism”. In: Stevenson N., Blackman S., France A. (eds) *Culture and Citizenship*. London: SAGE Publications Ltd; 180–197.
- Bourdieu P. 1983. The Field of Cultural Production, or The Economic World Reversed. *Poetics*. 12 (4–5): 311–356.
- Bourdieu P. 1986. The Forms of Capital. In: Richardson J. G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press; 241–258.
- Bradatan C., Craiutu A. 2012. Introduction: The Paradoxes of Marginality. *The European Legacy*. 17 (6): 721–729.
- Brecher W. P. 2012. Useless Losers: Marginality and Modernization in Early Meiji Japan. *The European Legacy*. 17 (6): 803–817.
- Burt R. S. 2004. Structural Holes and Good Ideas. *American Journal of Sociology*. 110 (2): 349–399.
- Caglar A. S. 1998. Popular Culture, Marginality and Institutional Incorporation: German-Turkish Rap and Turkish Pop in Berlin. *Cultural Dynamics*. 10 (3): 243–261.
- Chatterjee D. T. 2017. Plausibility of Cultural Marginality in Postmodern Times: A Study in Contemporary Perspectives. *Galaxy: International Multidisciplinary Research Journal*. 8 (1): 873–881.
- Conradson D., Pawson E. 2009. New Cultural Economies of Marginality: Revisiting the West Coast, South Island, New Zealand. *Journal of Rural Studies*. 25 (1): 77–86.
- Crewe J. 1991. Defining Marginality? *Tulsa Studies in Women's Literature*. 10 (1): 121–130.
- D'souza V. S. 1979. Socio-Cultural Marginality: A Theory of Urban Slums and Poverty in India. *Sociological Bulletin*. 28 (1–2): 9–24.
- Dogan M., Pahre R. 2019. *Creative Marginality: Innovation at the Intersections of Social Sciences*. Boulder, CO: Westview Press.

- Duling D. C. 1995. Matthew and Marginality. *HTS Teologiese Studies / Theological Studies*. 51 (2): 358–387.
- Fetzer J. S. 2000. Economic Self-Interest or Cultural Marginality? Anti-Immigration Sentiment and Nativist Political Movements in France, Germany and the USA. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 26 (1): 5–23.
- Fitzsimmons S. R., Lee Y., Brannen M. Y. 2012. Marginals as Global Leaders: Why They Might Just Excel! *European Business Review*. November — December; 7–10.
- Fligstein N., MacAdam D. 2015. *A Theory of Fields*. Oxford: Oxford University Press.
- Gist N. P. 1967. Cultural versus Social Marginality: The Anglo-Indian Case. *Phylon*. 28 (4): 361–375.
- Grabher G. 2018. Marginality as Strategy: Leveraging Peripherality for Creativity. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 50 (8): 1785–1794.
- Groff L. 2002. Intercultural Communication, Interreligious Dialogue, and Peace. *Futures*. 34 (8): 701–716.
- Hakobyan N., Dabaghyan A., Khachatryan A. 2022. The Phenomenon of Anomie in the Context of Marginality. “*Katchar*” *Collection of Scientific Articles International Scientific-Educational Center NAS RA*. 4 (1): 89–104.
- Hogg M. A. 2000. Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes. *European review of social psychology*, 11(1): 223–255.
- Lamont M., Lareau A. 1988. Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Developments. *Sociological Theory*. 6 (2): 153–168.
- Lebedeva D. 2023. From Responsibilization to Responsibility: Justifications of Everyday Ecological Practices of Moscow Youth and Worth of Proactivity. *Journal of Youth Studies*. 28 (5): 1–19.
- Linville P. W. 1987. Self-complexity as a cognitive buffer against stress-related illness and depression. *Journal of personality and social psychology*, 52 (4): 663–676.
- Mazzotta G. 2012. Frontiers of Thought Out of the Margins. *The European Legacy*. 17 (6): 745–754.
- Mehta L. 2008. Over the Rainbow: The Politics of Researching Citizenship and Marginality. *Action Research*. 6 (2): 233–253.
- Mouzelis N. 2007. Nationalism: Restructuring Gellner’s Theory. In: Malešević S., Haugaard M. (eds) *Ernest Gellner and Contemporary Social Thought*. Cambridge: Cambridge University Press; 125–139.
- Petriglieri G., Peshkam A. 2022. Stranger Leaders: A Theory of Marginal Leaders’ Conception of Learning in Organizations. *Academy of Management Journal*. 65 (4): 1240–1273.
- Pieris R. 1951. Bilingualism and Cultural Marginality. *The British Journal of Sociology*. 2 (4): 328–339.
- Pilkington H., Omelchenko E., Perasović B. 2018. ‘One Big Family’: Emotion, Affect and Solidarity in Young People’s Activism in Radical Right and Patriotic Movements. In: Pilkington H., Pollock G., Franc R.

(eds) *Understanding Youth Participation across Europe: From Survey to Ethnography*. London: Palgrave Macmillan; 123–152.

Polillo S. 2020. *The Ascent of Market Efficiency: Finance that Cannot Be Proven*. Ithaca: Cornell University Press.

Spivak G. C. 2004. Poststructuralism, marginality, postcoloniality and value. In: Brydon D. (ed) *Postcolonism*. London: Routledge; 57–84.

Stewart S., Ribeiro R. 2023. Culture(s) on the Margins: An Introduction. *Journal of Cultural Analysis and Social Change*. 8 (2): 08.

Strmic-Pawl H. 2023. *Multiracial: The Kaleidoscope of Mixedness*. Medford: Polity.

Temirgaliev K. A., Jamaliyeva G. Zh. 2021. Cultural Marginality and Its Social Implications. *Central Asian Journal of Art Studies*. (6) 1: 27–38.

Trueba H. T. 2019. Multiple Ethnic, Racial, and Cultural Identities in Action. *Journal of Latinos and Education*. 1 (1): 7–28.

Varghese C., Kumar S. S. 2022. Marginality: A Critical Review of the Concept. *Review of Development and Change*. 27 (1): 23–41.

Vermurlen B. 2016. Structural Overlap and the Management of Cultural Marginality: The Case of Calvinist Hip-Hop. *American Journal of Cultural Sociology*. 4 (1): 68–106.

Virno P. 2003. *A Grammar of the Multitude*. London: Semiotext.

Yoo C. 2021. Acculturation Strategies of Multi-Cultural Family Adolescents in South Korea: Marginalization, Separation, Assimilation, and Integration. *International Journal of Intercultural Relations*. 81 (3): 9–19.

NEW TEXTS**Antonina Pinchuk, Egor Makarov, Dmitry Tikhomirov****Cultural Marginality: Multiple Cultural Boundaries and the Perspective for the Positive Realization (Based on the Cluster Analysis of Moscow Students)****PINCHUK, Antonina —**

Cand. of Sci. (Sociology),

Associate Professor,

Department of Political

Analysis and Socio-

Psychological Processes,

Plekhanov Russian University

of Economics. Address:

36 Stremyanny In, Moscow,

115054, Russian Federation.

Email: antonina.pinchuk27@bk.ru**MAKAROV, Egor —** PhD

student, Department of

Sociology, University of

Virginia. Address: 130

Hospital Dr, Charlottesville, VA

22904, United States of

America.

Email: rff9jy@virginia.edu**TIKHOMIROV, Dmitry —**

Cand. of Sci. (Sociology),

Associate Professor,

Department of Political

Analysis and Socio-

Psychological Processes,

Plekhanov Russian University

of Economics. Address:

36 Stremyanny In, Moscow,

115054, Russian Federation.

Email: dat1983@yandex.ru**Abstract**

The focus of the article is cultural marginality and its manifestation among Russian students, as well as its positive features. The authors analyze the history of scholarship on cultural marginality⁶ which meaning in the social sciences has shifted from the liminal state of “the stranger” in-between two stable cultural boundaries, to a more fundamental characteristic of social life due to the multiplicity of cultural borders. This development is viewed within two schematically defined lines of the theoretical inquiry: structure-functional and constructivist approaches. The former underlines the cross-cultural interaction and the problem of adaptation, while the latter points out an unstable character of the cultural boundaries themselves. Cultural marginality of the Russian youth is intensifying and becoming more visible because the youth experiences, on the one hand, the worldwide tendency of blurring cultural borders, and on the other, the top-down incentive to form “traditional” values reflected in the cultural policy in the context of geopolitical tensions. The survey conducted by the authors among Moscow students in 2024 (convenience sample, $n = 1615$) attempts to demonstrate operationalization of the cultural marginality and provide a view on the current trends in the Moscow youth. To do so, cluster analysis has been conducted, which showed that two cluster groups can be distinguished: followers of the dominant culture, and cultural marginals. Consistent with the constructivist approach, the latter demonstrate complexity in forming their cultural identity and the recognition of the multiplicity of cultural boundaries, which, in some cases, can lead to social isolation. Cultural marginality, revealed among the Russian youth, poses the question on its positive aspects and potential; the gap that can be linked via the fields and capitals theory in sociology. Using various examples of successful realization of cultural marginality from literatures on leadership, and innovations in the fields of cultural production, we demonstrate the heuristic potential of dialogue between sociology of marginality and field theory. The research contributes to the literature on marginality by empirical analysis conducted within the logic of the constructivist approach and, combined with economic sociology of fields and capitals and empirical studies of the Russian youth’s solidarity, outlines a sociology of cultural marginality as a theory of the middle range.

Keywords: cultural marginality; cultural boundaries; anomie; cultural identity; Russian youth; sociology of marginality; field and capital theory.

Acknowledgements

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00549 “Cultural marginality of Russian students: human potential of new generations as a problem and resource for developing patriotism in the main provisions and measures for implementing the state youth policy” (Principal Investigator: Cand. of Sc. D. A. Tikhomirov).

References

- Andersen M. B. (2021) Estimating the Percentage of Marginalised Students in Danish Public Schools: Challenges Encountered in Measuring Marginalisation. *International Journal of Inclusive Education*, vol. 28, no 8, pp. 1355–1371.
- Aziz A. (2015) The Operational Value of Human Capital Theory and Cultural Capital Theory in Social Stratification. *Citizenship, Social and Economics Education*, vol. 14, no 3, pp. 230–241.
- Bankovskaya S. (2014) Living in-between: The Uses of Marginality in Sociological Theory. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoe Obozrenie*, vol. 13, no 4, pp. 94–104 (in English).
- Bankovskaya S. P. (2023) *Chuzhaki i granitsy. Issledovaniya po sotsiologii marginal'nosti* [Strangers and Borders. Research on the Sociology of Marginality], Saint-Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).
- Bauman Z. (1996) *Myslit' sotsiologicheskii* [Thinking Sociologically], Moscow: Aspect Press (in Russian).
- Beck U. (2003) Kosmopoliticheskoye obshchestvo i yego vragi [The Cosmopolitan Society and Its Enemies]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 6, no 1, pp. 24–53 (in Russian).
- Becker G. (2018) *Autsaydery: issledovaniya po sotsiologii deviantnosti* [Outsiders: Studies in the sociology of deviance], Moscow: Elementary Forms (in Russian).
- Berdibayeva S., Zhukezheva Z., Moldagaliyev M., Kassymova R., Belzhanova A. (2016) Psychological Characteristics of Ethno Cultural Marginality Manifestation. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, vol. 217, pp. 990–998.
- Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow: Medium (in Russian).
- Blackman S., France A. (2001) Youth Marginality under “Postmodernism”. *Culture and Citizenship* (eds. N. Stevenson, S. Blackman, A. France), London: SAGE Publications Ltd, pp. 180–197.
- Bober J. (2010) Kulturnaya marginalnost i yeye mesto v razvitii kultury [Cultural Marginality and Its Place in the Development of Culture]. *Bulletin of the Pushkin State University = Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, vol. 2 no 4, pp. 136–143 (in Russian).

- Bourdieu P. (1983) The Field of Cultural Production, or The Economic World Reversed. *Poetics*, vol. 12, no 4–5, pp. 311–356. _
- Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (ed. J. G. Richardson), New York: Greenwood Press, pp. 241–258.
- Bradatan C., Craiutu A. (2012) Introduction: The Paradoxes of Marginality. *The European Legacy*, vol. 17, no 6, pp. 721–729.
- Brecher W. P. (2012) Useless Losers: Marginality and Modernization in Early Meiji Japan. *The European Legacy*, vol. 17, no 6, pp. 803–817.
- Burt R. S. (2004) Structural Holes and Good Ideas. *American Journal of Sociology*, vol. 110, no 2, pp. 349–399.
- Caglar A. S. (1998) Popular Culture, Marginality and Institutional Incorporation: German-Turkish Rap and Turkish Pop in Berlin. *Cultural Dynamics*, vol. 10, no 3, pp. 243–261.
- Chatterjee D. T. (2017) Plausibility of Cultural Marginality in Postmodern Times: A Study in Contemporary Perspectives. *Galaxy: International Multidisciplinary Research Journal*, vol. 8, no 1, pp. 873–881.
- Conradson D., Pawson E. (2009) New Cultural Economies of Marginality: Revisiting the West Coast, South Island, New Zealand. *Journal of Rural Studies*, vol. 25, no 1, pp. 77–86.
- Crewe J. (1991) Defining Marginality? *Tulsa Studies in Women's Literature*, vol. 10, no 1, pp. 121–130.
- D'souza V. S. (1979) Socio-Cultural Marginality: A Theory of Urban Slums and Poverty in India. *Sociological Bulletin*, vol. 28, no 1–2, pp. 9–24.
- Dogan M., Pahre R. (2019) *Creative Marginality: Innovation at the Intersections of Social Sciences*, Boulder, CO: Westview Press._
- Duling D. C. (1995) Matthew and Marginality. *HTS Teologiese Studies/Theological Studies*, vol. 51, no 2, pp. 358–387.
- Fetzer J. S. (2000) Economic Self-Interest or Cultural Marginality? Anti-Immigration Sentiment and Nativist Political Movements in France, Germany and the USA. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 26, no 1, pp. 5–23.
- Fitzsimmons S. R., Lee Y., Brannen M. Y. (2012) Marginals as Global Leaders: Why they might just excel! *European Business Review*, November — December, pp. 7–10.
- Fligstein N., MacAdam D. (2015) *A Theory of Fields*, Oxford: Oxford University Press.
- Gist N. P. (1967) Cultural versus Social Marginality: The Anglo-Indian Case. *Phylon*, vol. 28, no 4, pp. 361–375.
- Grabher G. (2018) Marginality as Strategy: Leveraging Peripherality for Creativity. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 50, no 8, pp. 1785–1794.
- Groff L. (2002) Intercultural Communication, Interreligious Dialogue, and Peace. *Futures*, vol. 34, no 8, pp. 701–716._

- Gusev A. N. (2009) Marginalizatsiya i kosmopolitizm: vzglyady sovremennykh teoretikov na sotsial'nyye posledstviya intensifikatsii prostranstvennykh peremeshcheniy [Marginalization and Cosmopolitanism: The Views of Modern Theorists on the Social Consequences of the Intensification of Spatial Movements]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 8, no 2, pp. 72–79 (in Russian).
- Hakobyan N., Dabaghyan A., Khachatryan A. (2022) The Phenomenon of Anomie in the Context of Marginality. “Katchar” Collection of Scientific Articles International Scientific-Educational Center NAS RA, vol. 4, no 1, pp. 89–104.
- Hogg M. A. (2000) Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes. *European review of social psychology*, vol 11, no 1, pp. 223–255.
- Kochetkov A. V., Lukov V. A. (2019) Kulturnaya marginalnost. [Cultural Marginality]. *Knowledge. Understanding. Skill = Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, no 4, pp. 248–250 (in Russian).
- Kovrov V. V., Pichko N. S., Gafiatulina N. Kh. (2023) Sotsiokulturnaya marginalnost kak problemnoye svoystvo studencheskoy molodezhi v sovremennom obshchestve riska [Socio-Cultural Marginality as a Problem Property of Students Youth in the Modern Risk Society]. *State and Municipal Management. Scholar Notes. South Russian Institute of Management — Branch of RANEPa = Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski. Yuzhno-rossiyskiy institut upravleniya — filial RANKhiGS*, no 2, pp. 251–256 (in Russian).
- Lamont M., Lareau A. (1988) Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Developments. *Sociological Theory*, vol. 6 no 2, pp. 153–168.
- Lebedeva D. (2023) From Responsibilization to Responsibility: Justifications of Everyday Ecological Practices of Moscow Youth and Worth of Proactivity. *Journal of Youth Studies*. vol. 28, no 5, pp. 1–19.
- Linville P. W. (1987) Self-complexity as a cognitive buffer against stress-related illness and depression. *Journal of personality and social psychology*, vol 52, no 4, pp. 663–676.
- Mazzotta G. (2012) Frontiers of Thought Out of the Margins. *The European Legacy*, vol. 17, no 6, pp. 745–754.
- Mehta L. (2008) Over the Rainbow: The Politics of Researching Citizenship and Marginality. *Action Research*, vol. 6, no 2, pp. 233–253.
- Melnikova E. I. (2010) Kulturnaya marginalnost kak fenomen rossiyskoy molodezhi [The Cultural Marginality as a Phenomenon of the Russian Youth] *Siberian Pedagogical Journal = Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, no 7 (in Russian).
- Mouzelis N. (2007) Nationalism: Restructuring Gellner's Theory. *Ernest Gellner and Contemporary Social Thought* (eds. S. Malešević, M. Haugaard), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 125–139.
- Nikolaev V. G. (1998) The Problem of Marginality: Its Structural Context and Socio-Psychological Implications. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology = Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, no 2. pp. 156–172 (in Russian).

- Nikolaev V. G. (2010) Chelovek margina'nyy [The Marginal Man]. *Voprosy sotsial'noy teorii* [Issues of Social Theory] (eds. Y. M. Reznik, M. V. Tlostanova), vol. 4, Moscow: Association "Interdisciplinary Society for Social Theory"; pp. 354–372 (in Russian).
- Omelchenko E. (ed.) (2020) *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Panarina M. A., Lavrov I. A. (2019) Rol' social'nykh setey v phormirovanii identichnosti migranta [The Role of Social Networks in Production of the Migrant's Identity]. *Digital Sociology = Cifrovaya sociologiya*, vol. 2, no 4, pp. 25–30 (in Russian).
- Park R. E. (1998) Lichnost i kul'turnyy konflikt. Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki [Personality and Cultural Conflict] *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology = Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, no 2, pp. 167–176 (in Russian).
- Petriglieri G., Peshkam A. (2022) Stranger Leaders: A Theory of Marginal Leaders' Conception of Learning in Organizations. *Academy of Management Journal*, vol. 65 no 4, pp. 1240–1273
- Pieris R. (1951) Bilingualism and Cultural Marginality. *The British Journal of Sociology*, vol. 2, no 4, pp. 328–339.
- Pilkington H., Omelchenko E., Perasović B. (2018) 'One Big Family': Emotion, Affect and Solidarity in Young People's Activism in Radical Right and Patriotic Movements. *Understanding Youth Participation across Europe: From Survey to Ethnography* (eds. H. Pilkington, G. Pollock, R. Franc), London: Palgrave Macmillan, pp. 123–152.
- Polillo S. (2020) *The Ascent of Market Efficiency: Finance that Cannot Be Proven*, Ithaca: Cornell University Press.
- Popper K. (2008) *Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya* [Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge], Moscow: AST Press (in Russian).
- Radaev V. V. (2002) Ponyatiye kapitala, phormy kapitalov i ikh konvertatsiya [Concept of Capital, Forms of Capitals and their Conversion]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 4, pp. 20–32. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=20 (accessed 31 October 2025) (in Russian).
- Schutz A. (1998) Chuzhak: sotsial'no-psikhologicheskiiy ocherk [The Stranger: An Essay in Social Psychology]. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology = Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, no 3: pp. 177–193 (in Russian).
- Simmel G. (2003) Esse o Chuzhake [The Stranger]. *Sotsial'noye prostranstvo: Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya: Referativnyy sbornik* [Social Space: Interdisciplinary Research: An Abstract Collection] (ed. L. V. Girko), Moscow: INION, pp. 173–178 (in Russian).
- Spivak G. C. (2004) Poststructuralism, Marginality, Postcoloniality and Value. Brydon D. (ed) *Postcolonism*. London: Routledge; pp. 57–84.

- Stewart S., Ribeiro R. (2023) Culture(s) on the Margins: An Introduction. *Journal of Cultural Analysis and Social Change*, vol. 8, no 2, art. 08.
- Stonequist E. V. (2006) Marginalnyy chelovek [The Marginal Man: A Study in Personality and Culture Conflict]. *Personality. Culture. Society = Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, vol. 8, no 1, pp. 9–36 (in Russian).
- Stonequist E. V. (2015) Marginalnyy chelovek [The Marginal Man]. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology = Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, no 3, pp. 140–156 (in Russian).
- Strmic-Pawl H. (2023) *Multiracial: The Kaleidoscope of Mixedness*, Medford: Polity.
- Temirgaliev K. A., Jamaliyeva G. Zh. (2021) Cultural Marginality and Its Social Implications. *Central Asian Journal of Art Studies*, vol. 6, no 1, pp. 27–38.
- Trueba H. T. (2019) Multiple Ethnic, Racial, and Cultural Identities in Action. *Journal of Latinos and Education*, vol. 1, no 1, pp. 7–28.
- Varghese C., Kumar S. S. (2022) Marginality: A Critical Review of the Concept. *Review of Development and Change*, vol. 27 no 1, pp. 23–41.
- Vermurlen B. (2016) Structural Overlap and the Management of Cultural Marginality: The Case of Calvinist Hip-Hop. *American Journal of Cultural Sociology*, vol.4, no 1, pp. 68–106.
- Virno P. (2003) *A Grammar of the Multitude*, London: Semiotext.
- Yoo C. (2021) Acculturation Strategies of Multi-Cultural Family Adolescents in South Korea: Marginalization, Separation, Assimilation, and Integration. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 81, no 3, pp. 9–19.

Received: March 1, 2025

Citation: Pinchuk A., Makarov E., Tikhomirov D. (2025) Kulturnaya marginalnost: mnozhestvennye kulturnye granitsy i vozmozhnosti pozitivnoy realizatsii (na osnove klasternogo analiza moskovskikh studentov) [Cultural Marginality: Multiple Cultural Boundaries and the Perspective for the Positive Realization (Based on the Cluster Analysis of Moscow Students)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 5, pp. 11–37. doi: [10.17323/1726-3247-2025-5-11-37](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-5-11-37) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Г. Фаррелл, М. Фуркад

Моральная экономия высокотехнологичного модернизма¹

ФАРРЕЛЛ Генри — профессор международных отношений Института Агора Фонда Ставро-са Ниархоса в Школе передовых исследований университета Джонса Хопкинса. Адрес: США, 20001, г. Вашингтон, округ Колумбия, Пенсиль-вания-авеню Северо-За-пад, 555.

Email: hfarrel1@jh.edu

Перев. с англ.

Публикуется с разре-шения Издательства Инсти-тута Гайдара.

Источник:

Farrell H., Fourcade M. 2023. The Moral Economy of High-Tech Modernism. *Dædalus*. 152 (1): 225–235.

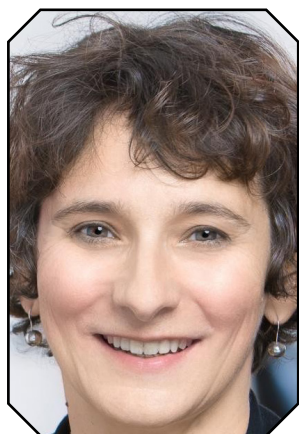
Пока те, кто имеет отношение к индустрии технологий, обсуждают, являются ли её алгоритмы политическими, социологи принимают политику за безусловную данность и задаются вопросом, как именно эта политика реализуется, то есть о том, как конкретно алгоритмы правят. То, что мы называем высокотехнологичным модернизмом, имея в виду применение ал-горитмов машинного обучения для организации нашей социальной, эконо-мической и политической жизни, обладает двойственной логикой. С одной стороны, этот модернизм, подобно традиционной бюрократии, является машиной классификации, даже если он категоризирует людей и вещи ина-че. С другой стороны, подобно рынку, он предоставляет средства для са-монастраивающегося распределения ресурсов на основе петель обратной связи, которые работают не так, как система цен. Возможно, важнейшее следствие высокотехнологичного модернизма для современной моральной политической экономии состоит в том, как он встраивает иерархию и сбор данных в самую основу повседневной жизни, заменяя видимые петли обратной связи невидимыми и предполагая, что как нельзя более опосредо-ванные результаты на самом деле являются прямым выражением истин-ных желаний людей.

Журнал «Экономическая социология» предлагает перевод статьи профес-сора Генри Фаррелла и профессора Марион Фуркад «Моральная экономия высокотехнологичного модернизма», вышедшей в 2023 г. в научном жур-нале «Dædalus». Данный перевод войдёт в русскоязычный сборник статей профессора Марион Фуркад, посвящённых цифровой экономике, который готовится Издательством Института Гайдара.

Ключевые слова: алгоритмы; машинное обучение; классификации; мо-ральная экономия; высокотехнологичный модернизм; политическое дей-ствие.

Алгоритмы, и особенно алгоритмы машинного обучения, стали важными социальными институтами. Если парафразировать социолога Мэри Дуглас, алгоритмы и есть то, «что осуществляет классификацию» [Douglas 1986: 91]. Они собирают и сортируют людей, события и вещи, распределяют матери-

¹ Авторы признательны за комментарии более ранней версии этой статьи Дженне Беднар, Ангусу Берджину, Эрику Байнхокеру, Дане Бойд, Робин Каплан, Федерике Каругати, Мациеджу Цегловски, Джерри Дэвису, Деборе Эстин, Марте Финнемор, Сэму Джиллу, Питеру Холлу, Кирэну Хили, Ребекке Хендерсон, Наташе Искандер, Биллу Джейнвей, Джозефу Кеннеди III, Джеку Найту, Маргарет Леви, Чарлтоу МакИлвену, Маргарет О'Мара, Сурешу Найду, Бруно Палье, Мануэлу Пастору, Полу Пирсону, Кейт Стар-берд, Кэти Тилен, Лили Тсай и Зейнеп Туфеки.

ФУРКАД Марион — профессор социологии Калифорнийского университета в Бёркли. Адрес: США, штат Калифорния, 94720-1980 г. Беркли, здание факультета социальных наук, 410.

Email: fourcade@berkeley.edu

альные возможности и социальный престиж. Но несут ли они, как и все остальные артефакты, определённую политику [Winner 1980]? Специалисты по технологиям отбиваются от самой этой идеи, однако многие яркие работы по философии, компьютерным наукам и праву опровергают naïвный взгляд, согласно которому алгоритмы являются аполитичными. Сложные технические споры разгорелись вокруг перевода таких понятий, как «справедливость» и «демократия», в компьютерный код. Одни считают, что всё дело в правовом аудите, другие полагают, что в проектировании нормативных правил и проверке их соблюдения, третья думает, что проблема сводится к изобретению политического будущего, внушающего надежду [Eubanks 1999].

Вопросы, которые волнуют социальные науки, ставятся иначе: как именно правят алгоритмы? Как их можно сравнить с другими модусами управления, такими как бюрократия или рынок? Как их опосредующая роль определяет моральные интуиции, культурные репрезентации и политическое действие? Другими словами, социальные науки обеспокоены не только конкретными алгоритмическими результатами, но также и широкими, охватывающими всё общество следствиями внедрения алгоритмических режимов, то есть систем принятия решений, которые опираются на вычислительные процессы, реализуемые на основе больших баз данных. Эти следствия нелегко исследовать и сложно заметить. Причина не только в том, что алгоритмы, подобно бюрократиям, связаны правилами и в то же время стремятся действовать втайне. И не только в том, что, как и рынки, они одновременно наделяют возможностями и манипулируют. Алгоритмы расширяют логику как иерархии, так и конкуренции. Они суть машины для создания категорий и их применения, чем они во многом напоминают традиционную бюрократию. Но в то же время они — самонастраивающиеся машины распределения ресурсов, чем напоминают рынки в их каноничной интерпретации.

Понимание этого факта помогает выявить сходства и различия между историческим режимом, названным политологом Джеймсом Скоттом высоким модернизмом, и тем, что мы, в свою очередь, называем *высокотехнологичным модернизмом* [Scott 1998]. Бюрократия, то есть типичный для высокого модернизма институт, и алгоритмы машинного обучения, основной институт высокотехнологичного модернизма, имеют общие корни, являясь технологиями иерархической классификации и вмешательства. Однако, если бюрократия закрепляет тождественность людей и обычно тяготеет к крупным, монополистическим и зачастую государственным организациям, алгоритмы поощряют конкуренцию между людьми в процессе, запускаемом крупными и почти монополистическими (часто рыночными) организациями. Высокотехнологичный модернизм и высокий модернизм рождены одним и тем же стремлением к контролю, но структурируются совершенно по-разному, что влечёт разные следствия в плане конструирования социального и экономического порядка. Противоречия между двумя этими моральными экономиями и подкрепляющими их институтами порождают многие из ключевых столкновений нашего времени.

И бюрократия, и вычисления обеспечивают наиболее важную форму социальной власти — власть классификации [Caplan, Boyd 2018]. Бюрократия внедряет картотеки и меморандумы, чтобы организовать мир и сделать его «читабельным», если использовать терминологию Скотта. Читабельность определяется прежде всего классификацией. Скотт объясняет, как бюрократии высокого модернизма создали категории и стандартизированные процессы, превратив богатые, но двусмысленные социальные отношения в бедную, но пригодную для обработки информацию. Бюрократическая способность категоризировать, организовывать и эксплуатировать эту информацию революционизировала способность государства что-либо делать. В то же время она заставила государство перестроить общество так, чтобы оно отражало категоризации и отыгрывало их на практике. Социальные, политические и даже физические географии были упрощены и стали благодаря этому читабельными для государственных чиновников. Фамилии были введены, чтобы облагать налогом частных лиц, а улицы Парижа были перестроены для упрощения контроля.

Однако высокий модернизм касался не только государства. Рынки тоже были стандартизированы, поскольку конкретные товары, такие как зерно, древесина и мясо, были превращены в абстрактные качества, которыми можно торговать в больших масштабах [Cronon 1991]. Способность категоризировать создала и оформила рынки, позволив, например, закупщикам зерна создавать категории, выгодные им, но не фермерам, у которых они его покупали. Фирмы создали собственные бюрократии, упорядочивающие мир и принимающие решения о том, кто может участвовать в рынках и как следует категоризировать товары.

Мы используем термин «высокотехнологичный модернизм» для обозначения такого комплекса классификационных технологий, основанных на количественных техниках и оцифрованной информации, который в какой-то мере заменяет аналоговые процессы, использовавшиеся высокомодернистскими организациями, а в какой-то — надстраивается над ними. Вычислительные алгоритмы, и особенно алгоритмы машинного обучения, выполняют функции, схожие с бюрократическими технологиями, описанными Скоттом. И машинное обучение с учителем (классифицирующее данные, используя маркированный набор для обучения), и машинное обучение без учителя (организующее данные в кластеры, которые оно само же и обнаруживает) упрощают категоризацию больших неструктурированных данных. Однако, в отличие от бюрократов, раньше возившихся с бумажками, сегодня работники высокотехнологичного модернизма прячутся за алгоритмическим занавесом. Функционирование алгоритмов оказывается намного более скрытым, хотя они и проникают в ткань общества глубже, чем действия бюрократии. Развитие умных сред и Интернета вещей привело к настолько тотальному, детализированному, неизбежному и быстро развивающемуся сбору данных о людях и их обработке, что на это уже не требуется наше согласие, а наше сопротивление этому не допускается.

На фундаментальном уровне машинное обучение отбрасывает намного меньше информации, чем традиционный высокий модернизм. Оно может относить людей к намного более узким категориям (то есть «классификаторам»), и в некоторых случаях такие категории сделаны под индивида. Так, видеоплатформа Netflix может отнести вас к одному из примерно двух тысяч «микросообществ», сопоставив вас с тысячей поджанров, которыми она располагает. То, как вы выбираете фильмы, меняет ваше положение в этой схеме и может, в принципе, изменить и саму схему классификации, что создаёт новую категорию зрителя, отражающую ваши специфические зрительские практики.

Многие грубые и общие категории бюрократий XIX века были заменены новыми многомерными классификациями, поддерживаемыми машинным обучением, которые человеческому уму часто сложно постигнуть [Fourcade 2017]. Люди иногда оказываются сгруппированы соответственно определённому типу поведения или опыта, пусть даже достаточно эфемерного; например, они могут быть подписчиками определённого YouTube-канала, субстандартными заёмщиками или же фанатами триллеров с сильны-

ми женскими персонажами. Категории высокотехнологичного модернизма, в отличие от неуклюжих высокомодернистских категорий, могут быть *эмерджентными* и в техническом смысле *динамичными*, адаптируемыми под новые типы поведения и информацию. Они содержат неявную информацию, подчас оказывающуюся поразительно верной, но иногда пугающей или вводящей в заблуждение. Таковы музыкальные алгоритмы, имитирующие стиль того или иного исполнителя, языковые модели, подражающие социальному контексту, или же эмфатический ИИ, который, как считается, может понять психологическое состояние человека [Stark 2020]. Технологии генеративного ИИ способны создать на основе промпта оригинальное изображение, видео, стихотворение или статью, которые обычному наблюдателю покажутся созданными человеком.

Вместе все эти перемены стимулируют появление новой политики. Традиционный высокий модернизм не только опирался на стандартных бюрократов, решающих те или иные вопросы. Он наделял множество экспертов правом принимать решения в области их конкретных знаний и авторитета. Сегодня многие из таких экспертов оказались под ударом, их авторитет подтачивают алгоритмы, которые, как утверждают их защитники, надёжнее, точнее и менее пристрастны, чем люди, их предшественники.

Одно из ключевых различий между моральными экономиями высокого модернизма и высокотехнологичного модернизма обусловлено обратной связью. Соблазнительно считать, что высокий модернизм ограничивался навязыванием сверху. Однако в своей ранней книге «Weapons of the Weak» («Оружие слабых») Скотт указывает, что субъекты насильственного внедрения категорий не являются пассивными и безвластными [Scott 1985] и порой могут засунуть палку в колёса больших машин.

По мнению философа Яна Хакинга, некоторые типы классификации, особенно те, что применяются к человеческим или социальным коллективам, являются «интерактивными» в том смысле, что, «когда они известны людям или их окружению и задействуются в институтах, они меняют восприятие людьми себя и своего опыта, более того, способны склонить людей к формированию чувств и поведения, отчасти объяснимых именно тем, что они были классифицированы каким-то определённым образом» [Hacking 1999: 103–104].

Иными словами, люди обладают агентностью, способностью действовать. Они непокорные подражатели категориям, в которых их объективируют. Люди могут реагировать на ограничения, подстраиваясь под предложенные описания или же развивая качества, им соответствующие. Но также они могут оспорить определение категории, её границы или тот факт, что они отнесены к ней [Bowker, Star 1999]. Так возникает петля обратной связи, в которой создатели классификаций (чиновники, акторы рынка, эксперты из различных профессиональных областей) могут в ответ корректировать свои категории. Следовательно, человеческое общество всегда деструктурируется и переструктурируется в постоянном взаимодействии между институтами, осуществляющими классификацию, и сортируемыми ими людьми, и группами.

Однако сознательная агентность возможна, только когда люди знают о классификациях: политика систем, в которых классификации заметны обществу, а потому применимы, будет отличаться от политики систем, в которых они незаметны.

Итак, как же переход от высокого модернизма к высокотехнологичному влияет на отношения людей к классификациям? В худшем случае высокий модернизм отбрасывал неявные знания, игнорировал желания и жалобы общества, разрушал и перекраивал беспорядочные, но живые сообщества масштабными реформами и слишком общими категоризациями, делая людей *более заметными*, а потому и более податливыми воздействию. Проблема состояла не в том, что общество не замечало ошибки, но в том, что мнение общества часто игнорировалось. Авторитарные режимы ограничивали способность людей

ответить на классификацию: всё, что выходило за пределы пассивного сопротивления, становилось мишенью для жестокого противодействия. Демократические режимы, по крайней мере теоретически, были более открыты для обратной связи, однако часто они также её игнорировали, когда она была неприятной и особенно когда такая ответная реакция поступала от маргинальных групп.

Патологии вычислительных алгоритмов зачастую оказываются более тонкими. Сдвиг к высокотехнологичному модернизму позволяет средствам, обеспечивающим читабельность, отступить на задний фон обычных паттернов нашей жизни. Сбор информации вплетён в самую основу нашей жизни, поскольку, когда различные организации накапливают данные с наших телефонов, компьютеров, входных камер видеонаблюдения, покупок и автомобилей. Сегодня не нужен новый Осман², который превратил бы запруженные переулки в широкие бульвары, сделав граждан заметными и наблюдаемыми. Городские архитектуры, обеспечивающие такую заметность, стали практически бесполезными благодаря невидимым потокам данных, которые по воздуху передают информацию о наших передвижениях, вкусах или действиях, просеивая её затем через серверы, размещённые в анонимных промышленных зданиях.

Петли обратной связи высокотехнологичного модернизма также имеют структурные отличия. Некоторые виды обратной связи, принятые между людьми, сегодня распространены намного меньше. Системы цифровой классификации способны группировать людей так, что социальные связи не всегда социально опознаваемы и отличаются от таких традиционных категорий, как, например, «женщина», «замужняя», «ирландка» или «христианка». Следовательно, обратная связь между людьми обычно требует опосредования, выполняемого специалистами со значительными познаниями в области вычислительных технологий, однако даже их часто ставит в тупик работа систем, которые они сами же и спроектировали [Burrell 2016; O'Neil 2016].

Политические и социальные механизмы реагирования, активного и сознательного, на классификацию, подтверждая её, противясь ей или же её опровергая, заменены закрытыми контурами, в которых алгоритмы относят людей к определённым категориям без их ведома, оценивают их реакции на стимулы, постоянно обновляют информацию о них и классифицируют их заново. Классификации, произведённые машинным обучением, являются кибернетическими в том смысле, какой этому слову первоначально придавал математик Норберт Винер, то есть самокорректирующимися: категории автоматически и динамически перестраиваются в зависимости от реакций, ими вызываемых.

Изменения в политике кредита в США позволяют прояснить все эти различия. До 1970-х гг. кредитоспособность человека определялась на основе таких общих демографических категорий, как гендер и раса, или же их высокомодернистских заменителей, таких как брачный статус или же страховая дискриминация («красная линия») бедных, преимущественно из районов проживания темнокожих. И только когда категориальную дискриминацию запретили, в сфере кредита начали расцветать новые актуарные техники, нацеленные на точный подсчёт «рискованности» конкретных индивидов [Roop 2009].

Это изменило не только взгляд кредиторов на индивида и группы, но и взгляд индивидов и групп на самих себя и политику, им доступную [Krippner 2017]. «Красная линия» была очевидным расовым предрассудком, заметным любому человеку, удосужившемуся взглянуть на карту. Однако кредитный рейтинг превратил оценку кредитного риска в процесс количественный, индивидуализированный и абстрактный. Оспаривание итоговых классификаций или коллективное действие против них существенно осложнились. Кроме того, внедрение машинного обучения, использующего ещё более слабые сигналы для своих суждений, такие как средний заряд батареи телефона пользователя, служащий ин-

² Осман Жорж Эжен (1809–1890) — префект департамента Сена, в который входил Париж; градостроитель, во многом определивший современный облик Парижа, обустроил для прогулок Венсенский и Булонский леса и другие зелёные зоны Парижа. Переустройство Парижа при Наполеоне III часто называют османизацией. — *Примеч. перев.*

дикатором вероятности выплаты им кредита, привело к ещё большей непрозрачности процесса оценки кредитоспособности и ещё сильнее затруднило реакцию на него [Kai-Fu 2018].

Прогностические рейтинги, опирающиеся на поведенческие измерения, уходят от явной расовой *дискриминации*. Но было бы ошибкой считать, что они устраняют расовое *неравенство*, они попросту скрывают его, порой позволяя ему разрастаться [Barocas, Selbst 2016; Noble 2018; Benjamin 2019]. Вот почему политическая борьба с алгоритмами выявила исторические предубеждения, встроенные в тренировочные наборы данных, а также внутреннюю несправедливость и неэффективность непрозрачных автоматических решений. Европейская комиссия предложила регулировать «высокорисковые» алгоритмы, создающие угрозу для фундаментальных прав, путём их постоянного аудита людьми [European Commission 2021]. Сюда можно отнести и алгоритмы, служащие определению получателей государственных пособий, алгоритмы кредитного рейтинга, правопорядка, иммиграционного контроля, занятости и многого другого. Наконец, традиционные профессионалы высокого модерна, включая судей, журналистов и сотрудников правоохранительных органов, также стали сопротивляться применению в их области алгоритмов, поскольку они считают их нерелевантными, неэффективными или же угрожающими их статусу [Brayne 2020; Christin 2020].

Моральная экономия высокотехнологичного модернизма движима рынком, как в практическом плане, так и в идеологическом. Многие алгоритмические стартапы стремятся к быстрому и агрессивному расширению своей доли рынка. Когда доходы начинают превышать постоянные издержки, дополнительная стоимость добавления каждого нового пользователя сравнительно невысока. Такие компании-платформы, как Facebook³ или YouTube, могут обслуживать миллиарды пользователей, хотя в них самих работают всего лишь десятки тысяч сотрудников. Алгоритмы машинного обучения способны собирать данные о пользователях, динамически создавая и корректируя потоки контента, тогда как аукционные алгоритмы и алгоритмы сравнения с образом могут поддерживать динамические рынки для рекламодателей, желающих получить доступ к клиентам с определёнными демографическими характеристиками.

Алгоритмы институализируют конкуренцию между отдельными единицами (будь то люди, организации или идеи), подкрепляя рыночное представление о честности [Kiviat 2019]. Угроза автоматизации и потери работы нависла над всеми работниками. Алгоритмические технологии могут внедряться для найма и увольнения сотрудников, для предсказания результативности, влияния и рисков, а также для наблюдения, дисциплины и арестов. Ранжирование задаётся алгоритмами [Fourcade 2021]. Словно каждый, кто прилежно трудится, может достичь успеха, а социальная структура и существующее распределение власти не имеют значения. (Ирония заключается в том, что фирмы высокотехнологичного модерна рады закрутить гайки на рынке для всех, кроме себя, стремясь к монополии [Thiel 2014].)

Распределение знаний, как и поведение индивидов, должно пройти проверку рынком. Высокотехнологичный модернизм претендует на то, чтобы представлять суждения людей, а не снобизм элит. Напомним, что Скотт считает высокий модернизм по самой его сути антидемократическим, поскольку он закрепляет категории и цели, решение о которых принимают элиты, которые «знают лучше» [Scott 1998]. Высокотехнологичный модернизм, напротив, систематически подрывает суждение элиты, разжигая кризис экспертных знаний [Eyal 2019]. Считается, что алгоритмы читают рентгеновские снимки лучше рентгенологов, предсказывают покупки лучше исследователей рынка, понимают сексуальность людей лучше, чем они сами, и создают новые тексты или коды лучше многих профессиональных авторов и инженеров. В то же время они превозносят специфическую низовую мудрость. Сеть даёт толпе право решать, что стоит знать, порождая такие формы выражения коллективных чувств, как лайки, клики и

³ Проект принадлежит Meta Platforms Inc., которая признана экстремистской организацией и чья деятельность запрещена на территории РФ. — *Примеч. ред.*

комментарии. Вирусные тренды и сетевые толпы представляют псевдодемократический и при этом чрезвычайно подвижный глас народа (*vox populi*).

Отсутствие видимой иерархии легитимирует утверждение высокотехнологичного модернизма, что облака и толпы выражают желания людей лучше всего остального. Его новые элиты повторяют ранние либертарианские аргументы о киберпространстве, а также квазихайековскую апологию рынка, стремясь обосновать легковесное представление о том, что поисковые машины и другие алгоритмы являются бескорыстными инструментами обработки естественным образом рассеянного в Интернете запаса знаний [Hayek 1947; 2002; Barlow 1996; Morozov 2019]. Такие элиты льстят высокотехнологичному модернизму, признавая в нём защитника свобод индивида, освобождаемого от физических и социальных уз и прежде всего от традиционных статусных иерархий. Огромные данные, «свободно» загружаемые людьми или оставляемые ими за собой, когда они бродят по киберпространству, становятся «неквалифицированным благом», стимулируя благотворную конкуренцию за всё и за всех [Brown 2015: 157].

Но неудобный факт заключается в том, что иерархия не исчезла. Она всего лишь стала менее заметной. Бизнес-приоритеты компаний-платформ определяют применяемые ими алгоритмы, а также их «объективные функции», хорошо просчитанные цели, максимальному осуществлению которых они должны служить. Корпорации социальных сетей применяют алгоритмы для максимизации «вовлечённости», заставляя потребителей листать ленты новостей и просматривать видеоклипы, чтобы они могли увидеть платный контент, который может оказаться нерелевантным для них. Например, Amazon больше озабочена тем, как заставить людей покупать товары, и, по мнению правоведа и главы Федеральной торговой комиссии Лины Хан, применяет подробную информацию о транзакциях и возможности рейтинговать поисковые запросы для укрепления своего господства на рынке [Khan 2016–2017]. Компании-платформы не любят, когда под нажимом регулятора алгоритмы приходится корректировать, поскольку боятся, что это может стать прецедентом для дальнейших вмешательств, способных вступить в противоречие с их бизнес-моделью.

Когда поисковые машины превратились из технологии общего назначения в личных цифровых ассистентов, поиск в Интернете был возведён в формирование собственного мнения и нормативный принцип. Люди чтят поисковые системы как оракулы, но социолог Франческа Триподи и другие авторы показали, что на самом деле они работают, скорее, как кривое зеркало, которое подтверждает, использует или искажает знания людей [Tripodi 2018]. Наши интересы и убеждения воплощены в используемом нами словаре, вопросах, нами задаваемых, а также, возможно, во всей нашей истории поисков. YouTube, Facebook⁴ и другие социальные сети предлагают контент, основанный на том, что мы хотели бы посмотреть, а также на том, что хотели бы посмотреть другие люди, похожие в некоторых отношениях на нас.

Таким образом, компании-платформы стали посредниками знаний, подобно газетам или учительским собраниям, на которых составляется школьное расписание, но при этом отгородились от традиционной отчётности. Алгоритмы и — что может быть столь же важно — инструменты поиска и совместного использования информации способствуют утверждению категорий, которые могут стать частными самоподкрепляющимися универсумами дискурса, создающими эхо-камеры, в которых отличающиеся голоса просто заглушаются, или эпистемическими пузырями, притягивающими пользователей к мнимым авторитетам, которые всеми силами стремятся дискредитировать другие источники информации [Nguyen 2020]. Однако невидимость иерархии позволяет этим посредникам знаний оправдывать себя принципами *laissez-faire*, не говоря обществу, во что верить, даже если сами они всё больше утопают в авгиевых конюшнях модерации оскорбительного, ложного или искажённого контента.

⁴ Проект принадлежит Meta Platforms Inc., которая признана экстремистской организацией и чья деятельность запрещена на территории РФ. — *Примеч. ред.*

Наш универсум доступного знания оформляется процессами категоризации, невидимыми и непонятными для обычных пользователей и осуществляющимися на основе принципов, которые имеют мало отношения к реальной обоснованности источниками. В результате постепенно меняется то, как люди вообще «ориентируются в своём мире» [Arendt 2000: 568]. Видимые петли обратной связи между категоризируемыми людьми, знание, к которому у них есть доступ, и процессы, в которых категории порождаются, — всё это заменяется невидимыми контурами, опосредованными алгоритмами, стремящимися к максимизации коммерческих целей и порой создающими несовместимые, но самоподдерживаемые островки коллективных («постистинных») убеждений, разделяемых микропубликами, категоризированными определённым образом и способными самими своими действиями эти категории закреплять. Таким образом, сложилась новая территория политической борьбы, включающая эксплуатацию информационных систем и алгоритмическую динамику партийной конкуренции.

Все эти моральные патологии отличаются от тех, на которые указывает социальный психолог Шюсана Зубофф, подчёркивающая, что компании-платформы манипулируют желаниями и убеждениями людей, делая это часто, но не всегда успешно [Zuboff 2019; Hwang 2020]. Более опасно то, что люди убеждены, будто система порождения знаний в высокотехнологичном модернизме является шведским столом, для которого «всё подойдёт», и сохранение такого стола крайне важно для их собственной свободы. Каждый может предложить контент, каждый может быть для самого себя экспертом, тогда как задача алгоритма — разобрать, кто есть кто. Кроме того, новое экзистенциальное условие прозрачности обеспечило каждого мощными инструментами обличения других и усомнения в них, которые лишь отчасти ограничиваются возможностью обратного изобличения, что в целом создаёт агонистическую по своей сути ситуацию.

В конечном счёте отношение между высоким и высокотехнологичным модернизмом является борьбой двух элит, а именно новой элиты программистов, которые претендуют на то, что они опосредуют мудрость толп, и старой элиты, которая обосновывала свои притязания на легитимность специальными профессиональными, научными и бюрократическими знаниями [Davies 2017; Burrell, Fourcade 2021]. Обе элиты опираются для обоснования своих позиций на риторические ресурсы; обе небескорыстны.

Сильное чувство обиды и неверия, испытываемое многими людьми по отношению к алгоритмическим суждениям, указывает на то, что старая моральная политическая экономия высокого модернизма, какой бы порочной она ни была, не может считаться умершей. Новая моральная политическая экономия, которая идёт ей на смену, ещё не достигла спелости, но зреет и — формулируемая специалистами по технологиям и их спонсорами из финансовой сферы — является своего рода матрифагией, когда личинка питается ослабленным телом своего прародителя (и его критикой), убивая его. Как и прежние бюрократии высокого модернизма, инструменты высокотехнологичного модернизма и их дизайнеры категоризируют людей и ситуации, но делают это иначе. Внедряя наблюдение всюду и везде, они заставили нас перестать о нём беспокоиться и даже, возможно, полюбить его [Chorev 2021]. Производя непостижимые категоризации, заточенные под конкретный случай, они затруднили людям понимание их общей судьбы. Опираясь на непрозрачные автоматические петли обратной связи, они переписали возможные траектории политической реакции и сопротивления. Повысив эффективность сетевой координативности, они сделали мобилизацию более эмоциональной и ситуативной, но в то же время на коллективном уровне нестабильной. Подчёркивая же честность рынка и мудрость толпы в организации социальных понятий, они фундаментально преобразовали наши моральные интуиции авторитета, истины, объективности и заслуги.

Литература

- Arendt H. 2000. Truth and Politics. In: Baehr P. (ed.) *The Portable Hannah Arendt*. London: Penguin Classics; 545–575.
- Barlow J. P. 1996. A Declaration of the Independence of Cyberspace. *Electronic Frontier Foundation*. February 8. Available at: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed 3 November 2025).
- Barocas S., Selbst A. D. 2016. Big Data's Disparate Impact. *California Law Review*. 104 (3): 671–732.
- Benjamin R. 2019. *Race After Technology: Abolitionist Tools for the New Jim Code*. Cambridge, MA: Polity.
- Bowker G., Star S. L. 1999. *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Brayne S. 2020. *Predict and Surveil: Data, Discretion, and the Future of Policing*. New York: Oxford University Press.
- Brown W. 2015. *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Burrell J. 2016. How the Machine “Thinks”: Understanding Opacity in Machine Learning Algorithms. *Big Data 3 Society*. 3 (1): 1–12.
- Burrell J., Fourcade M. 2021. The Society of Algorithms. *Annual Review of Sociology*. 47: 213–237.
- Caplan R., Boyd D. 2018. Isomorphism through Algorithms: Institutional Dependencies in the Case of Facebook. *Big Data 3 Society*. 5 (1): 1–12.
- Chorev N. 2021. The Virus and the Vessel, or: How We Learned to Stop Worrying and Love Surveillance. *Socio-Economic Review*. 19 (4): 1497–1513.
- Christin A. 2020. *Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Cronon W. 1991. *Nature's Metropolis: Chicago and the Great West*. New York: W. W. Norton.
- Davies W. 2017. Elite Power Under Advanced Neoliberalism. *Theory, Culture and Society*. 34 (5–6): 227–250.
- Douglas M. 1986. *How Institutions Think*. Syracuse, NY: Syracuse University Press.
- Eubanks W. 1999. The Mythography of the ‘New’ Frontier. *MIT Communications Forum*. Available at: <https://web.mit.edu/comm-forum/legacy/papers/eubanks.html> (accessed 3 November 2025).
- European Commission. 2021. *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts*. Brussels: European Commission.
- Eyal G. 2019. *The Crisis of Expertise*. Cambridge, MA: Polity.

- Fourcade M. 2021. Ordinal Citizenshi. *The British Journal of Sociology*. 72 (2): 154–173.
- Fourcade M., Healy K. 2017. Seeing Like a Market. *Socio-Economic Review*. 15 (1): 9–29.
- Hacking I. 1999. *The Social Construction of What?* Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hayek F. von. 1947. The Uses of Knowledge in Society. *American Economic Review*. 35 (4): 519–530.
- Hayek F. von. 2002. Competition as a Discovery Procedure. *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. 5 (3): 9–23.
- Hwang T. 2020. *Subprime Attention Crisis*. New York: FSG Originals.
- Kai-Fu L. 2018. *AI Superpowers: China, Silicon Valley and the New World Order*. New York: Harper Business.
- Khan L. M. 2016–2017. Amazon’s Antitrust Paradox. *Yale Law Journal*. 126 (3): 710–805.
- Kiviat B. 2019. The Moral Limits of Predictive Practices: The Case of Credit-Based Insurance Scores. *American Sociological Review*. 84 (6): 1134–1158.
- Krippner G. 2017. Democracy of Credit: Ownership and the Politics of Credit Access in Late Twentieth-Century America. *American Journal of Sociology*. 123 (1): 1–47.
- Morozov E. 2019. Digital Socialism? The Socialist Calculation Debate in the Age of Big Data. *New Left Review*. 116/117. Available at: <https://newleftreview.org/issues/ii116/articles/evgeny-morozov-digital-socialism> (accessed 3 November 2025).
- Nguyen C. T. 2020. Echo Chambers and Epistemic Bubbles. *Episteme*. 17 (2): 141–161.
- Noble S. U. 2018. *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York: New York University Press.
- O’Neil C. 2016. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York: Crown.
- Poon M. 2009. From New Deal Institutions to Capital Markets: Commercial Consumer Risk Scores and the Making of Subprime Mortgage Finance. *Accounting, Organizations and Society*. 34 (5): 654–674.
- Scott J. 1985. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Scott J. 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Stark L. 2020. The Emotive Politics of Digital Mood Tracking. *New Media and Society*. 22 (11): 2039–2057.
- Thiel P. 2014. Competition Is for Losers. *The Wall Street Journal*. September 12. Available at: <https://www.wsj.com/articles/peter-thiel-competition-is-for-losers-1410535536> (accessed 3 November 2025).

Tripodi F. 2018. *Searching for Alternative Facts. Analyzing Scriptural Inference in Conservative News Practices*. New York: Data & Society. Available at: https://datasociety.net/wp-content/uploads/2018/05/Data_Society_Searching-for-Alternative-Facts.pdf (accessed 3 November 2025).

Winner L. 1980. Do Artifacts Have Politics? *Dædalus*. 109 (1). Winter: 121–136.

Zuboff Sh. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs. См. также рус. перев.: Зубофф Ш. 2022. *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Изд-во Института Гайдара.

NEW TRANSLATIONS

Henry Farrell, Marion Fourcade

The Moral Economy of High-Tech Modernism

FARRELL, Henry is the SNF Agora Professor of International Affairs at Johns Hopkins School of Advanced International Studies. Address: 555, Pennsylvania Avenue NW Washington DC 20001, USA.

Email: hfarrell1@jh.edu

FOURCADE, Marion is Professor of Sociology at the University of California, Berkeley. Address: 410 Social Sciences Building, Berkeley CA 94720-1980, USA.

Email: fourcade@berkeley.edu

Source: Farrell H., Fourcade M. (2023) The Moral Economy of High-Tech Modernism. *Dædalus*, vol. 152, no 1, pp. 225–235. Available at: https://doi.org/10.1162/DAED_a_01982 (accessed 2 November 2025).

Abstract

While people in and around the tech industry debate whether algorithms are political at all, social scientists take the politics as a given, asking instead how this politics unfolds: how algorithms concretely govern. What we call “high-tech modernism” — the application of machine learning algorithms to organize our social, economic, and political life — has a dual logic. On the one hand, like traditional bureaucracy, it is an engine of classification, even if it categorizes people and things very differently. On the other, like the market, it provides a means of self-adjusting allocation, though its feedback loops work differently from the price system. Perhaps the most important consequence of high-tech modernism for the contemporary moral political economy is how it weaves hierarchy and data-gathering into the warp and woof of everyday life, replacing visible feedback loops with invisible ones, and suggesting that highly mediated outcomes are in fact the unmediated expression of people’s own true wishes.

The *Journal of Economic Sociology* offers a Russian translation of Professor Henry Farrell and Professor Marion Fourcade’s article, titled *The Moral Economy of High-Tech Modernism*, published in 2023 in *Dædalus*. This translation will be included in a Russian-language collection of Professor Marion Fourcade’s articles on the digital economy, which is being prepared for publication by the Gaidar Institute Press.

Keywords: algorithms; machine learning; classifications; moral economy; high-tech modernism; political action.

Acknowledgements

We are grateful to Jenna Bednar, Angus Burgin, Eric Beinhocker, Danah Boyd, Robyn Caplan, Federica Carugati, Maciej Ceglowski, Jerry Davis, Deborah Estrin, Martha Finnemore, Sam Gill, Peter Hall, Kieran Healy, Rebecca Henderson, Natasha Iskander, Bill Janeway, Joseph Kennedy III, Jack Knight, Margaret Levi, Charlton McIlwain, Margaret O’Mara, Suresh Naidu, Bruno Palier, Manuel Pastor, Paul Pierson, Kate Starbird, Kathy Thelen, Lily Tsai, and Zeynep Tufekci for comments on an earlier version of this essay.

References

- Arendt H. (2000) Truth and Politics. *The Portable Hannah Arendt* (ed. P. Baehr), London: Penguin Classics, pp. 545–575.
- Barlow J. P. (1996) A Declaration of the Independence of Cyberspace. *Electronic Frontier Foundation*. February 8. Available at: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed 10 October 2025).

- Barocas S., Selbst A. D. (2016) Big Data's Disparate Impact. *California Law Review*, vol. 104, no 3, pp. 671–732.
- Benjamin R. (2019) *Race After Technology: Abolitionist Tools for the New Jim Code*, Cambridge, MA: Polity.
- Bowker G., Star S. L. (1999) *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*, Cambridge, MA: The MIT Press.
- Brayne S. (2020) *Predict and Surveil: Data, Discretion, and the Future of Policing*, New York: Oxford University Press.
- Brown W. (2015) *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Burrell J. (2016) How the Machine "Thinks": Understanding Opacity in Machine Learning Algorithms. *Big Data 3 Society*, vol. 3, no 1, pp. 1–12.
- Burrell J., Fourcade M. (2021) The Society of Algorithms. *Annual Review of Sociology*, vol. 47, pp. 213–237.
- Caplan R., Boyd D. (2018) Isomorphism through Algorithms: Institutional Dependencies in the Case of Facebook. *Big Data 3 Society*, vol. 5, no 1, pp. 1–12.
- Chorev N. (2021) The Virus and the Vessel, or: How We Learned to Stop Worrying and Love Surveillance. *Socio-Economic Review*, vol. 19, no 4, pp. 1497–1513.
- Christin A. (2020) *Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Cronon W. (1991) *Nature's Metropolis: Chicago and the Great West*, New York: W. W. Norton.
- Davies W. (2017) Elite Power Under Advanced Neoliberalism. *Theory, Culture and Society*, vol. 34, no 5–6, pp. 227–250.
- Douglas M. (1986) *How Institutions Think*, Syracuse, NY: Syracuse University Press.
- Eubanks W. (1999) The Mythography of the 'New' Frontier. *MIT Communications Forum*. Available at: <https://web.mit.edu/comm-forum/legacy/papers/eubanks.html> (accessed 3 November 2025).
- European Commission. (2021) *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts*, Brussels: European Commission.
- Eyal G. (2019) *The Crisis of Expertise*, Cambridge, MA: Polity.
- Fourcade M. (2021) Ordinal Citizenship. *The British Journal of Sociology*, vol. 72, no 2, pp. 154–173.
- Fourcade M., Healy K. (2017) Seeing Like a Market. *Socio-Economic Review*, vol. 15, no 1, pp. 9–29.
- Hacking I. (1999) *The Social Construction of What?* Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Hayek F. von. (1947) The Uses of Knowledge in Society. *American Economic Review*, vol. 35, no 4, pp. 519–530.
- Hayek F. von. (2002) Competition as a Discovery Procedure. *The Quarterly Journal of Austrian Economics*, vol. 5, no 3, pp. 9–23.
- Hwang T. (2020) *Subprime Attention Crisis*, New York: FSG Originals.
- Kai-Fu L. (2018) *AI Superpowers: China, Silicon Valley and the New World Order*, New York: Harper Business.
- Khan L. M. (2016–2017) Amazon's Antitrust Paradox. *Yale Law Journal*, vol. 126, no 3, pp. 710–805.
- Kiviat B. (2019) The Moral Limits of Predictive Practices: The Case of Credit-Based Insurance Scores. *American Sociological Review*, vol. 84, no 6, pp. 1134–1158.
- Krippner G. (2017) Democracy of Credit: Ownership and the Politics of Credit Access in Late Twentieth-Century America. *American Journal of Sociology*, vol. 123, no 1, pp. 1–47.
- Morozov E. (2019) Digital Socialism? The Socialist Calculation Debate in the Age of Big Data. *New Left Review*, no 116/117. Available at: <https://newleftreview.org/issues/ii116/articles/evgeny-morozov-digital-socialism> (accessed 3 November 2025).
- Nguyen C. T. (2020) Echo Chambers and Epistemic Bubbles. *Episteme*, vol. 17, no 2, pp. 141–161.
- Noble S. U. (2018) *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*, New York: New York University Press.
- O'Neil C. (2016) *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*, New York: Crown.
- Poon M. (2009) From New Deal Institutions to Capital Markets: Commercial Consumer Risk Scores and the Making of Subprime Mortgage Finance. *Accounting, Organizations and Society*, vol. 34, no 5, pp. 654–674.
- Scott J. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Scott J. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Stark L. (2020) The Emotive Politics of Digital Mood Tracking. *New Media and Society*, vol. 22, no 11, pp. 2039–2057.
- Thiel P. (2014) Competition Is for Losers. *The Wall Street Journal*. September 12. Available at: <https://www.wsj.com/articles/peter-thiel-competition-is-for-losers-1410535536> (accessed 3 November 2025).
- Tripodi F. (2018) *Searching for Alternative Facts. Analyzing Scriptural Inference in Conservative News Practices*, New York: Data & Society. Available at: https://datasociety.net/wp-content/uploads/2018/05/Data_Society_Searching-for-Alternative-Facts.pdf (accessed 3 November 2025).

Winner L. (1980) Do Artifacts Have Politics? *Dædalus*, vol. 109, no 1, Winter, pp. 121–136.

Zuboff Sh. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, New York: Public Affairs.

Received: May 29, 2025

Citation: Farrell H., Fourcade M. Moralnaya ekonomiya vysokotekhnologichnogo modernizma [The Moral Economy of High-Tech Modernism]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 5, pp. 38–52. doi: [10.17323/1726-3247-2025-5-38-52](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-5-38-52) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

С. И. Паринов

Механизмы социально-экономической деятельности на основе принципов институционального дизайна: поиск общей модели¹

ПАРИНОВ Сергей Иванович — доктор технических наук, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки (ФГБУН), Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) РАН. Адрес: 117418, Российская Федерация, Москва, пр. Нахимова, д. 47.

Email: sparinov@gmail.com

В статье предлагается концепция общей модели механизмов совместной социально-экономической деятельности, основанная на результатах фреймворка «Институциональный анализ и развитие» (ИАР). Исходным тезисом служит предположение о существовании универсальных функций, реализующих процессы координации и управления в различных типах механизмов регулирования совместной социально-экономической деятельности. Содержание универсальных функций и общая структура абстрактного механизма совместной деятельности выведены из принципов институционального дизайна ИАР. Рассматривается общий подход к воплощению шести универсальных функций в виде множества конструктивных элементов, используемых для создания реальных механизмов. Начальное множество конструктивных элементов сформировано на основе способов реализации этих функций при трёх основных режимах коммуникаций — прямые, косвенные и основанные на правилах — между участниками совместной деятельности. Рассматриваются свойства воплощённых механизмов, включая проявление этих свойств в реальных регулирующих структурах типа «сеть», «иерархия», «рынок», «правила и институты». Процесс построения воплощённых механизмов совместной деятельности трактуется как задача выбора комбинации конструктивных элементов, наилучшим образом соответствующих характеристикам конкретной совместной деятельности и условиям окружающей среды. Предлагаются принципы оптимизации механизмов для совместной деятельности с неоднородными операциями, которые приводят к гибридизации механизмов. Основные результаты исследования представлены в виде концепции и схемы общей модели механизмов совместной деятельности. Предложенный подход может служить основой для анализа коллективных действий, исследования трансформации форм социальной координации и потенциального влияния цифровых технологий, включая ИИ, на развитие механизмов совместной деятельности. Модель может быть использована в исследованиях кооперации, управления общими ресурсами, организационного дизайна и цифровизации социально-экономических институтов.

Ключевые слова: принципы институционального дизайна; совместная деятельность; абстрактный механизм; эффективность механизма; режимы коммуникаций; конструктивные элементы; общая модель.

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № 075-15-2024-525 от 23 апреля 2024 г.

Введение

Фреймворк «Институциональный анализ и развитие» (ИАР) [Ostrom 2005; Lara 2015; Плутник 2010: 60–65], соавтором которого является лауреат Нобелевской премии по экономике Элино́р Остро́м, основан на многолетнем эмпирическом анализе процессов создания, использования и совершенствования институциональных структур в разных странах. Важными результатами обобщения большого массива эмпирических данных в ИАР стали описание универсальных строительных блоков (*universal building blocks*) для создания институтов и формулировка принципов конструирования (*design principles*) устойчивых институтов [Ostrom 2005: 259; Круглова 2018: 21], являющиеся обобщением причин, по которым одни институты оказываются успешными и устойчивыми, а другие — нет [Ostrom 2010: 652].

Настоящее исследование, опираясь в целом на представления о регулирующих структурах и механизмах (см. [Hurwicz, Reiter 2006; Уильямсон 1996; Ostrom 2005]), развивает идею «универсальных строительных блоков», которые люди используют в своей совместной деятельности для создания регулирующих механизмов. «Можем ли мы копнуть глубже в огромное разнообразие регуляризованных социальных взаимодействий на рынках, в иерархиях, семьях, спорте, законодательных органах, выборах и других ситуациях, чтобы выявить универсальные строительные блоки, используемые при создании всех подобных структурированных ситуаций?» [Ostrom 2005: 5]. В предлагаемом исследовании рассматривается гипотеза о том, что универсальными являются не строительные блоки как таковые, а функции некоторого абстрактного механизма регулирования совместной социально-экономической деятельности. Данный подход находится в русле развития институциональной теории для проектирования механизмов координации и управления на уровне функций, позволяя преодолеть ограниченность традиционной модели выбора между заданными типами механизмов [Уильямсон 1996]. Похожим образом, Филипп ван Басхёйсен выделяет три уровня институционального дизайна — замысел, инженерия и практическая реализация [Basshuysen 2021], — что, в общем, соответствует логике данного исследования.

Набор универсальных функций, необходимых для полноценной реализации механизмами процессов координации и управления, выведен из принципов институционального дизайна ИАР [Ostrom 2005: 259]. При таком подходе «структурированные ситуации» в совместной деятельности, которые упоминаются в приведённой выше цитате из работы Э. Остро́м, являются результатом практической реализации универсальных функций абстрактного механизма. Практическая реализация функций связана с затратами, имеющими природу трансакционных издержек [Matthews 1986; Coase 1998; Уильямсон 1996]. Методы реализации универсальных функций зависят от характера совместной деятельности и могут включать разнообразные «приспособления», состоящие из правил, навыков участников, средств обмена и обработки информации [Уильямсон 1996; Ostrom 2005; Hurwicz, Reiter 2006]. Наблюдаемое в экономике и обществе многообразие форм регулярных социальных взаимодействий объясняется как разнообразием существующих возможностей для реализации универсальных функций, так и различиями видов деятельности людей. Таким образом, способы реализации универсальных функций имеют частный характер и формируют множество в определённой степени взаимозаменяемых конструктивных элементов для создания механизмов.

Предпринятое в данном исследовании обобщение идей ИАР распространяется на все виды совместной деятельности (СД), выгода от которых положительно зависит от полноты учёта факторов, значимых для СД. Информация о таких факторах содержится как в общей среде, так и распределена между участниками СД [Hayek 1945]. К подобным видам СД относится деятельность, основанная на разделении труда (экономическая, а также многие виды социальной деятельности).

В ИАР также ставится вопрос о возможности единого подхода к объяснению поведения участников разных видов СД: «Можем ли мы использовать для объяснения поведения на товарном рынке те же компоненты, что и для объяснения поведения в университете, религиозном ордене, транспортной системе или городской общественной экономике?» [Ostrom 2005: 6]. Необходимость формирования единого подхода к исследованию институтов и их изменений отмечает также В. Л. Тамбовцев (см.: [Тамбовцев 2012]). Из этого вытекает актуальность разработки общей теоретической модели построения и функционирования регулирующих структур и механизмов, которая, с одной стороны, обладала бы общностью, присущей институтам, а с другой — позволяла бы объяснять наблюдаемое разнообразие типов механизмов СД.

Данное исследование предлагает концепцию такой общей модели. В соответствии с этой моделью участники СД, рассматриваемые в традициях Новой институциональной экономики, стремятся максимизировать выгоду от СД. Это создаёт у них мотивацию использовать механизмы СД с максимальной возможной (в смысле Парето) эффективностью. Эффективность механизма, которая в данном случае рассматривается как целевая функция, определяется соотношением между выгодой от СД и затратами на функционирование механизма. Максимизирующими переменными для целевой функции является множество конструктивных элементов, реализующих функции абстрактного механизма. Для максимизации целевой функции участники СД подбирают такие наборы конструктивных элементов, которые в рамках заданных ограничений — характеристик СД и внешних условий — обеспечивают наилучший результат. Регулярные и непредсказуемые изменения в окружающей среде требуют динамической адаптации конструкции механизма для поддержания его максимальной эффективности во времени.

Для формирования начального множества конструктивных элементов рассмотрен один из возможных способов реализации универсальных функций механизмов: с использованием средств обмена и обработки информации, которые понимаются как информационные технологии (ИТ) в широком смысле и включают различные возможности для коммуникаций. В работе проанализирован состав конструктивных элементов, который возникает от реализации универсальных функций механизмов при различных режимах коммуникации: прямых, косвенных и на основе правил, то есть без текущих коммуникаций.

На этой основе введено понятие «воплощённый механизм», который возникает в результате реализации функций абстрактного механизма с помощью определённого набора конструктивных элементов. Проанализированы свойства канонических и гибридных видов воплощённых механизмов. Среди реально наблюдаемых управляющих структур выделены представители канонических механизмов: «сетевая структура», «иерархическая организация», «рынок», «правила и институты». Возникновение гибридных механизмов (см.: [Ménard 2004; Makadok, Coff 2009]) рассматривается как следствие возможной неоднородности операций СД, в том числе вызванной случайными изменениями. В этом случае гибридизация является следствием динамической адаптации конструкции механизма к изменениям среды для поддержания максимальной эффективности механизма. Данный подход позволяет систематическое сравнение различных типов гибридных структур и даёт возможности для макроаналитического анализа природы гибридизации [Ebers, Oerlemans 2016].

В рамках общей модели механизмов для повышения их эффективности участники также могут менять содержание ситуации действий, которая в ИАР определяется как комплекс параметров реализуемой СД; характер отношений между участниками (например, переход к иерархии ради снижения информационных затрат); свойства среды (например, создание сигнальной системы рыночного типа); структуру СД (например, деление СД на части с более эффективными механизмами).

На основе полученных результатов представлена предварительная концепция общей модели механизмов совместной деятельности. Модель позволяет анализировать пути совершенствования систем

коллективных действий, например, в результате реализации механизмов на базе цифровых платформ [Шевчук 2023]. Модель позволяет исследовать возможности повышения эффективности механизмов СД и, следовательно, роста производительности труда в экономике в связи с внедрением технологий искусственного интеллекта [Acemoglu 2025] в механизмы. Концепция общей модели механизмов способна стать новым инструментом для исследования многих социальных явлений и процессов, которые связаны с регулируемыми структурами. Например, исследование власти как политического, экономического и социального регулирующего механизма, чьи свойства определяются характером распределения ресурсов и благ, а также могут порождать конфликты интересов.

Свойства совместной деятельности

Рассмотрим фундаментальные свойства СД, которые позволяют определить общие свойства регулирующих механизмов и понятие их эффективности. Эти свойства представляют собой микрооснования (см.: [Тамбовцев 2012]) совместной деятельности, которые приводят к феномену возникновения механизмов СД. Для описания общего контекста этого анализа будем использовать некоторые концепции ИАР.

Принципы институционального дизайна в ИАР описывают ряд общих условий, необходимых для возникновения успешных и устойчивых управляющих структур, и механизмов для определённых видов СД. Эти условия предполагают, что ограниченно рациональные индивиды должны выполнять определённые регулирующие действия. Объектом регулирующих действий является совместная деятельность индивидов.

В рамках ИАР этот процесс описывается как поведение индивидов в ситуациях действия (*action situations*), которые определяются как «социальное пространство, где участники с различными предпочтениями взаимодействуют, обмениваются товарами и услугами, решают проблемы, доминируют друг над другом или сражаются» [Ostrom 2005: 14]. В таких ситуациях у индивидов могут возникать основания для СД, которые учитывают репутацию друг друга и предполагают доверие. Ситуации действия также определяют общее содержание совместной деятельности, которая, в свою очередь, служит для участников способом получения выгоды и связана с определёнными затратами.

В ИАР также используется понятие «арена действий» (*action arena*), предполагающее пространство, в рамках которого индивиды осуществляют совместную деятельность, вытекающую из определённой ситуации действия, и получают от этого результаты (выгоду). Согласно ИАР, арену действий образуют множество индивидов, множество ситуаций действия, доступные ресурсы, существующие условия, а также институты, регулирующие поведение индивидов в этих ситуациях. Примерами арены действий могут быть совместная деятельность в семье, в местном сообществе, в советах различного уровня, в фирмах, на рынках и т. п. Также ареной действий может быть взаимодействие между различными аренами [Ostrom 2005: 13]. В общем случае арена действий представляет собой общую для индивидов среду, в которой они реализуют совместную деятельность. Характеристики этой среды определяют фактические результаты совместной деятельности, реализующей возможности, создаваемые ситуациями действия.

Таким образом, параметры ситуации действия определяют представление индивидов о возможностях для СД, а параметры среды (арены действий) определяют результаты фактической реализации СД.

Совместная деятельность и выгода

В литературе встречается следующее определение: «Совместная деятельность — это расширенный набор поведенческих реакций, осуществляемых группой людей, которые координируют свои действия друг с другом» (цит. по: [Klein et al. 2005: 5]). Условиями её возникновения авторы называют наличие

у агентов общих намерений и возможности для коммуникации [Cohen, Levesque, Smith 1997], а также взаимозависимость их работы [Klein et al. 2005: 5].

Основываясь на этих представлениях, уточним важные для настоящего исследования детали. Индивиды, потенциальные участники совместной деятельности, могут проявлять оппортунистическое поведение в сочетании с ограниченно рациональными и гетерогенными предпочтениями, способностями, с различным доступом к информации и т. д. В общем модель человека соответствует предпосылкам Новой институциональной экономики. В следующих разделах некоторые свойства участников СД уточняются и детализируются.

Определим совместную деятельность как деятельность индивидов в общей среде, при которой они рассчитывают получить больше взаимной выгоды, чем от индивидуальных действий. Такая совместность позволяет достичь как выгоду от разделения труда, так и выгоду от улучшенного согласования действий между участниками разделения труда. Очевидный пример выгоды от согласования — вынужденно совместная деятельность, при которой участники не могут исключить друг друга из пользования ограниченными ресурсами, что ухудшает положение каждого. Например, использование общих рыбных запасов: рыбаки не могут исключить друг друга, но каждый уменьшает общий ресурс [Ostrom 2005: 248]. Чем лучше согласование между рыбаками объёмов и правил вылавливания рыбы, тем выше выгода каждого от рационального использования рыбных запасов и поддержания их устойчивости.

Таким образом, в данном исследовании рассматриваются только виды СД, (а) направленные на получение участниками выгоды; (б) дающие больше выгоды при более полном учёте факторов, информация о которых может быть распределена между участниками [Hayek 1945], а также может меняться случайным образом. Под эти характеристики подпадает широкий спектр социально-экономической деятельности — как экономической, так и неэкономической — на рынках, в иерархиях, семьях, спорте, органах власти и др. [Ostrom 2005: 5].

Выгода от СД может быть выражена в денежной и неденежной формах. В данном исследовании выгода трактуется в духе Парето как относительное понятие — сравнение нескольких наборов благ, являющихся результатом деятельности. Предполагается, что индивиды способны оценить, какой набор результатов для них предпочтительнее.

Выгода зависит от полноты учёта важных для СД факторов. Однако сила связи между полнотой учёта информации и величиной выгоды может быть разной. В экономической деятельности такая связь обычно сильна, поскольку данная деятельность, как правило, создаёт жизненно необходимые ресурсы. Необходимость поддержания жизнедеятельности в среде со случайными изменениями формирует сильную мотивацию участников к повышению выгоды, в том числе за счёт более полного учёта важной информации. В частности, участники ищут наиболее результативное сочетание своих навыков и ресурсов для получения максимальной выгоды. В неэкономической деятельности зависимость может быть слабее. Например, в хобби-сообществах (нумизматика и др.) учёт распределённой информации не имеет приоритетного значения, так как для участников может быть важнее сам факт принадлежности к сообществу.

Чем сильнее связь между выгодой и учётом значимых факторов, тем большее значение приобретают способы сбора, обработки информации и принятия решений, а также величина связанных с этим затрат. В дальнейшем рассматривается социально-экономическая СД, в которой присутствуют сильные связи между этими характеристиками.

Регулярные непредсказуемые изменения требуют от участников такой СД постоянного учёта изменений в условиях СД, что создаёт у них постоянную мотивацию к совершенствованию средств учёта.

Предполагается, что характер случайных изменений близок к их реальной природе, то есть изменения возможны в состоянии всех объектов, которые рассматриваются в данном исследовании, включая регулярность и интенсивность самих изменений. При таких условиях в состояниях индивидов, в параметрах СД, в ситуациях действий и на аренах действий присутствует некоторая неопределённость. Участники СД пытаются уменьшить эту неопределённость доступными им средствами, которые описываются в следующих разделах.

Структура совместной деятельности

В составе совместной деятельности с отмеченными свойствами можно выделить две компоненты:

- основная деятельность, направленная на получение выгоды с использованием навыков, ресурсов и инвестиций, которые можно определить как «технологию»;
- регулирующая деятельность, обеспечивающая снижение общей неопределённости по отношению к основной деятельности, в том числе через учёт намерений всех участников и иных факторов ради оптимизации основной деятельности.

Свойства основной деятельности достаточно хорошо описаны микроэкономической теорией. Рассмотрим свойства регулирующей деятельности.

Для выполнения регулирующей деятельности применяются различные приспособления, состоящие из общих правил и практических навыков [Ostrom 2005], а также способов обмена и обработки информации [Ostrom 2005; Hurwicz, Reiter 2006], которые далее будем называть ИТ в широком смысле.

Правила и навыки в данном контексте обладают свойствами «мётиса». Это понятие ввёл Джеймс Скотт для обозначения «знания, которое можно получить только из практического опыта о человеческих взаимодействиях, которые требуют постоянного приспособления к поступкам, ценностям, желаниям или жестам других» [Скотт 2005: 353]. Поскольку объектом применения правил и навыков для регулирующей деятельности являются отношения между людьми, допущение, что их природа в определённой части является метисом, позволяет подчеркнуть «роль взаимности социального действия в создании социального порядка» [Скотт 2005: 24]. В контексте данного исследования взаимность социального действия лежит в основе создания и использования регулирующих структур и механизмов. Остром также отмечает, что с правилами и навыками связаны процессы обучения, адаптации и эволюции, результатом чего является использование некоторых общих принципов проектирования устойчивых институтов [Ostrom 2005: 31].

ИТ в широком понимании как тип приспособлений включает (а) средства коммуникации и обмена информацией; (b) инструменты анализа информации, в том числе ИИ; (c) имитационные модели для оценки выгод и затрат; (d) средства выбора наилучшего содержания деятельности; (e) средства согласования индивидуальных действий и т. п.

Как было отмечено, средством реализации основной деятельности является технология. Тогда совокупность средств и приспособлений для регулирующей деятельности будем называть механизмом. Как метафора механизм в данном случае уместен, поскольку регулирующие приспособления позволяют преобразовать индивидуальные усилия в согласованные действия.

Участники СД через регулирующую деятельность приводят в действие механизм, позволяющий им определить оптимальное содержание основной деятельности. В ИАР это представлено следующим

образом: «После полного анализа ситуации люди выбирают действия в соответствии с имеющимися у них ресурсами, которые максимизируют ожидаемую чистую материальную выгоду, учитывая поведение других» [Ostrom 2005: 101].

Механизмы, как они понимаются в этом исследовании, возникают всякий раз, когда необходимо получение выгоды от СД — как в малых группах с непосредственными переговорами, так и в крупных, где решения принимаются либо делегированием полномочий (например, в иерархиях и госструктурах), либо методом проб и ошибок, как вальрасовское нащупывание на рынках [Hurwicz, Reiter 2006]. Во всех случаях регулирующая компонента СД приводит в действие механизм, определяющий содержание основной деятельности, а она, реализуемая с помощью технологии, даёт участникам выгоду.

Затраты механизма и выгода от совместной деятельности

Затраты на использование механизма имеют природу трансакционных издержек, так как включают расходы на поиск информации, проведение измерений, оценку и контроль, переговоры и принятие решений, юридическую защиту (в том числе исполнение контрактов), а также издержки, связанные с оппортунистическим поведением, и проч. [Coase 1998; Уильямсон 1996]. Рассмотрим основания для сравнения величины затрат механизма и размера выгоды от СД. Отметим, что также существует ещё одна компонента затрат, связанная с созданием и (или) сменой механизмов. Для упрощения эта компонента затрат не учитывается в данной работе.

Представим затраты механизма как время², потраченное участниками СД на реализацию функций механизма. Предположим, что другие виды затрат механизма (ресурсы, инвестиции и т. п.) также можно свести к затратам времени, которые потребовались для создания этих видов затрат в прошлом. Ресурс времени участников, который они могут в заданный отрезок времени (например, день) тратить на все виды деятельности, ограничен. Если часть этого ограниченного ресурса потрачена на работу механизма, то оставшуюся часть участники могут тратить на получение выгоды. Как правило, затраты на работу механизма нельзя исключить, поскольку без механизма участники не могут согласовать содержание их СД для получения выгоды. Таким образом, величина выгоды участников СД в первом приближении является функцией их общего временного ресурса за вычетом затрат механизма³. Предположим, что эту функцию можно определить формально. Тогда затраты и выгода выражаются в одинаковых единицах измерения как соответствующие доли в общем ограниченном ресурсе времени участников, что позволяет формальный анализ их соотношения.

Функциональная связь между ростом затрат механизма, связанных с повышением полноты учёта, и ростом выгоды является нелинейной. Повышение полноты учёта распределённой между участниками информации [Наук 1945] и других важных для СД факторов, с одной стороны, повышает вероятность получения от СД большей выгоды, а с другой, приводит к росту затрат механизма. Прирост затрат на повышение полноты учёта начинает превышать вызываемый этим прирост выгоды, когда участники исчерпали существующие соответствующие возможности.

В этих условиях участники ищут оптимальное распределение своего ограниченного ресурса времени между затратами на работу механизма и на получение выгоды от СД. Распределение, при котором возможности увеличения выгоды и роста затрат сбалансированы, можно рассматривать как точку равновесия. Теоретически это равновесие существует, поскольку источник роста как затрат, так и выгоды—

² Здесь и далее для упрощения анализа предполагаем, что изменение усилий пропорционально изменениям затрат времени, то есть для оценки затрат достаточно учитывать только расход времени.

³ В общем случае функция выгоды должна также включать в качестве переменных технологию, характеристики общей среды и др.

это один и тот же ограниченный ресурс времени индивидов. При отсутствии случайных изменений в условиях СД это равновесие может быть достигнуто и оставаться устойчивым.

Дальнейший анализ вопросов равновесия, включая исследование связей с классическими представлениями о равновесии спроса и предложения, а также с другими положениями теории экономического равновесия, выходит за рамки данной статьи.

Эффективность механизмов совместной деятельности

В данном исследовании эффективность механизмов определена как соотношение между размером затрат участников СД, связанных с реализацией универсальных функций механизма, и величиной выгоды, получаемой от СД, регулируемой данным механизмом. Эффективность максимальна в точке равновесия величин затрат и выгоды. Однако конкретные значения точки равновесия зависят как от способа реализации универсальных функций механизма, так и от характера СД и текущих условий для ее реализации. Поскольку это оптимальное соотношение должно быть справедливым для множества участников СД, механизмы должны обладать Парето-эффективностью.

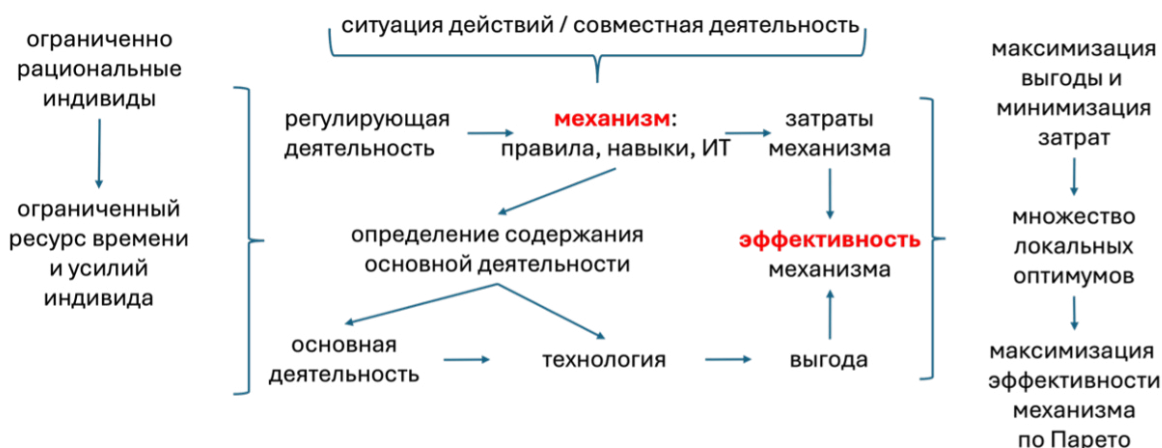

Рис. 1. Положение механизма в структуре совместной деятельности

На рисунке 1 представлена схема взаимосвязей понятий, описывающих структуру и свойства СД, включая положение механизма в этой структуре и логику формирования его эффективности.

Поиск оптимального соотношения между затратами времени на регулируемую и основную деятельность может быть реализован как поиск набора приспособлений, состоящих из правил, навыков и ИТ, формирующих конструкцию механизма с максимальной эффективностью. Диаграмма связей (см. рис. 1) демонстрирует, что эффективность механизма определяется двумя процессами: сначала выполняется поиск оптимальной конструкции механизма, а затем на его основе определяется оптимальное содержание СД. Максимизация эффективности механизма в такой двухэтапной процедуре представляет собой комбинаторную задачу. Для её решения необходимо определить комбинаторные конфигурации характеристик участников и других факторов, которые для заданной СД обеспечат наибольшую выгоду при минимальных затратах. Эта задача может иметь множество локально оптимальных решений.

По этому поводу Элинор Остром замечает: «Число комбинаций конкретных правил, используемых для создания ситуаций действия, намного больше, чем любой набор, который аналитики могли бы когда-либо проанализировать даже с помощью компьютеров космической эры» [Ostrom 2005: 31]. Однако на практике ограниченно рациональные индивиды систематически решают подобные задачи удовлетворительным образом. Это даёт основание полагать, что методы агентного имитационного моделирования

ния и использование эвристик [Ostrom 2005: 35; Паринов 2024] могут дать хорошие результаты при решении комбинаторных задач поиска эффективных механизмов СД. (Дальнейшее обсуждение этой темы выходит за рамки настоящей статьи.)

Резюмируем: из анализа свойств СД вытекает, что задача построения механизма представляет собой определение его конструкции, которая состоит из правил, навыков и ИТ и при заданных условиях обеспечивает механизму максимальную Парето-эффективность. В сравнении с теорией транзакционных издержек (ТТИ), описывающей выбор механизма как задачу минимизации транзакционных затрат [Coase 1998; Уильямсон 1996], в предложенной постановке подобный выбор определяется значением эффективности механизма. В следующих разделах показано, что при таком подходе задача выбора механизма в ТТИ как дихотомия между рынком и фирмой обобщается в задачу построения гибридных механизмов на основе множества конструктивных элементов.

Абстрактный механизм совместной деятельности и его функции

Для практического решения задачи построения механизмов СД необходимо в первую очередь определить перечень функции, которыми механизм должен обладать.

В данном исследовании выдвигается гипотеза о том, что в процессе функционирования механизмов реализуется один и тот же набор универсальных функций независимо от различий в СД. Этот набор универсальных функций предлагается рассматривать как абстрактный механизм СД. Фактически наблюдаемое в экономике и обществе разнообразие форм управляющих структур и механизмов обусловлено различными способами практической реализации универсальных функций абстрактного механизма. Отметим, что значимость этих функций для конкретных механизмов может различаться в зависимости от характеристик СД и условий её реализации.

Идея абстрактного механизма заключается в формировании теоретической модели, выступающей в качестве схемы или шаблона для построения реальных механизмов. В этом случае абстрактный механизм представляет собой теоретическую конструкцию, которая становится наблюдаемой лишь в процессе практической реализации его функций с использованием различных конструктивных элементов, рассматриваемых ниже, в разделе «Реализация функций абстрактного механизма: конструктивные элементы».

Исходя из свойств СД, абстрактный механизм имеет функции, позволяющие участникам определять содержание своей индивидуальной деятельности. При этом содержание СД должно (насколько это возможно при ограниченной рациональности индивидов) учитывать возможности и намерения всех участников, а также иные значимые для СД факторы. Очевидно, что такие функции соответствуют распространённому пониманию процессов координации. Поскольку как содержание СД, так и сам процесс координации подвержены различным непредсказуемым изменениям, механизм должен обладать функциями адаптации параметров СД к этим изменениям. Такая адаптация, выполняемая с целью обеспечения устойчивого получения выгоды, предполагает не только изменение содержания индивидуальной деятельности участников (то есть возможность перекоординации), но и изменение конструкции самого механизма. Этот дополнительный по отношению к координации функциональный блок соответствует общепринятому пониманию процесса управления.

Исходя из этого предположим, что абстрактный механизм осуществляет координацию и управление СД через реализацию определённых функций. В разделении функций на координацию и управление есть связь с разделением транзакционных издержек на *ex ante*⁴ и *ex post*⁵. Первые возникают до со-

⁴ До события (лат.).

⁵ После события (лат.).

вершения трансакции и связаны со сбором информации и поиском взаимоприемлемых решений, что соответствует затратам на координацию. Вторые возникают в процессе трансакций как затраты на мониторинг, на обеспечение выполнения принятых решений и другие функции управления [Olivier 2021].

Принципы институционального дизайна ИАР [Ostrom 2005: 259], один из вариантов описания которых представлен на русском языке (см.: [Тамбовцев 2021: 61–62]), позволяют определить на микроаналитическом уровне состав функций абстрактного механизма, реализующих процессы координации и управления для участников СД.

Функции координации

Третий принцип из восьми принципов институционального дизайна ИАР напрямую относится к функциям координации; см.: «3. Механизмы коллективного выбора» [Ostrom 2005: 259].

Указанная здесь необходимость организации процессов коллективного выбора и принятия решений является одной из ключевых составляющих координации. Подробности её реализации изложены в ИАР через модель индивида, включающую следующие компоненты [Ostrom 2005: 103]:

- способ, которым участники получают, обрабатывают, представляют, сохраняют и используют информацию;
- оценка, которую участники присваивают действиям и результатам;
- процессы (максимизация, удовлетворение или использование разнообразных эвристик), которые участники используют для выбора конкретных действий или стратегий с учётом своих ресурсов.

Эти три компоненты представляют последовательность этапов обработки информации, необходимых для осуществления координации. Для реализации координации механизм должен предоставлять участникам возможности и средства учёта значимых для СД факторов, включая распределённую между ними информацию. Это требует от участников усилий по сбору и обработке информации, необходимой для принятия решений. Далее эта информация анализируется, что предполагает проигрывание возможных сценариев взаимодействия (например, в виде мысленной имитации). В ходе таких имитаций участники оценивают предполагаемую выгоду от различных вариантов совместной деятельности, а также связанные с ними затраты, включая затраты механизма. На основании полученных оценок участники могут (например, перебором и (или) с использованием эвристик) выбирать предпочтительное содержание совместной деятельности и согласовывать окончательные решения о составе своей индивидуальной деятельности.

Исходя из этого, минимально необходимый набор функций механизма для реализации процедуры определения содержания деятельности участников и их координации включает следующее:

- *учёт* индивидуальных возможностей, намерений и текущей деятельности участников;
- *выбор* оптимальных вариантов совместной деятельности на основе ожидаемых выгод и затрат;
- *согласование* выбранного варианта с целью достижения скоординированности индивидуальных действий.

Данный перечень функций предлагается рассматривать как первоначальный и минимально необходимый для осуществления координации. Он может быть дополнен и (или) детализирован в рамках дальнейших исследований.

Функции управления

В самом общем виде функции управления в составе механизма обеспечивают поддержание устойчивости получения выгоды от СД, несмотря на поток непредсказуемых и разнообразных изменений условий её осуществления. Похожий смысл имеют принципы дизайна ИАР, представленные под номерами 4, 5 и 6 [Ostrom 2005: 259]:

- «4. Мониторинг. Наблюдатели, которые активно проверяют биофизические условия и поведение пользователей, по крайней мере, частично подотчётны пользователям и/или являются самими пользователями»;
- «5. Градуированные санкции. Пользователи, которые нарушают действующие правила, скорее всего, получают поэтапные санкции (в зависимости от серьёзности и контекста нарушения) от других пользователей, от должностных лиц, подотчётных этим пользователям, или от обеих сторон»;
- «6. Механизмы разрешения конфликтов. Пользователи и их должностные лица имеют быстрый доступ к недорогим локальным аренам для разрешения конфликтов между пользователями или между пользователями и официальными лицами».

Перечисленные принципы дизайна определяют условия для устойчивой реализации решений, принимаемых участниками относительно содержания их совместной деятельности. Из этих принципов, очевидно, вытекают соответствующие функции механизма СД. Однако, чтобы логически состыковать эти функции с функциями координации, необходимо в явном виде добавить ещё один принцип (то есть функцию) — фиксацию ответственности участников за выполнение согласованного содержания деятельности.

Примем, что первой функцией управления в составе механизма является фиксация ответственности участников (например, в форме контрактов) за выполнение согласованных решений. Второй функцией выступает мониторинг выполнения СД и изменений условий её реализации, как указано в пункте 4 принципов дизайна ИАР. Функция мониторинга создаёт в механизме СД эффект обратной связи: она позволяет участникам выявлять и анализировать расхождения между ожидаемыми и фактическими результатами совместной деятельности. При наличии зафиксированной ответственности мониторинг создаёт условия для воздействия на возможных виновников выявленных отклонений. Третья функция управления объединяет положения принципов 5 и 6 и заключается в реализации мер, направленных на поддержание устойчивости получения выгоды от СД на основе результатов мониторинга.

Исходя из этого, минимально необходимый набор функций механизма для реализации процедуры управления включает следующее:

- *ответственность*: закрепление обязанностей участников и реализация согласованной совместной деятельности;
- *мониторинг*: наблюдение за реализацией совместной деятельности и выявление нарушений;

— *устойчивость*: адаптация СД и (или) её механизмов с целью поддержания устойчивости получения выгоды, включая следующие основные способы:

- устранение источников нарушений, если это возможно (например, исключение отдельных участников из СД);
- если устранение невозможно или слишком затратно, перекоординация деятельности с учётом изменившихся условий;
- если перекоординация не даёт желаемого результата, изменение самого механизма для его адаптации к произошедшим изменениям.

Набор функций управления в составе абстрактного механизма, как и функции координации, может быть дополнен и (или) детализирован в рамках дальнейших исследований.

Абстрактный механизм совместной деятельности

Функции координации и управления абстрактного механизма обеспечивают адаптацию параметров СД к происходящим изменениям. В общем случае это включает различные способы поддержания устойчивого получения выгоды. Помимо изменения содержания СД, возможны изменения состава участников и характера их отношений, свойств среды, в которой реализуется СД, а также совершенствование конструкции самого механизма. Эти аспекты рассматриваются в разделе «Принципы оптимизации во- площённых механизмов».

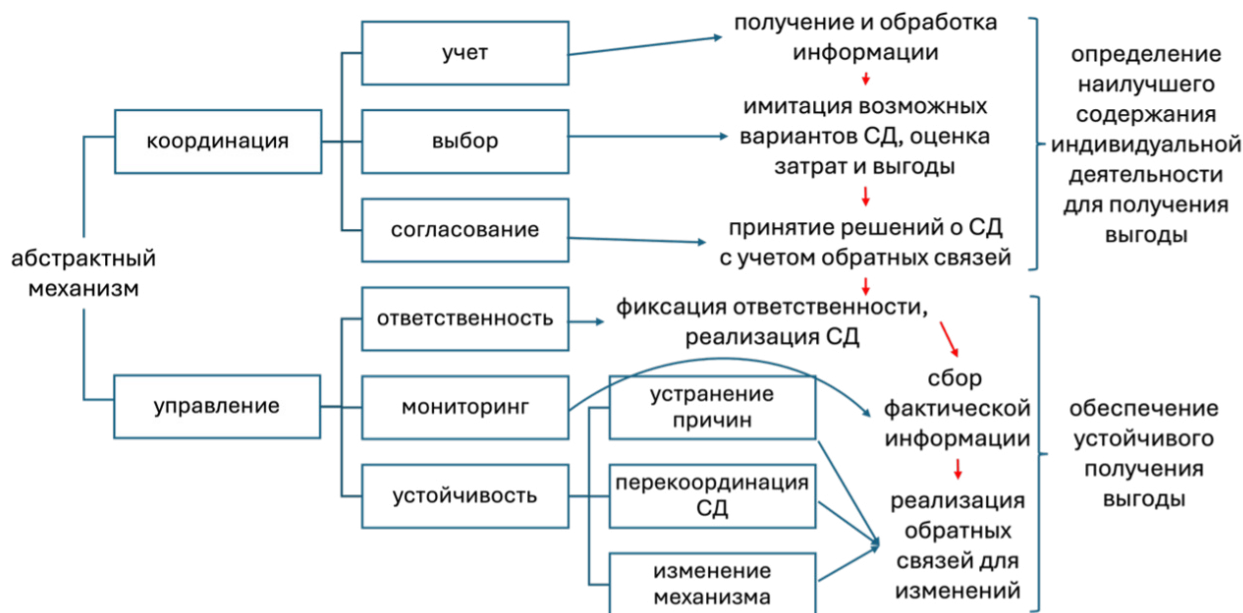

Рис. 2. Структура функций абстрактного механизма совместной деятельности (СД)

На рисунке 2 представлена структура функций абстрактного механизма, в которой показана логическая взаимосвязь между результатами реализации отдельных функций. Последовательная реализация этих функций формирует цепочку операций, обеспечивающих способность механизма определять для каждого участника наилучшее возможное индивидуальное содержание его СД, при этом взаимно учитывая возможности и намерения других участников. Кроме того, механизм обеспечивает устойчивое получение выгоды даже в условиях потока непредсказуемых изменений (при условии, что эти изменения не являются критическими).

Выделенные универсальные функции согласуются с современными подходами к институциональному проектированию в сложных социальных системах, где важны механизмы коллективного выбора, мониторинга и адаптации. Предложенный в данной работе набор из шести функций можно рассматривать как детализацию описанного в литературе состава адаптивных управляющих структур: снабжение информацией, разрешение конфликтов, обеспечение выполнения правил и готовность к переменам [Dietz, Ostrom, Stern 2003]. Также подобные механизмы анализируются, например, в контексте устойчивого управления водными ресурсами [Olivier 2021]. Всё это подтверждает применимость предложенных универсальных функций абстрактного механизма к регулированию разнообразных видов СД.

Реализация функций абстрактного механизма: конструктивные элементы

Рассмотрим процесс практической реализации функций абстрактного механизма как создание различных приспособлений, допускающих многократное повторное использование. Эти приспособления могут рассматриваться как множество конструктивных элементов (КЭ) для построения механизмов СД. Конструктивные элементы с различными реализациями всех функций абстрактного механизма образуют множество выбора, из которого участники подбирают такие элементы, которые обеспечивают максимальную эффективность механизма для заданной СД. Такой подход, по сути, соответствует идее ИАР о существовании универсальных строительных блоков, используемых для создания «структурированных ситуаций» в различных формах социального взаимодействия [Ostrom 2005: 5]. Отличие заключается в том, что в предлагаемом подходе универсальными являются сами функции абстрактного механизма. Строительные блоки, или КЭ, в этом случае представляют собой способы практической реализации этих функций. Форма и содержание КЭ определяются различными факторами и зависят от используемых приспособлений.

Обычно используемые для создания механизмов общие правила, навыки и ИТ определяют рамки возможного разнообразия реализаций отдельных функций механизма в форме КЭ. Однако это не исключает разнообразия содержания этих трёх типов компонент в рамках одного КЭ, а также разнообразия их возможных сочетаний в составе КЭ. В данном исследовании выдвигается гипотеза, согласно которой каждая из описанных выше, в разделе «Абстрактный механизм совместной деятельности и его функции», шести функций механизма может реализовываться различными способами неограниченное число раз. Для упрощения предположим, что каждый КЭ — как определённая комбинация правил, навыков и ИТ — предназначен для выполнения только одной из функций механизма в приложении к заданной СД и существующим условиям.

Рассмотрим в общем возможные способы использования трёх типов компонент — правил, навыков и ИТ — в составе КЭ для построения механизмов.

Компоненте «правила» посвящено большое количество исследований, в частности, в рамках Новой институциональной экономики, результаты которых могут быть полезны. Например, разработанные в ИАР синтаксис и грамматика институтов [Ostrom 2005] могут упростить настройку этой компоненты в составе КЭ. Эти результаты ИАР дают систематизированные представления о нормах, правилах и стратегиях [Lara 2015]. «С онтологической точки зрения грамматика институтов, построенная вокруг теории действия, обеспечивает способ представления “глубинной структуры” общества» [Lara 2015: 577].

Вторая составляющая КЭ — навыки — в данном контексте непосредственно связана с продуктивным использованием как правил, так и ИТ. О связи навыков с правилами Скотт пишет: «Знание того, как и когда применять практические правила в конкретной ситуации, составляет суть метиса. Очень существенны тонкости применения этих правил, потому что метис наиболее ценен в контекстах, которые изменчивы, неопределённые и имеют частный характер» [Скотт 2005: 355]. Как показывает исследо-

вание Скотта, природа навыков сложна: не все из них могут быть сформированы через теоретическое обучение. «Навыки метиса могут использовать и общепринятые правила, но приобретаются только через практику (часто в рамках ученичества) и развитое чувство стратегии. Метис сопротивляется упрощению в дедуктивные принципы, которые можно успешно передать через обучение по книгам, потому что контексты его применения слишком сложны и уникальны, а формальные процедуры рационального принятия решений оказываются невозможными» [Скотт 2005: 354]. Отсюда следует, что настройка компоненты «навыки» в составе КЭ для получения требуемого результата может быть затруднена. Однако, как будет показано далее, расширение применения ИТ и связанное с этим углубление формализации и алгоритмизации правил и навыков в процессе цифрового взаимодействия участников СД позволяет уменьшить влияние метиса на процессы СД в экономике и обществе.

Третья составляющая КЭ — ИТ — обеспечивает выполнение функций механизма за счёт организации обмена информацией между участниками СД, учёта значимых факторов, а также за счёт обработки данных и поддержки принятия решений о содержании деятельности. Кроме того, цифровизация коммуникаций и взаимодействий участников на базе ИТ позволяет частично заменить традиционные правила и навыки компьютерными алгоритмами, необходимыми для полноценной реализации КЭ. В рамках КЭ могут применяться современные телекоммуникационные средства, вычислительные мощности, технологии обработки данных, включая методы искусственного интеллекта.

В целях упрощения в данном разделе рассматриваются варианты создания КЭ на основе одного из видов ИТ — средств коммуникации между участниками СД. Данный выбор неслучаен: коммуникации выступают в качестве первичного условия социальной организации, а возникающие формы социально-экономических отношений являются следствием существующих возможностей для коммуникаций и определяются в том числе используемыми людьми режимами коммуникаций.

Способы координации и управления, составляющие основное функциональное содержание механизма, очевидным образом зависят от характеристик информационного обмена между участниками СД. Остром, в частности, отмечает, что тип коммуникации обычно предполагается как данность в ситуации действия [Ostrom 2005: 52]. Для более точного описания роли коммуникаций в СД примем, что информационный обмен определяется естественными режимами коммуникации между участниками, которые даны человеку от природы: (а) «живое» общение; (б) опосредованный обмен информацией; (с) использование результатов прошлых коммуникаций.

Режимы коммуникации задают определённые способы реализации функций механизма. Их описание позволяет сформировать начальное множество КЭ, которое может быть уточнено и дополнено новыми КЭ, отражающими другие аспекты функционирования абстрактного механизма. Для упрощения такие возможности в рамках данного раздела не рассматриваются.

Режимы коммуникаций

Исходя из наиболее общих представлений об индивидах и среде их совместной деятельности, примем, что между ними могут существовать следующие режимы коммуникаций:

- *прямые коммуникации*, то есть «живое» общение между участниками по типу «все со всеми», предполагающее интенсивный обмен информацией, ведение переговоров и достижение договорённостей;
- *косвенные коммуникации*, опосредованные изменениями в общей среде. Участники совместной деятельности (а) вносят изменения в общую среду (например, оставляют метки); (б) от-

слеживают изменения в среде, в том числе действия других участников; (с) на основе этой информации принимают решения о содержании своей деятельности. Формально это также тип «все со всеми», однако согласование действий здесь осуществляется методом проб и ошибок. Примером таких коммуникаций служит рыночная деятельность: покупая товар, потребитель косвенно сообщает всем продавцам о своих предпочтениях, что отражается в изменении цен и, в конечном счёте, ведёт к уравниванию спроса и предложения;

- *без коммуникаций*, то есть отсутствие текущих коммуникаций. В этом режиме участники опираются на заранее сформированные общие правила, нормы поведения, культурные установки и опыт, полученные в результате предшествующих коммуникаций (прямых и (или) косвенных). Координация действий возникает за счёт индивидуального выбора, сделанного каждым участником на основе общих установок и при предположении, что другие действуют аналогичным образом. Это также коммуникации типа «все со всеми», но в вырожденной форме. Отсутствие текущих коммуникаций означает, что они не требуются для принятия решений в данный момент времени, хотя допускается параллельное использование других режимов коммуникаций по другим поводам.

Перечисленные три режима являются отражением природных способностей людей, что придаёт этим режимам базовый, фундаментальный характер. Способы технологической реализации и использования этих режимов коммуникаций могут иметь сложную организацию и высокое разнообразие. Люди способны применять перечисленные режимы как в комбинации, так и по отдельности. Возможность использования тех или иных режимов может быть ограничена техническими условиями или выбором самих участников, например, в целях экономии ресурсов. Режимы коммуникаций различаются по уровню затрат времени и усилий, а также по эффективности в разных условиях.

Свойства используемых людьми режимов коммуникаций, которые вытекают из описаний выше, прямо влияют на характер социальных отношений. В частности, разные режимы по-разному влияют на формирование доверия, репутации, на методы принуждения, на значение неформальных норм, социального капитала и общих ценностей [Wallis, Rizvi 2023]. Анализ этих вопросов выходит за рамки данного исследования. Для наших целей наиболее важны следующие свойства режимов коммуникации: (а) предоставляемые ими возможности участникам для коллективного принятия решений; а также (б) «сила обратной связи», которой потенциально обладает каждый режим. Под силой обратной связи здесь понимается значение, обратно пропорциональное величине затрат, необходимых для изменения содержания СД в ответ на изменяющиеся условия. Сила обратных связей одного режима коммуникаций выше, чем у другого, если при прочих равных условиях первый режим требует от участников СД меньше затрат на учёт изменений в целях устойчивого получения выгоды от СД, чем второй.

При прямых коммуникациях участники обладают максимальными возможностями для совместного принятия решений; сила обратной связи максимальна, позволяя эффективно адаптировать деятельность.

При косвенных коммуникациях обратные связи слабее, чем в предыдущем случае, поскольку они реализуются через изменения и наблюдения в общей среде; присутствует ограниченная коллективность принятия решений, достигаемая методом проб и ошибок.

При отсутствии текущих коммуникаций присутствует вырожденная коллективность принятия решений, которая возникает в результате следования участниками общим правилам; обратные связи отсутствуют, но могут быть частично компенсированы участником-регулятором, обладающим функциями мониторинга и возможностью прямого или косвенного взаимодействия с другими участниками.

Таким образом, по мере перехода от прямых коммуникаций к косвенным и далее к режиму без текущих коммуникаций сила обратной связи снижается. Это можно рассматривать как уменьшение роли ИТ-компоненты в обеспечении функционирования соответствующего КЭ. В таких условиях полноценная реализация функций механизма требует усиления значения других его компонентов — правил и навыков. Чем слабее обратная связь, тем большую значимость приобретают правила и навыки. При прямых коммуникациях основную роль играют ИТ, а роль правил и навыков минимальна, так как участники могут заменять правила и навыки коллективным обсуждением и согласованием. При косвенных коммуникациях правила и навыки компенсируют ограниченный информационный обмен. При отсутствии текущих коммуникаций правила и навыки становятся основой функционирования механизма.

Начальное множество конструктивных элементов

Рассмотрим в общем виде реализацию функций координации и управления абстрактного механизма при трёх основных режимах коммуникаций — прямых, косвенных и при отсутствии текущих коммуникаций (более подробный анализ можно посмотреть в разделе 1 внешних дополнительных материалов; см. приложение). Варианты реализации шести функций в рамках трёх режимов образуют множество КЭ, которые перечислены в таблице 1.

Таблица 1

Конструктивные элементы механизмов совместной деятельности, связанные с режимами коммуникаций

Функции механизма	Прямые коммуникации	Косвенные коммуникации	Без коммуникаций
<i>Координация</i>			
1. Учёт	1.1. Прямой обмен информацией	1.2. Наблюдение	1.3. На основе правил
2. Выбор	2.1. Переговоры	2.2. На основе предположений	2.3. На основе правил
3. Согласование	3.1. Договорённости	3.2. Метод проб и ошибок с обратной связью от других участников	3.3. Метод проб и ошибок без обратной связи от других участников
<i>Управление</i>			
4. Ответственность	4.1. Коллективная	4.2. Индивидуальная с обратной связью.	4.3. На основе правил. Обратная связь возможна от регулятора
5. Мониторинг	5.1. Коллективный	5.2. Наблюдение и регулятор	5.3. Наблюдение и регулятор
6. Устойчивость	6.1. Коллективное под- держание	6.2. Поддержание индиви- дуально и регулятором	6.3. Индивидуально и действие регулятора

Приведённые в таблице 1 КЭ имеют концептуальный характер и не претендуют на полное и точное описание всех возможных реализаций функций абстрактного механизма. Их названия отражают характер регулирующей деятельности участников при выполнении соответствующих функций. При этом в состав КЭ неявно входят компоненты, связанные с определёнными правилами, навыками, а также иные ИТ-компоненты (например, механизмы обработки информации), не рассматриваемые в данном разделе. Подробное определение всех компонентов КЭ возможно, но выходит за рамки данной статьи.

В целях упрощения анализа примем, что свойства КЭ определяются свойствами соответствующих режимов коммуникаций. Таким образом, свойства механизма, определяемые свойствами некоторого набора КЭ, являются производными от свойств, используемых в данных КЭ режимов коммуникаций.

Будем называть любой набор КЭ, реализующий все необходимые функции абстрактного механизма, воплощённым механизмом. Воплощённые механизмы — это реально наблюдаемые сущности, в отличие от абстрактного механизма. Они могут иметь каноническую или гибридную форму.

Канонический механизм состоит из КЭ, основанных на одном и том же режиме коммуникаций (все элементы из одного столбца таблицы 1). Пример: КЭ с номерами 1.1–6.1 образуют воплощённый механизм, полностью основанный на прямых коммуникациях.

Гибридный механизм может включать КЭ из разных столбцов таблицы 1, то есть сочетать элементы, реализующие разные режимы коммуникаций.

Свойства механизмов канонического вида

Свойства механизмов канонического вида определяются свойствами набора КЭ, приведённого в таблице 1, в столбце с соответствующим режимом коммуникаций. Как было отмечено выше, разные режимы коммуникаций дают участникам СД различную степень коллективности принятия решений и силу обратной связи. Рассмотрим влияние этих характеристик на способы получения выгоды от СД в канонических механизмах при разных режимах коммуникаций. Ограничим анализ тремя источниками повышения выгоды:

- повышение полноты учёта, включая поиск наилучших сочетаний возможностей участников;
- повышение выгоды за счёт снижения затрат, включая затраты механизма;
- повышение выгоды за счёт увеличения количества участников, которое возможно в результате углубления их специализации и развития разделения труда.

Поскольку величина выгоды связана с величиной затрат, уточним, как затраты механизма связаны с режимами коммуникаций. В упрощённом виде затраты механизма могут быть представлены как количество и (или) сложность информации, которую необходимо обработать участникам для определения содержания своей деятельности. Такая интерпретация имеет смысл, поскольку увеличение количества информации или её сложности может приводить к увеличению времени на описанную выше, в разделе «Свойства совместной деятельности», регулирующую деятельность, необходимую участникам для определения содержания своей индивидуальной деятельности.

Для участников совместной деятельности время, потраченное на регулирующую деятельность, является затратами, которые уменьшают их ограниченный ресурс времени для получения выгоды от основной деятельности. Однако более высокие затраты в некоторых случаях могут генерировать и более высокую выгоду. Увеличение количества участников совместной деятельности, с одной стороны, ведёт к росту затрат механизма, поскольку каждый участник в системе коммуникаций «все со всеми» существенно увеличивает количество информации, которая должна быть обработана всеми участниками. С другой стороны, рост количества участников также повышает вероятность получения большей выгоды каждым участником за счёт углубления специализации и развития разделения труда между ними. Подробнее эта зависимость рассматривается далее.

Свойства механизмов на прямых коммуникациях

Прямые коммуникации позволяют реализовать функции абстрактного механизма с высокой степенью коллективности принятия решений и с максимально возможной силой обратных связей. В результате

этого участники СД способны получать и поддерживать в потоке случайных изменений необходимую полноту учёта важных для СД факторов, что повышает вероятность получения от СД максимальной выгоды.

Затраты такого механизма в существенной степени создаются процессами сбора и обработки информации, которую генерирует каждый участник, а также процессами согласования решений относительно содержания СД каждого участника. Увеличение количества участников ведёт к резкому росту затрат механизма, поскольку при прямых коммуникациях «все со всеми» при добавлении нового участника значительно возрастают общие объёмы обрабатываемой информации. Если количество участников растёт, но не превосходит некоторый предел, соответствующий рост затрат ведёт к повышению полноты учёта и, как следствие, к росту вероятности получения большей выгоды. Увеличение количества участников сверх некоторого порога создаёт ситуацию, когда рост затрат механизма не покрывается ростом выгоды от СД.

Главный источник роста выгоды для подобных механизмов — повышение полноты учёта важных факторов. Канонический механизм на прямых коммуникациях — это лучший способ повышения полноты учёта и получения максимально возможной выгоды от СД, но этот способ эффективен только для ограниченного количества участников процесса согласования содержания СД. Данный вывод подтверждается, например, эмпирическим исследованием совместной деятельности, связанной с ирригацией в Непале [Ostrom 1990], а также исследованиями инновационных сетей и научно-технологических консорциумов [Powell, Koput, Smith-Doerr 1996; Provan, Kenis 2008].

Свойства механизмов на косвенных коммуникациях

При косвенных коммуникациях реализация функций абстрактного механизма, включая взаимный учёт возможностей друг друга, происходит на основе наблюдений и методом проб и ошибок. Обратная связь реализуется в виде индивидуальных реакций на наблюдения за изменениями в общей среде. Коллективность принятия решений в этом случае возникает в результате подбора или нащупывания участниками содержания своей индивидуальной деятельности, результаты которой будут наиболее востребованы другими участниками.

Затраты на коммуникации, включая наблюдения и обработку полученной таким образом информации, а также на нащупывание участниками наиболее востребованного содержания их деятельности, слабо изменяются при увеличении общего количества участников СД. Однако рост количества участников даёт возможность углубления специализации участников и развития разделения труда, что ведёт к росту вероятности получения большей выгоды.

Главный источник роста выгоды для механизмов на косвенных коммуникациях — увеличение количества участников и связанное с этим углубление специализации и развитие разделения труда. Канонические механизмы этого вида являются способом получения дополнительной выгоды от увеличения количества участников СД.

Свойства механизмов без текущих коммуникаций

Без текущих коммуникаций реализация функций абстрактного механизма возможна через использование участниками заданных правил. Общие правила позволяют участникам определять в некоторой степени согласованное содержание своей деятельности. Коллективность в принятии решений участниками и определённая согласованность их деятельности создаётся принятием индивидуальных решений на основе предположения, что все остальные участники определяют содержание своей деятельности

аналогично, то есть на основе этих же правил. При отсутствии коммуникаций отсутствуют и обратные связи в их обычном понимании. Однако участники и без обратных связей между собой могут в рамках общих правил использовать метод проб и ошибок для нащупывания наиболее результативного содержания своей деятельности. Кроме этого, для обеспечения полноценных обратных связей участники могут включать в СД регулятора, который будет выполнять мониторинг действий участников и влиять на их деятельность через прямые или косвенные коммуникации.

Затраты на коммуникации в прямом виде отсутствуют, а затраты на обратные связи могут быть связаны с обеспечением работы регулятора, который в том числе выявляет случаи оппортунистического поведения. Рост количества участников почти не влияет на величину затрат механизма и выгоды от СД. В случаях, когда СД состоит в использовании ограниченных общественных ресурсов, рост количества участников может снижать выгоду каждого.

Главный источник роста выгоды для механизмов без текущих коммуникаций при прочих равных условиях — возможность снижать уровень затрат на работу механизма. Размер выгоды также зависит от эффективности правил, выполняющих роль алгоритма коллективных действий участников СД без текущих коммуникаций. Канонические механизмы этого вида являются лучшим способом снижения затрат механизма, поскольку рост количества участников практически не увеличивает затраты механизма. Этот вывод соответствует результатам эмпирических исследований Э. Остром, из которых следует, что грамотные институциональные правила и местные нормы поддерживают с низкими затратами взаимодействие участников СД без постоянных прямых и (или) косвенных коммуникаций [Ostrom 1990].

Реальные примеры механизмов канонического вида

Рассмотрим, какие существуют признаки того, что канонические воплощённые механизмы реально существуют в наблюдаемом разнообразии управляющих структур. Для этого проанализируем соответствие между описанными выше тремя видами канонических механизмов и наиболее часто упоминаемыми в литературе четырьмя типами управляющих структур (сетевая структура; иерархическая организация; рынок; правила или институты в роли управляющих структур). Реальные управляющие структуры бывают гибридами [Ménard 2004], поэтому анализируется лишь частичное присутствие канонических механизмов в реальных. В качестве такого частичного признака можно анализировать, какой режим коммуникаций обычно используется в соответствующей реальной структуре для реализации функции «согласование» абстрактного механизма. Эта функция приводит участников к принятию решения о содержании их СД, поэтому является ключевой и достаточно хорошо наблюдаемой (подробнее описание анализа приведено в разделе 2 внешних дополнительных материалов, см. приложение):

- *сетевая структура*. Основной чертой является коллективное обсуждение и принятие решений в процессе прямых коммуникаций и живого обмена информацией [Granovetter 1983; Powell 1990; Provan, Kenis 2008; Смородинская 2015]. Это позволяет отнести сетевые структуры к представителям канонических механизмов на прямых коммуникациях;
- *иерархическая организация*. Основная чертой является наличие между участниками отношений «исполнитель — руководитель». При этом главный способ принятия решений — прямые коммуникации, но в ограниченном виде [Malone, Crowston 1994; Weigand, Poll, Moor 2003; Власова, Молокова 2019]. Иерархические организации являются представителями канонических механизмов на прямых коммуникациях, но с модифицированными (по сравнению с сетевой структурой) отношениями между участниками СД. Цель модификации — снижение затрат на обработку информации. Для этого участники-исполнители делегировали права на определение содержания своей деятельности участникам-руководителям. Такое снижение затрат

механизма позволяет использовать механизмы на прямых коммуникациях для существенно большего количества участников, чем сетевые структуры, и получать дополнительную выгоду за счёт углубления специализации и развития разделения труда;

- *рынок*. Основная черта — использование косвенных коммуникаций для принятия решений о содержании деятельности индивидуальными участниками [Williamson 1975; Powell 1990]. Координация происходит методом проб и ошибок, получившим название «вальрасовское нащупывание» [Hurwicz, Reiter 2006]. В этой части рынок является представителем канонического механизма на косвенных коммуникациях;
- *правила или институты* в роли регулирующих структур. Основная черта — принятие решения о содержании деятельности участниками на основе установленных правил [North 1995; Coase 1998; Williamson 2000; Ostrom 2005]. Данные регулирующие структуры являются представителями канонического механизма на основе правил, что в ряде случаев позволяет участникам экономить на затратах на текущие коммуникации.

Можно с некоторой условностью перенести описанные выше свойства канонических механизмов на реально наблюдаемые управляющие структуры и механизмы. Тогда сетевые структуры представляют собой средство для максимально полного учёта важных для совместной деятельности факторов, что повышает вероятность получения максимальной выгоды от совместной деятельности [Ostrom 1990; Powell, Koput, Smith-Doerr 1996; Provan, Kenis 2008]. Структуры типа «правила и институты» являются средством минимизации текущих затрат на использование механизма [Ostrom 1990]. Следовательно, частичное или временное использование структур типа «сети» и «правила» в составе гибридных механизмов может быть средством повышения выгоды от СД и снижения затрат механизмов, то есть средством повышения эффективности этих механизмов.

Принципы оптимизации воплощённых механизмов

По ряду причин воплощённые механизмы канонического вида в «чистом» виде встречаются редко. Одна из таких причин заключается в том, что в большом количестве случаев СД представляет собой относительно независимые и разнородные по характеру операции. Например, экономическая деятельность состоит из операций «производство», «распределение», «обмен» и «потребление», которые различаются по характеру деятельности. В общем случае неоднородность операций СД может не только означать различия в характере этих операций, но и возникать случайно в силу изменений в условиях для СД и поэтому иметь временный характер.

В условиях неоднородности операций СД существующее у участников стремление использовать механизмы с максимальной для текущих условий эффективностью способно приводить к использованию КЭ на основе разных режимов коммуникаций для разных операций, поэтому механизмы СД становятся гибридными. Также причиной гибридизации механизмов являются изменения текущих условий для СД. В таких случаях часть конструктивных элементов механизмов может требовать замены на такие, которые лучше соответствуют условиям в текущий момент времени для текущих операций СД. Для поддержания эффективности механизма при регулярных изменениях в условиях для СД может требоваться динамическое изменение набора КЭ.

Рассмотрим общие принципы оптимизации конструкции механизма для СД с разными характеристиками, если оптимальность понимается как достижение и поддержание максимальной эффективности механизма для динамически меняющихся условий его использования.

Неоднородность операций совместной деятельности и гибридные механизмы

Рассмотрим следующие виды операций, которые, если они встречаются в рамках одной СД, создают её неоднородность с точки зрения требований к эффективному механизму:

- операции, в которых размер выгоды зависит от регулярности и оперативности пересогласования содержания СД. Необходимость регулярных пересогласований может создаваться как специфическим характером СД, так и регулярными случайными изменениями в условиях для СД. Примером является создание инновационных продуктов, что требует перебора вариантов СД и различных способов участия исполнителей в ней. Как отмечалось выше, для операций СД с подобными свойствами лучше всего подходят механизмы, использующие КЭ на прямых коммуникациях, такие как сетевые структуры и в некоторых случаях иерархические организации;
- операции, в которых размер выгоды положительно зависит от количества участников СД. Примером является большое количество видов экономической деятельности, где дополнительная выгода возникает при росте количества участников за счёт углубления их специализации и развития системы разделения труда между ними. Для таких операций лучшими являются механизмы из КЭ на косвенных коммуникациях, такие как рынок, а также иерархические организации на модифицированных прямых коммуникациях;
- повторяющиеся (например, рутинные) операции, выполняемые в статичных условиях. Выгода от подобных операций не зависит или слабо зависит от наличия коммуникаций между участниками. Примером являются операции СД, в которых участники действуют по заданным правилам. Наилучший механизм для таких операций использует КЭ, не требующие коммуникаций, то есть общие правила или институты в роли регулирующих структур.

Если СД состоит из операций, которые неоднородны в описанном выше смысле, то наиболее эффективна конструкция механизма, в которой для каждой неоднородной операции используются наиболее подходящие КЭ. В этом случае для СД в целом её механизм будет иметь наилучшее соотношение затрат и выгод. Стремление участников иметь наиболее эффективный механизм для СД с неоднородными операциями приводит к использованию в работе механизма разных режимов коммуникаций. Это превращает механизмы в гибридные. Такой механизм должен содержать процедуру, которая при переходе участников от одной операции СД к другой регулирует использование участниками наиболее подходящих КЭ. Данная процедура переключает регулирующую деятельность участников на использование лучших в текущих условиях КЭ и наиболее подходящий режим коммуникаций. При наличии подобной процедуры и при отсутствии случайных изменений участники методом последовательных улучшений могут сформировать устойчиво оптимальную для неоднородной СД гибридную конструкцию механизма.

Если в условиях для СД происходят случайные изменения характера отдельных операций, то описанные выше принципы формирования гибридных механизмов превращаются в задачу динамической оптимизации структуры КЭ. В ответ на изменения, требующие учёта, в конструкции механизма замена одних КЭ на другие должна происходить динамически. Цель изменений в составе КЭ — динамическое поддержание наилучшей возможной эффективности механизма.

Реальный эффект от использования такого алгоритма гибридизации в целях адаптации текущей конструкции механизма к изменениям зависит от величины затрат участников на соответствующее динамическое изменение конструкции механизма. Очевидно, что если эти затраты высоки, то такая

динамическая оптимизация не оправдана. Развитие ИТ и цифровизация процессов, происходящих в механизмах, могут упрощать изменение конструкции механизмов и снижать соответствующие затраты. Это открывает перспективу общего повышения эффективности разных видов СД в динамически меняющемся современном мире.

Модификация ситуации действий

Повышение эффективности механизма также возможно за счёт изменения ситуации действия [Ostrom 2005: 14; Остром 2009: 104–105], в рамках которой возникает СД. Рассмотрим варианты модификаций в ситуациях действий:

- в отношениях между участниками СД;
- в свойствах общей среды;
- в структуре самой СД.

Модификация отношений

Модификация структуры отношений между участниками совместной деятельности способна приводить к повышению эффективности механизма. Например, если рост количества участников приводит к превышению порога, при котором механизмы типа «сетевая структура» теряют эффективность, то замена сетевых равноправных отношений между участниками на иерархические может дать повышение эффективности механизмов. Использование иерархической организации позволяет предотвратить снижение эффективности механизмов в этом случае, поскольку часть участников-исполнителей делегируют участникам-менеджерам права на определение содержания своей деятельности. Такая структура отношений между участниками совместной деятельности снижает общий объём потоков информации и, соответственно, снижает затраты механизма.

В определённом смысле обратный пример модификации структуры отношений связан с правилами и институтами. В отношении между участниками на основе заданных правил могут добавляться иерархические, или сетевые отношения. Например, рыбаки как участники вынужденной совместной деятельности (см. раздел «Свойства совместной деятельности») при снижении в водоёме запасов рыбы могут переходить на иерархическую, или сетевую, структуру отношений между собой, которая позволяет им пересмотреть используемые способы согласования деятельности и повысить эффективность механизма их совместной деятельности.

Модификация общей среды

Снижение затрат механизма и повышение таким образом его эффективности возможно также путём модификации общей среды, в которой участники осуществляют свою совместную деятельность. Например, участники, использующие механизм на основе косвенных коммуникаций, создают сигнальную систему, подобную рыночной, снижающую их затраты на процесс сбора и обработки информации об изменениях в общей среде, а также упрощающую определение содержания их деятельности на основе рыночных индикаторов. В этом качестве сигнальная система может быть реализована как ИТ в составе определённых КЭ. Аналогично может быть повышена эффективность механизмов типа «правила и институты». Для примера с рыбаками из раздела «Свойства совместной деятельности» модификация общей среды может означать создание более точной системы мониторинга запасов рыбы и алгоритмов изменения используемых участниками правил вылова.

Модификация структуры совместной деятельности

Модификация структуры видов СД также может быть способом снижения затрат механизма и повышения его эффективности. Например, если при увеличении количества участников СД происходит снижение эффективности механизма, то возможно разделение этой СД на относительно самостоятельные части. Каждая из частей получает собственный механизм с меньшими затратами. Для согласования между собой результатов отдельных частей деятельности требуется механизм более высокого уровня. В результате подобных модификаций структуры СД и соответствующих им механизмов формируется многоуровневая структура вложенных механизмов, которые совместно регулируют множество отдельных видов социально-экономической деятельности [Ostrom 2005: 6].

Контурь общей модели механизмов совместной деятельности

В качестве первого шага к формированию концептуальной модели механизмов СД рассмотрим общее описание основных элементов задачи оптимизации конструкции механизмов. На рисунке 3 представлены введенные ранее основные понятия и их взаимосвязи, описывающие в общем виде задачу конструирования воплощённых механизмов.

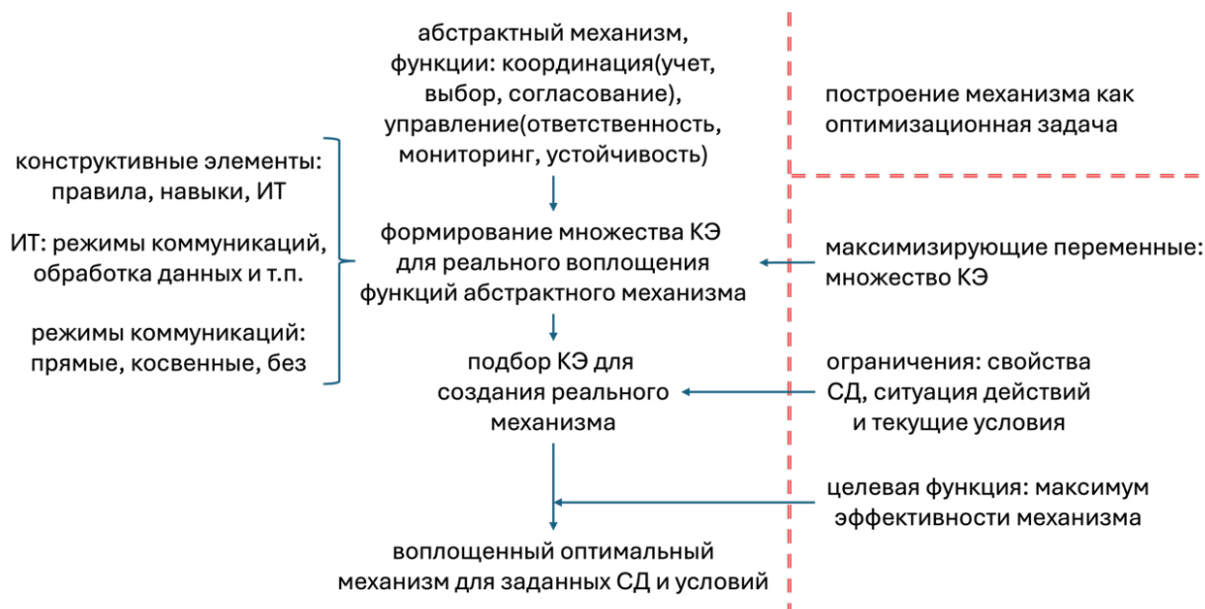

Рис. 3. Схема создания воплощённых механизмов совместной деятельности (СД)

Формирование оптимальной конструкции воплощённого механизма представляет собой задачу выбора наиболее эффективной комбинации КЭ для заданной совместной деятельности. Целевая функция этой задачи оптимизации — максимизация эффективности механизма, определяемая как максимальное по Парето соотношение между затратами механизма и выгодой от СД. Максимизирующими переменными является множество КЭ для реализации функций абстрактного механизма. Условия и ограничения этой задачи оптимизации задаются характеристиками совместной деятельности и текущими параметрами среды, в которой деятельность реализуется. Динамический характер этой задаче оптимизации создают: (а) возникающие с определённой регулярностью непредсказуемые изменения; (б) меняющиеся во времени условия для получения выгоды от совместной деятельности; (с) ограниченная рациональность участников, проявляющаяся в использовании приемлемых, а не оптимальных решений [Simon 1978].

Следствием ограниченной рациональности участников в сочетании с регулярными случайными изменениями является возможное наличие в текущей конструкции механизмов определённых резервов для

повышения их эффективности. Эти резервы могут мотивировать участников к постоянному улучшению конструкции механизмов, что, в свою очередь, превращает процесс улучшения механизмов и их адаптации к изменениям в динамический.

На рисунке 4 представлена схема основных элементов общей модели механизмов. Эта схема по сравнению со схемой на рисунке 3 содержит расширенный набор максимизирующих переменных (пронумерованы от 1 до 5 на рисунке 4). Схема на рисунке 4 представляет в упрощённом виде логику общей модели механизмов совместной деятельности. Ограниченно рациональные индивиды (номер 1 на рисунке 4) осуществляют СД, включая регулируемую и основную деятельность, в рамках некоторой арены действий. Состояние компонентов, образующих арену действий, влияет на результаты СД. Регулирующая деятельность с использованием механизма, состоящего из правил, навыков и ИТ, определяет наилучшее содержание основной деятельности. В результате этого возникают определённые затраты. Основная деятельность, содержание которой определено с помощью механизма, использует технологию для создания выгоды. Соотношение полученных величин выгоды и затрат определяет текущую эффективность механизма применительно к заданной СД и к текущим условиям.

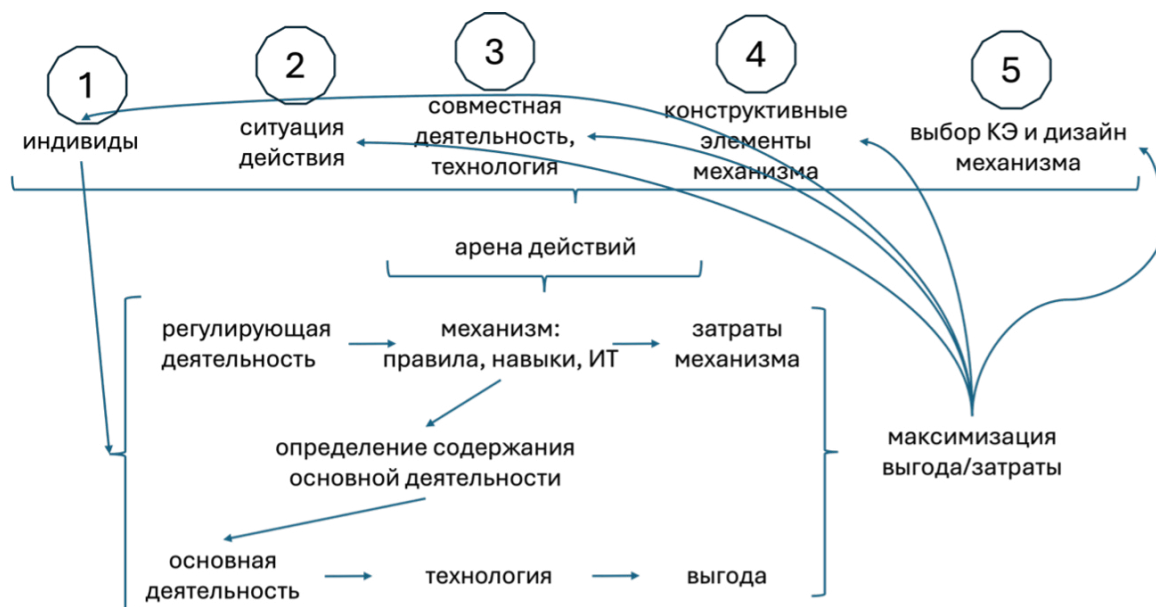

Рис. 4. Схема основных элементов общей модели механизмов совместной деятельности (СД)

Эффективность механизма как соотношение выгоды и затрат может максимизироваться способами, которые обозначены стрелками от элемента «максимизация выгода / затраты» на рисунке 4:

- в результате изменения отношений между индивидами (стрелка на 1). В разделе «**Модификация ситуации действий**» приведён пример повышения эффективности механизма заменой отношений сетевого типа на иерархическую организацию;
- через модификацию ситуации действий (стрелка на 2) или в результате изменения структуры СД (стрелка на 3). Примеры также приведены в разделе «**Модификация ситуации действий**»;
- созданием более совершенных КЭ (стрелка на 4). Это может быть сделано, например, на основе современных компьютерных мощностей и алгоритмов обработки данных;
- совершенствованием процедуры подбора наилучших КЭ, а также процедуры работы самого механизма (стрелка на 5).

Представленные на рисунке 4 способы повышения эффективности механизмов включают модификацию компонент арены действий. В этом случае можно предположить наличие отдельного механизма, регулирующего совместную деятельность индивидов по изменению арены действий. Очевидно, что механизм для регулирования арены действий должен иметь более высокий уровень, чем традиционные механизмы для основной СД. Следовательно, задача определения оптимальной конструкции традиционного механизма для основной совместной деятельности является частью более общей задачи оптимизации, в которую входит определение состава компонент арены действий. Инструментом решения такой общей задачи оптимизации может стать концепция метамеханизма. В литературе встречаются понятия, близкие по смыслу к метамеханизму. В ИАР [Ostrom 2005: 56–59], например, упоминаются метаконституционные ситуации (*metaconstitutional situations*), в которых участники определяют правила, регулирующие создание институтов. Для похожих ситуаций предлагается «метакоординационный взгляд» [Buchanan 2018: 5] и обсуждается концепция «механизма метакоординации» [Паринов 2023]. Более подробное рассмотрение темы метамеханизма выходит за рамки данной статьи.

Заключение

Результаты данной работы основаны на эмпирических исследованиях ИАР [Ostrom 2005] и частично подтверждаются обследованиями реальных социально-экономических систем [Ostrom 1990; Powell, Koput, Smith-Doerr 1996; Provan, Kenis 2008]. Однако в целом настоящее исследование имеет концептуальный характер. Направления дальнейшего развития данных исследований включают эмпирическую проверку:

- концепции эффективности механизмов и её использование для выбора конструкций механизмов;
- концепции режимов коммуникаций и влияния их свойств на свойства механизмов;
- концепции универсальных функций механизмов и их конструктивных элементов;
- концепции общей модели механизмов.

Предложенная в данном исследовании концепция общей модели механизмов может стать основой для развития некоторых положений теории транзакционных издержек (ТТИ). Например, описанная в ТТИ задача минимизации транзакционных затрат как выбор между рынком и фирмой может быть обобщена как задача максимизации Парето-эффективности механизмов, которая решается подбором конструктивных элементов, наилучшим образом соответствующих параметрам СД. Тезис ТТИ о том, что «адаптация является центральной проблемой экономической организации» [Williamson 2005: 8], в данном исследовании раскрывается концепцией динамической адаптации конструкций гибридных механизмов к происходящим изменениям. Также могут получить развитие некоторые из направлений развития ТТИ (см. подробнее: [Cuypers et al. 2021]), включая более «детальное описание поведенческих процессов, которые обрамляют управление транзакциями», а также анализ «технологических достижений, как искусственный интеллект и машинное обучение» [Cuypers et al. 2021: 4].

Общая модель механизмов может стать новым инструментом для исследования многих социальных явлений и процессов, связанных с регулирующими структурами. Например, для исследования власти как политического, экономического и социального регулирующего механизма, чьи свойства определяют характер распределения ресурсов и благ и могут порождать конфликты интересов. В том числе и для развития типологии стилей управления [Filgueiras, Palotti, Testa 2023], и как инструмент анализа способов перестройки управления организациями по мере роста количества участников [Costa, Luz, Wegner 2024]. Государство как инструмент власти и механизм регулирования совместной деятельно-

сти может быть рассмотрено как гибридный механизм, по отношению к которому могут быть исследованы возможности поддержания его эффективности во времени в потоке изменений.

Важный теоретический результат данного исследования — создание подхода для определения способов применения современных информационно-коммуникационных технологий и алгоритмов обработки информации, в том числе методов ИИ, в целях эффективной цифровизации функций механизмов совместной деятельности, включая процессы коммуникации между участниками, методы сбора и обработки информации, процессы поиска оптимальных решений и т.д.

Предложенная концепция общей модели механизмов позволяет выполнять анализ, в том числе с использованием компьютерных имитаций, вопросов повышения эффективности механизмов СД путём их цифровизации. Основой для этого могут служить разработанные для ИАР вычислительные модели [Montes, Osman, Sierra 2022]. Подобные исследования, в частности, вносят вклад в дискуссию о воздействии ИИ на экономику [Acemoglu 2025]. Исходя из общих соображений, повышение эффективности механизмов общего пользования (например, рынков или общественных институтов) может дать повышение производительности и ускорение экономического роста. Исследования в этом направлении позволяют рассмотреть вопросы, поставленные в работе Д. Аджемоглу [Acemoglu 2025], включая возможные новые задачи для ИИ, а также идеи приложений ИИ, способные позитивно изменить способы совместной деятельности людей.

Очевидным направлением дальнейших исследований является развитие текущей версии общей модели механизмов СД путём включения в неё концепции метамеханизма. Развитие в этом направлении предполагает математическую формализацию общей модели механизмов для проведения компьютерных исследований и экспериментов с процессами организации социально-экономической деятельности. Предварительный анализ показал, что предпочтительно использовать методы компьютерных экспериментов с имитационными агентными моделями, которые обладают необходимой гибкостью в модельном представлении меняющихся индивидуальных предпочтений, способов оценивания затрат механизмов и выгоды от совместной деятельности [Паринов 2024].

Приложение

Разделы 1 и 2 дополнительных внешних материалов, к которым даны отсылки в тексте статьи, доступны на гугл-диске по ссылке: https://drive.google.com/file/d/1ZkNU8uF9JTa_ZTk0HopySa-cYefvzzkD/view

Литература

- Власова Н. Ю., Молокова Е. Л. 2019. Механизмы координации стейкхолдеров рынка высшего образования: теоретические подходы к идентификации. *Управленец*. 10 (2): 21–30. doi: [10.29141/2218-5003-2019-10-2-3](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-2-3)
- Круглова М. С. 2018. Теория институционального дизайна: от поиска идеальных институтов к работам блумингтонской школы. *Terra economicus*. 16 (4): 17–28.
- Остром Э. 2009. Постановка задачи исследования институтов. *Экономическая политика*. 6: 89–110.
- Паринов С. И. 2023. Фундаментальный процесс социально-экономической координации и метакоординация. *Munich Personal RePEc Archive*. Электронный источник [код доступа]: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/118985/1/MPRA_paper_118985.pdf (дата обращения: 25 октября 2025 г.).

- Паринов С. И. 2024. Концепция экономического индивида с универсальным инструментом координации. *Цифровая экономика*. 3 (29): 72–87. doi: [10.34706/DE-2024-03-09](https://doi.org/10.34706/DE-2024-03-09)
- Плутник Д. А. 2010. Правила в общественном секторе в свете Нобелевской премии: вклад Элинора Остром в исследования коллективных действий. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 1: 53–68.
- Скотт Д. 2005. *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.
- Сморodinская Н. В. 2015. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН.
- Тамбовцев В. Л. 2012. Институциональные изменения: к проблеме микрооснований теории. *Общественные науки и современность*. 5: 140–150.
- Тамбовцев В. Л. 2021. Методологии новой институциональной экономической теории: все ли мы имеем в виду одно и то же? *Вопросы теоретической экономики*. 3: 52–74.
- Уильямсон О. 1996. *Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» трактовка*. СПб.: Лениздат; CEV Press.
- Шевчук А. В. 2023. Теоретизируя цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики. *Экономическая социология*. 24 (5): 11–53. Электронный ресурс [код доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2023/11/30/2108414563/ecsoc_t24_n5.pdf#page=11 (дата обращения: 25 октября 2025 г.).
- Acemoglu D. 2025. The Simple Macroeconomics of AI. *Economic Policy*. 40 (121): 13–58. Available at: <https://doi.org/10.1093/epolic/eiae042> (accessed 25 October 2025).
- Basshuysen P. van. 2021. How to Build an Institution. *Philosophy of the Social Sciences*. 51 (2): 215–238.
- Buchanan A. 2018. Institutional Legitimacy. *Oxford Studies in Political Philosophy*. 4: 53–78. Available at: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198813972.001.0001> (accessed 25 October 2025).
- Coase R. 1998. The New Institutional Economics. *American Economic Review*. 88 (2): 72–74.
- Cohen P. R., Levesque H. J., Smith I. A. 1997. On Team Formation. In: Holmstrom-Hintikka G., Tuomela R. (eds). *Contemporary Action Theory*. Vol. 2: *Social Action*. Dordrecht: Kluwer; 87–114.
- Costa C. C. B. da, Luz A. R. S., Wegner D. 2024. Are there Differences Between Governing and Managing Strategic Networks of Different Sizes and Ages? *Journal of Management & Organization*. 30 (6): 1809–1826. Available at: <https://doi.org/10.1017/jmo.2022.84> (accessed 25 October 2025).
- Ebers M., Oerlemans L. 2016. The Variety of Governance Structures Beyond Market and Hierarchy. *Journal of Management*. 42 (6): 1491–1529. Available at: <https://doi.org/10.1177/0149206313506938> (accessed 25 October 2025).
- Filgueiras F., Palotti P., Testa G. G. 2023. Complexing Governance Styles: Connecting Politics and Policy in Governance Theories. *SAGE Open*. 13 (1). Available at: <https://doi.org/10.1177/21582440231158521> (accessed 25 October 2025).

- Granovetter M. 1983. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. *Sociological Theory*. 1: 201–233.
- Cuyppers I. R. et al. 2021. Transaction Cost Theory: Past Progress, Current Challenges, and Suggestions for the Future. *Academy of Management Annals*. 15 (1): 111–150. Available at: https://ink.library.smu.edu.sg/cgi/viewcontent.cgi?article=7602&context=lkcsb_research (accessed 29 October 2025).
- Dietz T., Ostrom E., Stern P. C. 2003. The Struggle to Govern the Commons. *Science*. 302 (5652): 1907–1912. doi: [10.1126/science.1091015](https://doi.org/10.1126/science.1091015)
- Hayek F. A. V. 1945. The Use of Knowledge in Society. *The American Economic Review*. 35 (44): 518–530.
- Hurwicz L., Reiter S. 2006. *Designing Economic Mechanisms*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klein G. et al. 2005. Common Ground and Coordination in Joint Activity. *Organizational Simulation*. 53: 139–184.
- Lara A. 2015. Rationality and Complexity in the Work of Elinor Ostrom. *International Journal of the Commons*. 9 (2): 573–594.
- Malone T. W., Crowston K. 1994. The Interdisciplinary Study of Coordination. *ACM Computing Surveys*. 26 (1): 87–119.
- Makadok R., Coff R. 2009. Both Market and Hierarchy: An Incentive-System Theory of Hybrid Governance Forms. *Academy of Management Review*. 34 (2): 297–319.
- Matthews R. C. O. 1986. The Economics of Institutions and the Sources of Growth. *The Economic Journal*. 96 (384): 903–918. doi: [10.2307/2233164](https://doi.org/10.2307/2233164)
- Ménard C. 2004. The Economics of Hybrid Organizations. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 160: 1–32.
- Montes N., Osman N., Sierra C. 2022. A Computational Model of Ostrom’s Institutional Analysis and Development Framework. *Artificial Intelligence*. 311: art. 103756. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.artint.2022.103756> (accessed 25 October 2025).
- North D. C. 1995. The New Institutional Economics and Third World Development. In: Harriss J., Hunter J., Lewis C. M. (eds) *The New Institutional Economics and Third World Development*. London: Routledge; 17–26.
- Olivier T. 2021. Mechanism Design in Regional Arrangements for Water Governance. *International Journal of the Commons*. 15 (1): 354–367. doi: [10.5334/ijc.1123](https://doi.org/10.5334/ijc.1123)
- Ostrom E. 1990. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ostrom E. 2005. *Understanding Institutional Diversity*. Princeton: Princeton University Press.
- Ostrom E. 2010. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *American Economic Review*. 100 (3): 641–672.

- Powell W. W. 1990. Neither Market nor Hierarchy: Network Forms of Organization. *Research in Organizational Behavior*. 12: 295–336.
- Powell W. W., Koput K. W., Smith-Doerr L. 1996. Interorganizational Collaboration and the Locus of Innovation: Networks of Learning in Biotechnology. *Administrative Science Quarterly*. 41 (1): 116–145. doi: [10.2307/2393988](https://doi.org/10.2307/2393988)
- Provan K. G., Kenis P. 2008. Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness. *Journal of Public Administration Research and Theory*. 18 (2): 229–252.
- Simon H. A. 1978. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture. *American Economic Review*. 68 (2): 1–16.
- Weigand H., Poll F. van der, Moor A. de. 2003. *Coordination Through Communication*. Conference Paper. Proceedings of the 8th International Working Conference on the Language-Action Perspective on Communication Modelling (LAP 2003), Tilburg, The Netherlands, July 1–2. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228728361_Coordination_through_Communication (accessed 25 October 2025).
- Williamson O. E. 1975. *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications*. New York: Free Press.
- Williamson O. E. 2000. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*. 38 (3): 595–613
- Williamson O. E. 2005. The Economics of Governance. *American Economic Review*. 95 (2): 1–18.
- Wallis J., Rizvi S. 2023. A New Institutional Economic Perspective on Alternative Governance Mechanisms at the Local Government Level. *Journal of Interdisciplinary Economics*. 35 (1): 108–127.

BEYOND BORDERS

Sergey Parinov

Mechanisms of Socio-Economic Activity Based on the Principles of Institutional Design: The Search for a General Model

PARINOV, Sergey —
PhD, Chief researcher
of CEMI RAS. Address:
47 pr. Nakhimova,
117418, Moscow,
Russian Federation.

Email: sparinov@gmail.com

Abstract

The article proposes a concept of a general model of mechanisms for joint socio-economic activity based on the principles of institutional design developed within the Institutional Analysis and Development (IAD) framework. The initial thesis is the assumption of the existence of universal functions that implement the processes of coordination and governance/management in various types of mechanisms for regulating joint socio-economic activity. The set of the universal functions and the general structure of the abstract mechanism for joint activity are derived from the principles of institutional design of the IAD. The article considers a general

approach to the embodiment of six universal functions in the form of a set of design elements used to create real mechanisms. The initial set of design elements is formed on the basis of the methods for implementing these functions within the three main modes of communication — direct, indirect, and rule-based — between participants in joint activity. The properties of the embodied mechanisms are considered, including the manifestation of these properties in real regulatory structures such as “network”, “hierarchy”, “market,” and “rules/institutions”. The process of constructing embodied mechanisms for joint activity is interpreted as a task of choosing a combination of design elements that best suit the characteristics of a specific joint activity and environmental conditions. The principles of optimization of mechanisms for joint activity with heterogeneous operations are proposed, which leads to the possibility of hybridization of mechanisms. The main results of the study are presented in the form of a concept of a general model of joint activity mechanisms. The proposed approach can serve as a basis for the analysis of collective actions, research into the transformation of forms of social coordination and the potential impact of digital technologies, including AI, on the development of joint activity mechanisms. The model can be used in studies of cooperation, management of public resources, organizational design, and digitalization of socio-economic institutions.

Keywords: principles of institutional design; joint activity; abstract mechanism; mechanism efficiency; communication modes; design elements; general model.

Acknowledgements

This research was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant no. 075-15-2024-525.

References

Acemoglu D. (2025) The Simple Macroeconomics of AI. *Economic Policy*, vol. 40, no. 121, pp. 13–58, doi: [10.1093/epolic/eiae042](https://doi.org/10.1093/epolic/eiae042)

- Basshuysen P. van. (2021) How to Build an Institution. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 51, no 2, pp. 215–238.
- Buchanan A. (2018) Institutional Legitimacy. *Oxford Studies in Political Philosophy*, no 4, pp. 53–78. doi: [10.1093/oso/9780198813972.001.0001](https://doi.org/10.1093/oso/9780198813972.001.0001)
- Coase R. (1998) The New Institutional Economics. *American Economic Review*, vol. 88, no 2, pp. 72–74.
- Cohen P. R., Levesque H. J., Smith I. A. (1997) On Team Formation. *Synthese Library*, pp. 87–114. Contemporary Action Theory. Vol. 2: *Social Action* (eds. G. Holmstrom-Hintikka, R Tuomela), Dordrecht: Kluwer, pp. 87–114.
- Costa C. C. B. da, Luz A. R. S., Wegner D. (2024) Are there Differences Between Governing and Managing Strategic Networks of Different Sizes and Ages? *Journal of Management & Organization*, vol. 30, no 6, pp. 1809–1826. doi: [10.1017/jmo.2022.84](https://doi.org/10.1017/jmo.2022.84)
- Cuypers I. R., Hennart J. F., Silverman B. S., Ertug G. (2021) Transaction Cost Theory: Past Progress, Current Challenges, and Suggestions for the Future. *Academy of Management Annals*, vol. 15, no 1, pp. 111–150.
- Dietz T., Ostrom E., Stern P. C. (2003) The Struggle to Govern the Commons. *Science*, vol. 302, no 5652, pp. 1907–1912. doi: [10.1126/science.1091015](https://doi.org/10.1126/science.1091015)
- Ebers M., Oerlemans L. (2016) The Variety of Governance Structures Beyond Market and Hierarchy. *Journal of Management*, vol. 42, no 6, pp. 1491–1529. doi: [10.1177/0149206313506938](https://doi.org/10.1177/0149206313506938)
- Filgueiras F., Palotti P., Testa G. G. (2023) Complexing Governance Styles: Connecting Politics and Policy in Governance Theories. *SAGE Open*, vol. 13, no 1. doi:[10.1177/21582440231158521](https://doi.org/10.1177/21582440231158521)
- Granovetter M. (1983) The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. *Sociological Theory*, no 1, pp. 201–233.
- Hayek F. A. V. (1945) The Use of Knowledge in Society. *The American Economic Review*, vol. 35, no 44, pp. 518–530.
- Hurwicz L., Reiter S. (2006) *Designing Economic Mechanisms*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Klein G., Feltovich P. J., Bradshaw J. M., Woods D. D. (2005) Common Ground and Coordination in Joint Activity. *Organizational Simulation*, no 53, pp. 139–184.
- Kruglova M. S. (2018) Teoriya institutsionalnogo dizayna: ot poiska idealnykh institutov k rabotam blumingtonskoy shkoly [Institutional Design Theory: From the Search for Ideal Institutions to the Works of the Bloomington School]. *Terra economicus*, vol. 16, no 4, pp. 17–28 (in Russian).
- Lara A. (2015) Rationality and Complexity in the Work of Elinor Ostrom. *International Journal of the Commons*, vol. 9, no 2, pp. 573–594.
- Makadok R., Coff R. (2009) Both Market and Hierarchy: An Incentive-System Theory of Hybrid Governance Forms. *Academy of Management Review*, vol. 34, no 2, pp. 297–319.

- Malone T. W., Crowston K. (1994) The Interdisciplinary Study of Coordination. *ACM Computing Surveys*, vol. 26, no 1, pp. 87–119.
- Matthews R. C. O. (1986) The Economics of Institutions and the Sources of Growth. *The Economic Journal*, vol. 96, no 384, pp. 903–918. doi: [10.2307/2233164](https://doi.org/10.2307/2233164)
- Ménard C. (2004) The Economics of Hybrid Organizations. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, no 160, pp. 1–32.
- Montes N., Osman N., Sierra C. (2022) A Computational Model of Ostrom’s Institutional Analysis and Development framework. *Artificial Intelligence*, vol. 311, art. 103756. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.artint.2022.103756> (accessed 25 October 2025).
- North D. C. (1995) The New Institutional Economics and Third World Development. *The New Institutional Economics and Third World Development* (eds. J. Harriss, J. Hunter, C. M. Lewis), London: Routledge, pp. 17–26.
- Olivier T. (2021) Mechanism Design in Regional Arrangements for Water Governance. *International Journal of the Commons*, vol. 15, no 1, pp. 354–367. doi: [10.5334/ijc.1123](https://doi.org/10.5334/ijc.1123)
- Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Ostrom E. (2005) *Understanding Institutional Diversity*, Princeton: Princeton University Press.
- Ostrom E. (2009) Postanovka zadachi issledovaniya institutov [Statement of the Problem of Studying Institutions]. *Economic Policy = Ekonomicheskaya Politika*, no 6, pp. 89–110 (in Russian).
- Ostrom E. (2010) Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *American Economic Review*, vol. 100, no 3, pp. 641–672.
- Parinov S. I. (2023) Phundamentalnyy process sotsialno-ekonomicheskoy koordinatsii i metakoordinatsiya [The Fundamental Process of Socio-Economic Coordination and Meta-Coordination]. *Munich Personal RePEc Archive*. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/118985/1/MPRA_paper_118985.pdf (accessed 25 October 2025) (in Russian).
- Parinov S. I. (2024) Kontseptsiya ekonomicheskogo individa s universalnym instrumentom koordinatsii [The Concept of an Economic Individual with a Universal Instrument of Coordination]. *Digital Economy = Cifrovaya ekonomika*, vol. 3, no 29, pp. 72–87. doi: [10.34706/DE-2024-03-09](https://doi.org/10.34706/DE-2024-03-09) (in Russian).
- Plutnik D. A. (2010) Pravila v obshchestvennom sektore v svete Nobelevskoy premii: vklad Elinor Ostrom v issledovaniya kollektivnykh deystviy [Public Sector Rules in Light of the Nobel Prize: Elinor Ostrom’s Contribution to Collective Action Research]. *Public Administration Issues = Voprosy gosudarstvennogo i municipal’nogo upravleniya*, no 1, pp. 53–68 (in Russian).
- Powell W. W. (1990) Neither Market nor Hierarchy: Network Forms of Organization. *Research in Organizational Behavior*, no 12, pp. 295–336.

- Powell W. W., Koput K. W., Smith-Doerr L. (1996) Interorganizational Collaboration and the Locus of Innovation: Networks of Learning in Biotechnology. *Administrative Science Quarterly*, vol. 41, no 1, pp. 116–145. doi: [10.2307/2393988](https://doi.org/10.2307/2393988)
- Provan K. G., Kenis P. (2008) Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness. *Journal of Public Administration Research and Theory*, vol. 18, no 2, pp. 229–252.
- Scott J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], Moscow: Universitetskaya Kniga (in Russian).
- Shevchuk A. V. (2023) Teoretiziruya tsifrovye platforny: kontseptualnaya skhema dlya gig-ekonomiki [Theorizing Digital Platforms: A Conceptual Framework for the Gig Economy]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 5, pp. 11–53. doi: [10.17323/1726-3247-2023-5-11-53](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-11-53) (in Russian).
- Simon H. A. (1978) Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture. *American Economic Review*, vol. 68, no 2, pp. 1–16.
- Smorodinskaya N. V. (2015) *Globalizirovannaya ekonomika: ot ierarhij k setevomu ukladu* [Globalized Economy: From Hierarchies to a Networked Structure], Moscow: Institute of Economics RAN (in Russian).
- Tambovcev V. L. (2012) Institutsional'nye izmeneniya: k probleme mikroosnovaniy teorii [Institutional Change: Towards the Problem of Microfoundations of Theory]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 140–150 (in Russian).
- Tambovcev V. L. (2021) Metodologii novoy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii: vse li my imeem v vidu odno i to zhe? [Methodologies of New Institutional Economics: Are We All Meaning the Same Thing?]. *Issues of Economic Theory = Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no 3, pp. 52–74 (in Russian).
- Vlasova N. Yu., Molokova E. L. (2019) Mekhanizmy koordinatsii steykkholderov rynka vysshego obrazovaniya: teoreticheskie podkhody k identifikatsii [Mechanisms for Coordinating Stakeholders in the Higher Education Market: Theoretical Approaches to Identification]. *Upravlenec*, vol. 10, no 2, pp. 21–30. doi: [10.29141/2218-5003-2019-10-2-3](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-2-3) (in Russian).
- Wallis J., Rizvi S. (2023) A New Institutional Economic Perspective on Alternative Governance Mechanisms at the Local Government Level. *Journal of Interdisciplinary Economics*, vol. 35, no 1, pp. 108–127.
- Weigand H., Poll F. van der, Moor A. de (2003) *Coordination through Communication*. Conference Paper. Proceedings of the 8th International Working Conference on the Language-Action Perspective on Communication Modelling (LAP 2003), Tilburg, The Netherlands, July 1–2. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228728361_Coordination_through_Communication (accessed 25 October 2025).
- Williamson O. E. (1975) *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications*, New York: Free Press.
- Williamson O. E. (1996) *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, "otnoshencheskaya" kontraktatsiya* [Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, and Relational Contracting], St. Petersburg: Lenizdat; CEV Press (in Russian).

Williamson O. E. (2000) The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*, vol. 38, no 3, pp. 595–613.

Williamson O. E. (2005) The Economics of Governance. *American Economic Review*, vol. 95, no 2, pp. 1–18.

Received: April 9, 2025

Citation: Parinov S. (2025) Mekhanizmy sotsialno-ekonomicheskoy deyatel'nosti na osnove printsipov institutsionalnogo dizayna: poisk obshchey modeli [Mechanisms of Socio-Economic Activity Based on the Principles of Institutional Design: The Search for a General Model]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 5, pp. 53–86. doi: [10.17323/1726-3247-2025-5-53-86](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-5-53-86) (in Russian).

К. Н. Калашникова

(Вос)производство аутентичности пространства в гастрономическом ландшафте сибирских и дальневосточных городов¹

КАЛАШНИКОВА Ксения Николаевна — научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Адрес: 630090, Российская Федерация, Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17. Старший преподаватель Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Адрес: 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1.

Email:
k.kalashnikova@g.nsu.ru

Статья посвящена исследованию гастрономических ландшафтов сибирских и дальневосточных городов. В данном исследовании заведения общественного питания рассматриваются как важная часть культуры города, которая может подвергаться трансформации в связи с глобализацией и коммерциализацией локальных особенностей. Актуализируются вопросы сохранения местной уникальности, культурного разнообразия и противостоянии унификации гастрономического ландшафта.

Теоретический бэкграунд исследования опирается на концепции аутентичности, подчёркивающие её роль как культурного и маркетингового ресурса. Создавая — осознанно или нет — образ аутентичного пространства, владельцы ресторанов могут опираться либо на локальное культурное наследие, либо на глобальные тренды, воспроизводя уникальные местные особенности или формируя «не-места». При этом предполагается, что аутентичность пространства связана с конкретными культурными контекстами, имеющими пространственные коннотации. В качестве маркеров этих культурных контекстов рассмотрены обобщённые кулинарные традиции (кухни): локальная или региональная, русская, азиатская, американская, европейская, восточная, смешанная.

В качестве эмпирической базы выступили данные 2ГИС о 6747 заведениях в городах-центрах субъектов Сибирского федерального округа (СФО) и Дальневосточного федерального округа (ДВФО) (21 город). Методы анализа данных включали типологический анализ городов; также создана карта, иллюстрирующая типологию.

В результате выявлены различия между регионами: на Дальнем Востоке преобладают азиатская и локальная кухни, тогда как в Сибири — восточная и смешанная кухни. Выделены группы городов с преобладанием следующих видов кухни: азиатская, восточная, американская и русская, локальная кухни, смешанная. Для городов с преобладанием смешанной и восточной кухни характерна распространённость крупных сетей заведений. Описаны стратегии воспроизводства аутентичности через этнически маркированную локальную и (или) региональную кухню, характерные прежде всего для городов с преобладанием локальной кухни; в случае же городов других ти-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН, № НИОКТР 121040100280–1. Автор благодарен коллегам из отдела социальных проблем ИЭОПП СО РАН, особенно Н. Л. Мосиенко, а также анонимным рецензентам и редакции журнала «Экономическая социология» за ценные замечания и конструктивные рекомендации, способствовавшие улучшению текста.

пов выделяются предложение местных фермерских ингредиентов, использование модных локальных символов и городской топонимики.

Ключевые слова: аутентичность; гастрономический ландшафт; городское пространство; Сибирь; Дальний Восток; экономика впечатлений; рестораны.

Введение

Рестораны — значимая часть одного из направлений экономики — туризма, крупной и быстро растущей индустрии². В России сфера общественного питания демонстрирует рост по сравнению с экономикой в целом (в 2024 г. оборот общественного питания увеличился на 9%; рост ВВП составил 4,1%)³. Рынок отличается высокой конкуренцией, а гастрономические заведения выступают не только в качестве сферы удовлетворения базовых потребностей, но и как место общения, статусного потребления, досуга и выражения причастности к определённым стилям жизни. Рестораны — интересное поле с точки зрения экономической социологии питания, потому что являются частью культуры конкретного города, в них протекает повседневная жизнь, и в то же время они трансформируются под влиянием глобальных экономических трендов. Посетители ресторанов и кафе становятся более осведомлёнными и требовательными, их оценке в заведениях подвергаются не только вкусовые качества блюд, но и обслуживание и атмосфера. Это связано с культурным сдвигом от индустриализированного, массового потребления к более персонализированному опыту [Gerosa 2015]; с формированием экономики впечатлений.

Экономика впечатлений — это режим потребления, определяющий ценность товаров и услуг не их утилитарными свойствами, а эмоциональной, культурной и символической насыщенностью опыта, который они создают, формируя идентичность потребителя и его социальное положение в рамках культурных сообществ [Гилмор, Пайн 2009; Gerosa 2015]. Гастрономические заведения стремятся удовлетворить запрос на уникальность, предлагая редкие ингредиенты, впечатляющие интерьеры, подчёркивая заслуги шеф-поваров и оригинальность происхождения ингредиентов. При этом одни заведения воспроизводят локальные особенности, ингредиенты и обращаются к местным авторам, другие же, наоборот, стремятся включиться в глобальный контекст. В сибирских и дальневосточных городах соседствуют различные социальные категории: местные жители, туристы, временные рабочие, мигранты. Их запросы и представления о «настоящем» во многом определяют, какие именно заведения будут преобладать в гастрономическом ландшафте. В условиях экономики впечатлений аутентичность понимается нами как ценность, конструируемая с помощью различных инструментов. В данном исследовании рассмотрен инструмент обращения к различным пространственным контекстам, или референтная аутентичность, и поставлен следующий исследовательский вопрос: какие маркеры референтной аутентичности (вос)производятся в гастрономических ландшафтах сибирских и дальневосточных городов? Обозначены следующие задачи:

- выявить, как различаются гастрономические ландшафты Сибирского и Дальневосточного федеральных округов по представленности пространственных маркеров референтной аутентичности;

² См.: Кузнецов Д. 2024. Внутренний туризм в России растёт рекордными темпами. *Ведомости*. 24 декабря. Электронный ресурс [код доступа]: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyy_plan/articles/2024/12/23/1083305-vnutrennii-turizm-v-rossii-rastet-rekordnimi-tempami (дата обращения: 8 ноября 2025 г.).

³ См.: *О текущей ситуации в российской экономике*. Итоги 2024 года. Министерство экономического развития РФ. Электронный ресурс [код доступа]: https://www.economy.gov.ru/material/file/195754c7897bff1c50dc164890f91407/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_itogi_2024_goda.pdf (дата обращения: 8 ноября 2025 г.).

- описать типы городов по представленности в структуре гастрономических ландшафтов пространственных маркеров референтной аутентичности;
- оценить присутствие в различных типах городов сетевых и уникальных форматов заведений;
- описать способы воспроизводства референтной аутентичности.

Статья содержит обзор существующих концепций и исследований, в которых рассматриваются проблематика аутентичности и гастрономических ландшафтов; представлено описание информационной базы и её ограничений; приведена дифференциация сибирских и дальневосточных городов и рассмотрены способы воспроизводства аутентичности характерные для них.

Гастрономический ландшафт в городе: исследовательские подходы и концептуализация

Под гастрономическим ландшафтом в данном исследовании понимается часть социального пространства города, которая постоянно (вос)производится в смыслах и практиках, реализуемых в отношении заведений общественного питания. Их структура разнообразна: столовые соседствуют с ресторанами, бары — с кофейнями. Всё это играет важную роль в формировании городской среды, создавая «социальные и пространственные структуры повседневной жизни» [Стил 2014: 296]. Рутинная обеспеченных и мобильных горожан тесно связана с посещением таких заведений: утренний кофе в деловом центре, обед в кафе во время бизнес-ланча, вечерняя встреча с друзьями в баре. Заведения общественного питания как часть городского ландшафта рассматривались с точки зрения различных сюжетов, которые сложно однозначно разделить, так как термины, описывающие их, переплетаются и дополняют друг друга. Ниже рассмотрены три темы:

- характер связи гастрономического ландшафта города и идеи аутентичности;
- гастрономический ландшафт как поле диалога различных национальных культур [Пустарнакова 2007; Варшавер, Рочева 2014];
- роль гастрономического ландшафта в формировании образа города, в том числе предлагаемого для потребления туристам [Веселов, Чернов 2018; Радина, Крупная 2022].

Гастрономический ландшафт города и концепция аутентичности

Термин «аутентичность» широко используется как в науке, так и в СМИ. Журналисты видят в нём маркер привлекательного места, а учёные применяют его к разным дисциплинам. Историки и археологи трактуют аутентичность как объективную подлинность артефактов, подтверждаемую происхождением и культурной принадлежностью [Заславская 2014]. Архитекторы обсуждают, какие свойства объекта делают его аутентичным и как сохранить ощущение «настоящего» в реконструкциях [Wesener 2016; Weiler, Gutschow 2017; Zhang 2018]. Психологи связывают аутентичность с внутренней согласованностью личности [Джозеф 2017], а маркетологи — с конструированием образа бренда, вызывающего доверие [O'Neill, Houtman, Aupers 2014; Athwal, Harris 2018; Becker, Wiegand, Reinartz 2019]. В исследованиях туризма восприятие подлинных объектов и социальных практик рассматривается как альтернатива рутине и считается ключевой мотивацией путешествий [Brown 2013]. Однако часто туристы сталкиваются с постановочными сценами, почти лишёнными подлинной жизни [MacCannell 1973]; потребители же ценят не историческую достоверность, а способность объекта создавать нужное впечатление.

Исследования и теоретические эссе об аутентичности в контексте городского пространства встречаются в социологии нечасто, но и в них видна многозначность понятия [Зукин 2019; Guimarães 2021], а также смещение фокуса с определения аутентичности на её трансформационную силу [Piazzoni 2018]. Городское пространство постоянно производится и воспроизводится, согласно А. Лефевру, за счёт концептуализации в рамках ментального пространства, восприятия физического пространства и переживания социального пространства. Этим измерениям соответствуют различные субъекты: профессионалы, формирующие теоретические и проектные конструкции; жители города, создающие нерелексированный, повседневный опыт проживания пространства. В совокупности эти субъекты и иные социальные агенты участвуют в производстве пространственной практики, которая формирует материальную и социальную структуру пространства, преобразуя его. Пространственная практика, как отмечает А. Лефевр, «тесно связывает в воспринимаемом пространстве повседневную реальность (временпрепровождение) и реальность городскую (маршруты и сети, соединяющие места работы, частной жизни и досуга)» [Лефевр 2015: 52]. Одним из ключевых агентов в процессе производства пространства выступает бизнес; к явлениям, которые проблематизируются в исследованиях, относят унификацию и стандартизацию. «Когда все города стремятся приобрести один и тот же современный, креативный образ, результатом становится не аутентичность, а угнетающее сходство, не слишком отличающееся — с глобальной точки зрения — от “великого проклятья скуки”, вызывавшего такое презрение у Джекобс» [Зукин 2019: 331].

Гастрономический ландшафт, с этой точки зрения, является средой возникновения противоречий. В российском контексте одной из самых обсуждаемых эстетических проблем является «визуальный шум», когда бизнес закрывает исторические здания своими яркими вывесками и делает периферийные районы похожими друг на друга [Шмидт 2023]. На Западе чаще обсуждается другой аспект: коммерческие пространства заполняются крупными сетями ритейла, вытесняющими малый бизнес. Даже при соблюдении дизайн-кодов такие пространства создают впечатление однообразия, характерного для джентрифицированных районов, ориентированных на платёжеспособных горожан [Wesener 2016; Зукин 2019; Guimarães 2021]. В странах Азии, таких как Китай, проблема унификации ландшафта также актуальна. Там сценарии джентрификации включают уничтожение традиционных гастрономических форматов и их замену на кофейни и рестораны в западном стиле [Сао 2023]. Молодой образованный «новый средний класс» предпочитает проводить время именно в таких заведениях. Стремление к уникальности и узнаваемости города толкает либо к активному коммерческому освоению историко-культурного наследия, либо к созданию ярких архитектурных объектов, способных стать визитной карточкой. Однако оба пути сопряжены с рисками. Слишком строгое сохранение исторического облика может превратить город в музей под открытым небом, где всё зафиксировано и утратило свою жизненную функцию. В то же время акцент на броские, «брендовые» здания часто приводит к появлению архитектурных аттракционов, превращающих город в нечто вроде тематического парка. Оба подхода угрожают подлинной городской среде и уничтожают дух места [Гаврилина 2023].

Отдельный сегмент исследований посвящён тому, какие аспекты способствуют формированию аутентичного впечатления [Le, Arcodia, Novais, Kralj 2022]. При описании гастрономического ландшафта аутентичность оказывается элементом привлекательности заведений, поскольку потребители становятся всё более требовательными, осведомлёнными и проводят время в ресторанах, соответствующих своей идентичности [Boyle 2024: 20]. Аутентичность в этом случае охватывает различные оцениваемые аспекты и подразумевает «аутентичность места, рецептуры, интерьера и общей атмосферы» [Александрова 2018: 272]. Этот тренд постепенно проявляется не только на уровне восприятия и самопрезентации отдельных заведений, но и в маркетинговой политике субъектов РФ. Так, для продвижения Алтайского края используется лозунг «Всё настоящее!» [Хаткевич 2019], а в 2021 г. стартовал проект «АУК — Аутентичная Уральская кухня», призванный популяризировать гастрономическую сферу региона⁴.

⁴ См. сайт проекта «АУК — Аутентичная Уральская кухня». Электронный ресурс [код доступа]: <http://auc.rest/> (дата обращения: 9 ноября 2025 г.).

Маркетинговая сила аутентичности утверждается различными исследователями (см.: [O'Neill, Houtman, Aupers 2014; Becker, Wiegand, Reinartz 2019; Plüg, Collins 2020]). Но одно из самых ярких высказываний по теме сделано Дж. Гилмором и Дж. Пайном [Гилмор, Пайн 2009]. Согласно концепции экономики впечатлений, потребительские предпочтения трансформируются, и гибкие бизнес-структуры адаптируются к этим изменениям. Если раньше покупателей в первую очередь заботила доступность товаров и услуг, затем — их цена, а потом — качество, то сегодня ключевым фактором становится аутентичность. Чтобы создать впечатление и передать аутентичный опыт, используются пять ключевых «жанров»: естественная, оригинальная, эксклюзивная, референтная и влиятельная аутентичность. Особый интерес в рамках данного исследования представляет референтная аутентичность, то есть обращение к узнаваемому культурному контексту и репрезентации образов различных пространств. Пространственное измерение референтной аутентичности может выражаться в различных стратегиях. Первая из них связана с *воспроизводством*, поиском локальных особенностей, наследия и их адаптации для использования в коммерческих целях. Такая стратегия, согласно европейским исследованиям, характерна для туристических городов. Когда турист приезжает, ему интересно попробовать что-то местное, чего нет там, где он живёт. Вторая стратегия связана с *производством* в локальном контексте пространств глобализированных, в которых стираются пространственные границы и у посетителей есть возможность буквально перенестись в далёкие страны. Такое путешествие особенно интересно местным жителям [Радина, Крупная 2022].

Гастрономический ландшафт города и этничность

Потребление пищи — одно из самых стабильных, нерелексируемых, рутинизированных проявлений идентичности, в частности национальной [Баранов, Гуляева 2017]. В городе постоянно взаимодействуют представители множества культур и соседствуют различные образы жизни. Такая гетерогенность рассматривается как почва, на которой возникают конфликтные ситуации, но именно рестораны выступают в качестве мест, где происходит мирное знакомство с различными, в том числе национальными, культурами, а еда выступает как «мостик» к «другому». На примере китайских ресторанов в Иркутске показаны, во-первых, интерес горожан к погружению в незнакомую культуру; во-вторых, разнообразность заведений, представляющих на первый взгляд одну кулинарную традицию [Дятлова 2014]. Разнородность заведений выражается в том, что рестораны могут предлагать этническую кухню в форме, наиболее приближенной к «настоящей», то есть понятной и привычной для представителей национальности, либо в адаптированной форме (например, «Китай для русских» [Дятлова 2014: 174]). Это представление о гетерогенности заведений и об аутентичности, репрезентируемой ими, находит выражение в исследованиях этнических заведений Самары [Пустарнакова 2007]; армянских ресторанов Санкт-Петербурга [Гуляева 2017], заведений, созданных сообществами мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Северного Кавказа и Закавказья в Москве [Варшавер, Рочева 2014].

Заведения, изначально созданные для «своих», могут привлекать особую категорию потребителей, которых не устраивает адаптация; для таких потребителей важна аутентичность их опыта. О таких заведениях в Иркутске, например, пишет Анастасия Елизарова: «В пятничный вечер здесь аншлаг: заняты абсолютно все круглые покрытые дешёвой клеёнкой столы; несколько компаний располагаются на самодельных лавках прямо во дворе. Чем место приглянулось иркутянам, наверное, так и останется коммерческой тайной этого заведения, но, как многие отмечают, готовят китайскую еду здесь действительно за пределами вкусно. Правда, цены не меньше, чем и в “нормальном” общепите, — 100–200 рублей за блюдо. Несмотря на то что весь персонал “чифаньки” — это китайцы с не самым идеальным знанием русского языка, посещают это заведение практически исключительно наши соотечественники, представителей Поднебесной среди постояльцев не наблюдалось. В “чифаньку” часто заходят и иностранцы, особенно те, которые не любят посещать традиционные достопримечательности. По не-

объяснимым причинам они мгновенно влюбляются в колорит этого места»⁵. Колорит может выступать в качестве привлекательного критерия, но быть при этом связанным с негативными стереотипами, например, о том, что в «настоящем» заведении должен обязательно работать повар определённого происхождения. Холли Фэн, повар азиатского происхождения, владеющая техниками классической французской кухни, в своём TEDx выступлении критикует тех, кто применяет слово «аутентичный» не к самой еде, а к внешним факторам, таким как местоположение заведения, знание персоналом английского языка или низкая цена этнических блюд, игнорируя их кулинарную суть⁶.

Однако не всех привлекают именно «настоящие» заведения; встречается и обратная ситуация, когда стремление подчеркнуть социальный статус оказывает влияние на выбор и поведение туристов и выступает одной из ключевых мотиваций при посещении определённых мест. Например, заведения в центральной части города часто воспринимаются как более престижные. Вследствие этого туристы могут выбирать известные и узнаваемые локации, отдавая им предпочтение перед менее популярными, хотя и потенциально более колоритными и «аутентичными» местами на периферии [Луневич 2015]. К способам адаптации относится и формирование смешанных кухонь, когда в меню и в рецептуре сочетаются разнородные ингредиенты. Американо-китайская кухня⁷ возникла как ответ, с одной стороны, на недоступность некоторых ингредиентов, с другой — на представления о чуждости и излишней экзотичности китайской кухни, которая проявляется и во вкусах, и в антураже заведений.

Таким образом, рестораны в городском пространстве становятся видимым выражением «другого» и местом коммуникации различных культур, привлекающим и жителей, и туристов. Однако коммуникация не во всех случаях происходит бесконфликтно. В западном контексте в сторону людей, оценивающих аутентичность заведений по национальности повара или другим стереотипным критериям, звучат обвинения в расизме. В новосибирском контексте некоторые заведения, созданные мигрантами для «своих», не становятся популярными у ценителей экзотики, а местные жители положительно отзываются об уничтожении нелегальных кафе⁸.

Гастрономический ландшафт и образ города

Следующая тема во взаимоотношениях заведений общественного питания и города — это образ города и его атмосфера: «Интерьер и экстерьер ресторанов также участвуют в создании визуального стиля города» [Зукин 2015: 230]. Ю. В. Веселов и Г. И. Чернов, яркие представители области социологии питания в России, утверждают, что рестораны Санкт-Петербурга вносят вклад в стиль этого города, отличаются от заведений в других городах: «Петербургская публика не обладает значительным денеж-

⁵ Елизарова А. 2012. Ресторанные контрасты Иркутска. *Восточный формат*. 33 (214): 4. Электронный ресурс [код доступа]: <https://vspress.ru/wp-content/uploads/2012/PDF/vf214.pdf> (дата обращения: 9 ноября 2025 г.).

См. также о Владивостоке: «Люди авантюрного склада отправляются на поиск так называемых “чифанек” — аутентичного владивостокского стритфуда» (Глушков И. Гастрономическая карта России. *WHERE TO EAT*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://wheretoeat.ru/wte-tours/gastronomicheskaya-karta-rossii/> (дата обращения: 9 ноября 2025 г.).

⁶ Cha E. 2023. *A St. Louis Food Writer Wants Us to Rethink What Makes Food 'Authentic'*. St. Louis Public Radio. Available at: <https://www.stlpr.org/show/st-louis-on-the-air/2023-06-20/a-st-louis-food-writer-wants-us-to-rethink-what-makes-food-authentic> (accessed 9 November 2025).

⁷ См.: Jitchotvisut J. 11 Popular American-Chinese Foods that You Won't Actually Find in China. *Business Insider*. Available at: <https://www.businessinsider.com/chinese-american-food-isnt-from-china-2018-12#orange-chicken-is-a-variation-of-general-tsos-chicken-and-was-invented-in-the-kitchens-of-panda-express-4> (accessed 9 November 2025).

⁸ «Мимо бывших кафе проходят местные жители, которые периодически произносят “ну и слава богу!” или “наконец-то”. Пожилая женщина объяснила корреспонденту, что в кафе она никогда не ходила, но рядом с ними видела постоянно шум и грязь»; см.: «С одной стороны — дешево, с другой — антисанитария»: на Хилокской снесли популярное кафе — фоторепортаж. 2024. *NGS.RU*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://ngs.ru/text/gorod/2024/07/23/73862807/> (дата обращения: 9 ноября 2025 г.).

ным капиталом и в то же время характеризуется большим запасом культурного капитала, так формируется специфическая черта петербургской ресторанной культуры» [Веселов, Чернов 2018: 200–201]. Гастрономический ландшафт отвечает на потребности, которые нужно удовлетворить в случае определённого города, и вносит свой вклад в создание образа города. В кафе и ресторанах происходит встреча не только отдельных национальных культур, но и глобального и локального в целом [Зукин 2015: 231]. То, какие заведения представлены в городе, позволяет определить как актуальные глобальные веяния, так и местные особенности. Именно заведения общественного питания маркируют различные части городского пространства: центральные и периферийные, бедные и богатые, старые и новые.

Гастрономический туризм как способ знакомства через локальную кухню с культурой города приобретает всё большую актуальность, а посещение ресторанов — важная часть туристического опыта, особенно для молодых людей [Луневич 2015]. Регионы и отдельные части города стремятся повысить свою туристическую привлекательность. Одна из составляющих этого стремления — поиск или конструирование локальной аутентичности, в том числе в гастрономическом ландшафте [Лагусев, Балынин 2016].

Центр города — это пространство, в котором концентрируются значимые символы. Именно с центра начинается знакомство туристов с городом, он же привлекает жителей периферийных районов, чьи поездки напоминают туристические, а рассказы наполнены выражениями, характерными для отзывов о путешествиях в экзотичные страны [Гуляева 2017]. Именно центральные районы обзаводятся набором типичных «модных» мест, соответствующих образу современного и в какой-то степени столичного города, что особенно актуально для региональных столиц [Радина, Крупная 2022]. Заведения, предлагающие опыт далёких культур, можно назвать не-местом: «При создании “места” (в планировании, строительстве, назывании) проблематизируется идентичность (места и горожанина), а при создании “не-мест” акцентируется движение, безграничность, идентичность размывается, создаётся уединение на виду» [Радина, Крупная 2022: 178]. Желание потребить атмосферу «не-места» связано с космополитичной самоидентификацией молодёжи, выросшей в цифровую эпоху и знакомой с кухнями и культурами разных стран. Молодёжь осведомлена, читает тематические блоги и пользуется специальными приложениями. Один из главных критериев при посещении, например, бара — это впечатления [Полынская 2020]. Однако процесс туристификации гастрономического ландшафта и развитие экономики впечатлений могут привести к тому, что опыт становится стандартизованным, а тщательно сконструированная аутентичность приобретает черты пародийности [Ден, Шеметова 2020].

Концептуализация аутентичности пространства в гастрономическом ландшафте

Гастрономический ландшафт как часть социального пространства города постоянно производится и воспроизводится. Это сложная символическая система, в которой большую роль играют в том числе мифологизированные представления о культурах. Они становятся почвой для производства в гастрономических ландшафтах заведений, которые обращаются к жанру референтной аутентичности.

Референтная аутентичность — это стратегия конструирования воспринимаемой подлинности через отсылку к внешнему источнику (то есть пространству, культуре, традиции) для соответствия ожиданиям потребителя о том, каким «настоящее» должно быть. Конструируя (намеренно или нет) образ заведения, владельцы ресторанов могут обращаться к локальному культурному наследию либо к глобальному; воспроизводить местные особенности или производить «не-места». В случае воспроизводства происходит поиск существующих локальных особенностей, способных органично дополнить образ города. Это может быть продукция, буквально выращенная в местных фермерских хозяйствах; вдохновение историей города; обращение к местным творцам или «объективному», выявленному экспертами наследию. Все эти элементы особенно привлекательны для туристов. Производство же связано

с субъективным ощущением себя настоящим [Wang 1999] в глобализированных заведениях, которые можно встретить в любом крупном городе. Это ощущение характерно, в частности, для горожан, приезжающих в центр и «путешествующих», пробуя экзотичные блюда. И воспроизводство, и производство могут осуществляться в сетевом формате. Количество филиалов дополняет взгляд через оценку массовости или уникальности предложения.

В качестве допущения принимается возможность соотнесения (вос)производства аутентичности пространства и конкретных культурных контекстов, которые представляют различные маркеры референтной аутентичности. «Люди стремятся воспринимать в качестве аутентичного то, что относится к другому контексту, черпает вдохновение из человеческой истории и обращается к нашим воспоминаниям и стремлениям» [Гилмор, Пайн 2009: 75]. Референтная аутентичность может проявляться в отсылках к различным реальным или воображаемым пространствам: например, чайная церемония ассоциируется с Китаем, пицца — с Италией, а бургер — с США. Город представляет собой смесь различных культур, что проявляется в гастрономическом ландшафте, в том числе в различных приёмах оформления и позиционирования заведений, в кулинарных традициях (кухнях). Под пространственными маркерами референтной аутентичности понимаются, таким образом, географические названия природных объектов, стран, городов; акцент на локальных ингредиентах или традициях; этнические символы и названия блюд, отсылающие к определённой кухне.

Кухня — национальная или городская — это не просто совокупность блюд или техник приготовления. Это устойчивая, нормативно закреплённая система смыслов, практик и правил, которая структурирует пищевое поведение в конкретном социальном пространстве. Она трансформирует гастрономию из сферы вкусовых предпочтений и кулинарию из набора технологий в культурный код, наделяющий еду символическим значением. Через кухню общество кодирует принадлежность, воспроизводит традиции и конструирует границы «своих» и «чужих». Это инструмент формирования и выражения коллективной и индивидуальной идентичности, маркер культурной самобытности и социального различия [Чернов 2021].

Описание информационной базы

Выбор для исследования Сибири и Дальнего Востока связан с тем, что, несмотря на общие черты, такие как периферийность, обширные территории, полиэтничность, эти федеральные округа различаются, поскольку их гастрономические ландшафты формируются на стыке местного наследия, культурного соседства и современных туристических дискурсов. Изначальной базой исследования была информация, почерпнутая из интерактивной карты 2ГИС о точках общественного питания в сибирских и дальневосточных городах, являющихся центрами субъектов РФ, что составило 20 534 заведения⁹. Затем из этой совокупности была выбрана часть заведений, а именно треть с самым большим количеством отзывов в каждом городе: всего 6747 заведений (4538 в СФО; 2209 в ДВФО)¹⁰. Выбор именно этой части информационной базы обусловлен рядом причин. Во-первых, в фокус внимания попали либо обсуждаемые заведения, которые работают уже достаточное количество времени, вызывают интерес и желание аудитории высказаться о них (вне зависимости от положительного или отрицательного стимула высказывания); либо те, которые нуждаются в продвижении, а менеджмент ресторана стимулирует появление отзывов посетителей о них, в том числе «профессиональных» посетителей, что делает заведения «видимыми», играет большую роль в их выборе и конструировании аутентичного опыта [Зукин 2019]. Во-вторых, отбор трети отзывов был необходим, так как существенная часть работы

⁹ По данным на 4 апреля 2025 г.

¹⁰ В типологическом анализе городов не присутствуют Анадырь и Биробиджан, так как в выборке оказалось малое количество заведений из этих городов (18 и 29 соответственно).

представляла собой «ручную» кодировку. Заведения описаны на основе переменных, присутствующих изначально в базе данных: количество филиалов в городе, рейтинг, количество отзывов и др. Но также была создана переменная, отражающая принадлежность ресторана к определённой кулинарной традиции. На первом этапе эта переменная создавалась с использованием нейросети¹¹ (1920 наблюдений), на втором этапе осуществлялась «ручная» кодировка (2189 наблюдений). Нам представлялось важным дать общий обзор гастрономических ландшафтов, не углубляясь в детали, чтобы сохранить широту охвата исследования, поэтому коды присваивались на основе анализа названия заведения и самоназвания формата заведения, без анализа меню (см. примеры в табл. 1). Основаниями для присвоения кода считались упоминания блюд, относящихся к кулинарной традиции; географических названий; символов. Стоит повторить: перед нами не стояла цель вскрыть, что на самом деле является «настоящим»; нашей задачей было рассмотреть, какие смыслы и пространственные маркеры наполняют гастрономические ландшафты. На основе предыдущего этапа исследования автора¹² были выделены семь кулинарных традиций: локальная или региональная; русская; азиатская; американская; европейская; восточная; смешанная.

Таблица 1

**Примеры заведений в соответствии с пространственными маркерами
референтной аутентичности**

Кулинарная традиция	Примеры
Локальная или региональная кухня	Кафе «Позная № 1» (Абакан) Ресторан «Чукотка» (Анадырь) Фермерское кафе «Вилка–Ложка» (сеть, 17 городов присутствия) Рюмочная «Налейнина» (Новосибирск)
Русская кухня	Кафе «Народная пельменная» (Абакан) Кафе «Русские блины» (Новосибирск) Быстрое питание «Пирожковый рай» (Петропавловск-Камчатский)
Азиатская кухня	Кафе паназиатской кухни «TomYumBar» (16 городов присутствия) Кафе вьетнамской кухни «Nem nem» (Барнаул) Быстрое питание «Хочу суши» (Омск)
Американская кухня	Кафе «Juicy Burger» (Петропавловск-Камчатский) Американский паб «BullDog» (Улан-Удэ) Гриль-бар «Re:bro мясо & бургеры» (Кемерово)
Европейская кухня	Ресторан «Trattoria» (Новосибирск) Пиццерия «Мэйк лав пицца» (Томск) Немецкий паб «Schulz» (Новосибирск)
Восточная кухня	Хинкальная «Старик Хинкалыч» (Барнаул) Столовая «Пловная № 1» (Красноярск) Чайхана «Кунжут» (Омск)
Смешанная кухня	Служба доставки пиццы, шаурмы, суши и роллов «Тандыр № 1» (Барнаул) Ресторан русской и европейской кухни «Артишок» (Петропавловск-Камчатский) Быстрое питание «Бистро сирийской и шведской кухни» (Новосибирск)
Другое	Сербский ресторан «Кустурица» (Иркутск) Ресторан мексиканской кухни «New Mexico» (Новосибирск) Кафе египетской кухни «Red Camel» (Новосибирск)

¹¹ Для создания переменной на первом этапе использовался ChatGPT (см.: chatgpt.com).

¹² Были рассмотрены два крупных сибирских города — Новосибирск и Красноярск, их главные улицы, то есть Красный проспект в Новосибирске (215 точек общественного питания) и улица Мира в Красноярске (118 точек общественного питания). Основой информационной базы были данные интерактивной карты 2ГИС (<https://2gis.ru>). Анализ презентационных текстов заведений сформировал исходное представление о пространственных маркерах референтной аутентичности, продемонстрированное в данной статье.

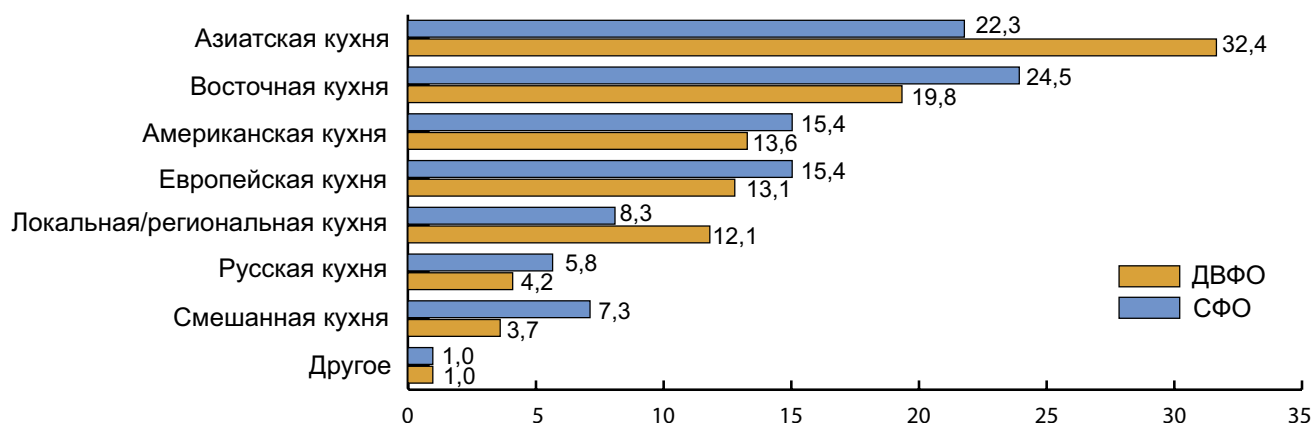
Ограничения дизайна исследования

Опускаются субъективные переживания, скрытые практики, неформальные взаимодействия (без полных исследований их невозможно описать). Акцент делается на репрезентациях, особенностях позиционирования заведения, той его части, которая доступна потребителю в первую очередь: название и самоназвание формата. Не исключено, что анализ восприятия посетителями, интерьера, контент-стратегии в социальных сетях дополнили бы результаты. В случае данного исследования оказывается неважным, есть ли действительно «фермерские» продукты в «фермерском кафе»; важно, что владелец заведения по какой-то причине использовал этот маркер, оценив его как привлекательный для потребителя. Выборочный анализ меню показал, что в части заведений меню довольно однородное и в основном соответствует названию и формату заведения; например, в заведении, предлагающем суши и роллы, в меню присутствуют именно эти блюда, а в качестве дополнительных позиций выделены только соусы и напитки. Однако в части заведений, название и самоназвание которых отсылают к определённым культурным контекстам, можно обнаружить эклектику: в меню борщ соседствует с лагманом, наггетсы с пиццей. Тем не менее эта эклектика не мешает заведению называть себя лагманной или пиццерией соответственно.

Гастрономические «портреты» сибирских и дальневосточных городов

Различия СФО и ДВФО и типология городов

Сибирь и Дальний Восток отличаются огромными территориями, гетерогенностью национального состава и разнообразными природными видами. Их гастрономические ландшафты также значительно различаются. Первоначальный анализ позволил выявить существенные различия в представленности кулинарных традиций в заведениях (см. рис. 1). В ДВФО значительно больше заведений азиатской кухни — китайской, японской, вьетнамской, а также локальной. В СФО выделяются заведения восточной кухни — грузинской, узбекской, армянской, а также смешанной.

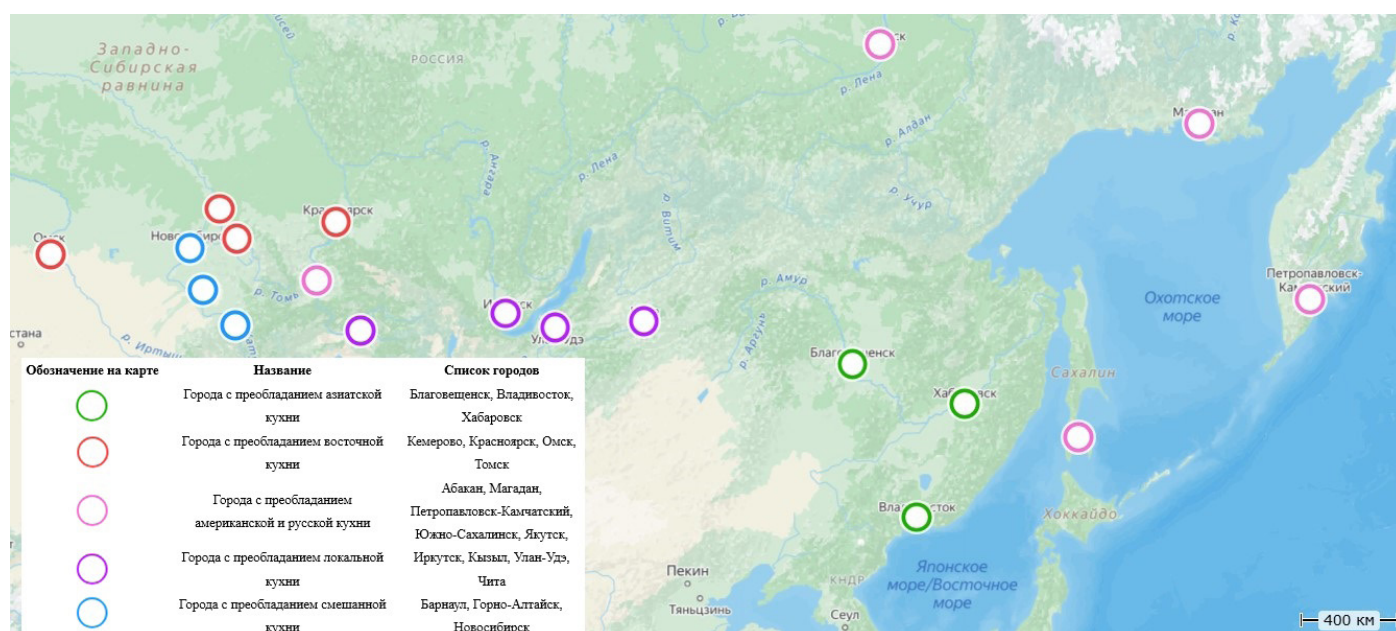

Примечание: N содержит данные о городах Анадыре и Биробиджане.

Рис. 1. Распределение пространственных маркеров референтной аутентичности по федеральным округам, в % (N = 4109)

Осуществление дальнейшего анализа происходило следующим образом: была составлена таблица сопряжённости, в которой представлено распределение маркеров референтной аутентичности по каждому рассматриваемому городу. После были выделены города со схожей структурой заведений. Таблица, описывающая типы городов, представлена в приложении к статье (см. табл. П.1), в ней наблюдаются значимые смещения частот в ячейках (значения скорректированного стандартизованного остатка больше 1,96 по модулю).

Города, в которых наблюдается значимое сходство в структуре заведений, формируют пространственные кластеры (см. рис. 2). Благовещенск, Хабаровск и Владивосток отличаются преобладанием азиатской кухни и соответствующих ей форматов заведений — раменных, суши-баров, китайских заведений. В Иркутске, Кызыле, Улан-Удэ и Чите превалируют локальные кухни и, соответственно, поздние или буузные; здесь гастрономический ландшафт предлагает опыт сопричастности к этнической, коренной идентичности. В Барнауле, Горно-Алтайске и Новосибирске выделяется смешанная кухня с точками, где можно заказать и бургер, и шаурму; и пиццу, и роллы. Эклектика — это прямое следствие производства «не-мест», где потребитель «путешествует», не покидая фудкорта. Идентичность, к которой здесь апеллируют, это, скорее, идентичность современного мобильного горожанина. Кемерово, Красноярск, Омск и Томск отличаются преобладанием восточной кухни и заведений, предлагающих шашлык, до-нер, лагман, плов. Восточная кухня здесь является маркером воспроизводства культуры для сообществ мигрантов, экзотическим «производством» для горожан. Абакан, Магадан, Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский и Якутск — города, в которых структура заведений не демонстрирует ярких смещений, но в них наблюдается немного больший, чем в других типах городов, вес в структуре заведений американской (например, бургерных) и русской (например, пельменных, пирожковых) кухни.

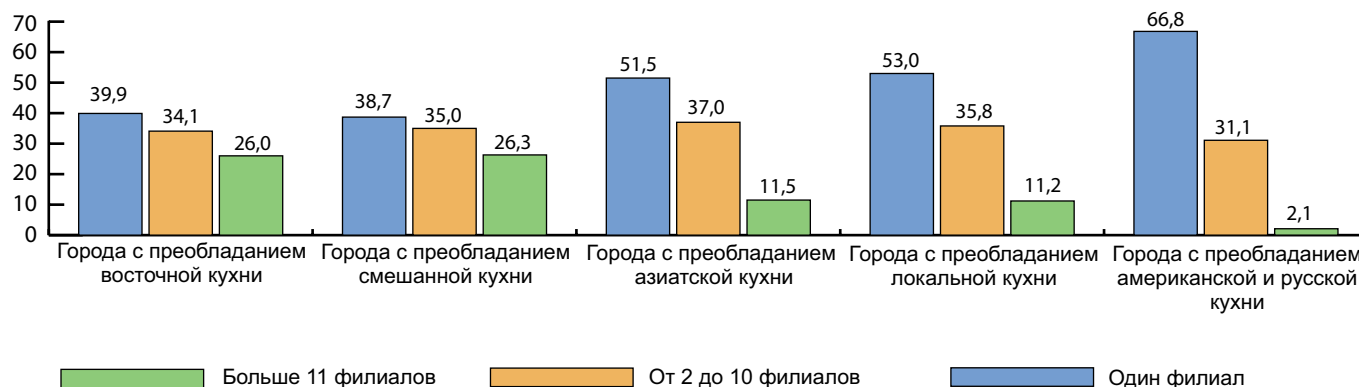

Источник: Составлено автором при помощи конструктора карт Яндекс.

Рис. 2. Распределение типов городов на карте

Анализ количества филиалов заведений демонстрирует важную связь типа города и присутствия сетей заведений (см. рис. 3). В городах с преобладанием восточной и смешанной кухни значительно больше заведений, которые относятся к крупным сетям. Меньше всего представителей крупных сетей в городах с преобладанием американской и русской кухни. Если взглянуть на карту, то можно увидеть закономерность: чем западнее город, тем в нём меньше уникальных, единичных заведений. Города-миллионники (Новосибирск, Красноярск) выступают как региональные центры, более плотно интегрированные в глобальные и федеральные экономические потоки. Это делает их привлекательными для экспансии крупных сетей. Менее крупные или более удалённые города сохраняют больше локальных, несетевых форматов не только из-за культурных особенностей, но и из-за более низкой инвестиционной привлекательности. Сетевой формат заведений не противопоставляется аутентичности. Сети можно понимать как механизмы массового производства предсказуемого опыта. Для сетевого заведения («Старик Хинкалыч», «TomYumBar») главным референтом является не Грузия или Таиланд как таковые, а образы этих стран и сам бренд сети ресторанов. Аутентичность здесь — это гарантия того, что опыт по-

сещения заведения в Омске будет идентичен опыту в Новосибирске. Это производство аутентичности, референтной в первую очередь самой себе.

Примечание: N не содержит данные о городах Анадыре и Биробиджане.

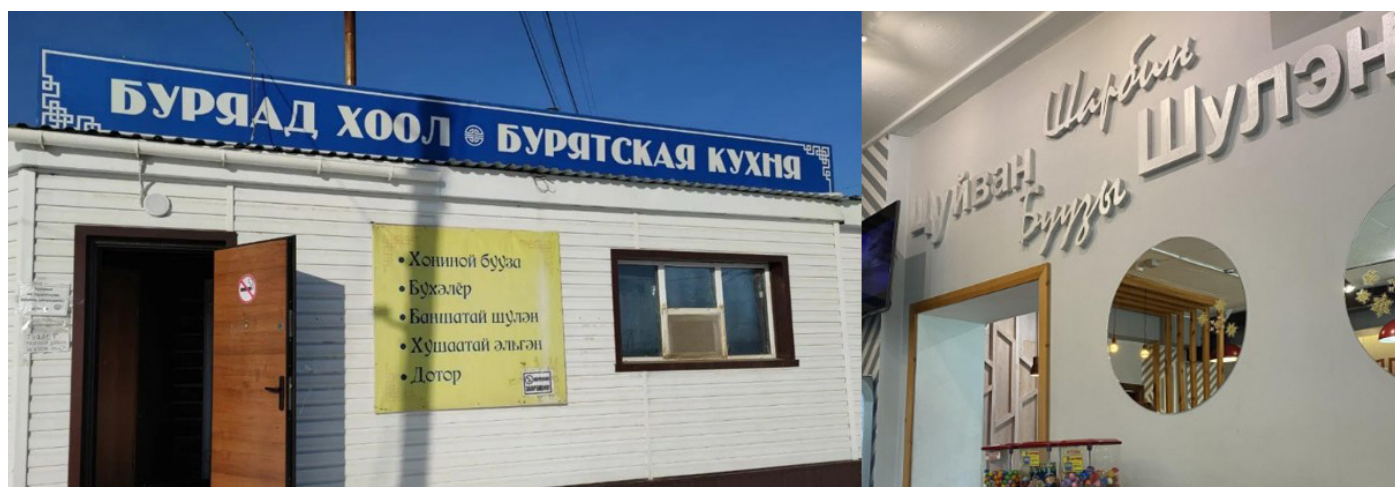
Рис. 3. Распределение количества филиалов заведений по группам городов, в % (N = 6700)

Только одна группа городов продемонстрировала в названии и самоназвании форматов заведений значимую долю маркеров воспроизводимой аутентичности: в случае Кызыла, Иркутска, Улан-Удэ и Читы проявили себя небольшие кафе, не относящиеся к филиальной сети и предлагающие блюда бурятской, тувинской или монгольской кухни. Города, где преобладает восточная или смешанная кухня, отличаются не только тем, что они находятся западнее, ближе к европейской части страны, но и тем, что в эти группы попали крупные города с самым большим количеством заведений: Новосибирск, Красноярск и Омск. Это региональные центры, в которых люди живут в ритме большого города, то есть перекусывают на ходу, приветствуют эклектику в меню и создают своими практиками благоприятную инвестиционную среду для расширения сети франшиз. Это города, притягивающие потоки мигрантов, которые воспроизводят на новом месте аутентичность знакомых мест [Варшавер, Рочева 2014]. Воспроизводство проявляет себя и в гибридных формах, когда в заведениях сочетаются восточная кухня и привязка к локальному контексту. В качестве примера можно привести точки, предлагающие «ту самую» шаурму, которую можно купить в определённом месте в городе. Самая многочисленная по представленным городам группа отличается преобладанием культурной довольно далёкой американской традиции, но в то же время в структуре группы заметно представлена русская кухня. Возможно, это связано с пограничным, портовым, географическим положением городов. Русская кухня может удовлетворять спрос на еду «как у бабушки», который предъявляет скучающий по дому потребитель; американская кухня представляет самый яркий глобальный тренд на быструю, сытную, унифицированную и предсказуемую еду.

Воспроизводство референтной аутентичности

Анализ конкретных представителей локальной кухни в каждой группе городов позволяет сделать вывод о существовании как минимум двух основных стратегий воспроизводства аутентичности. Первая проявила себя на количественном уровне в случае Кызыла, Иркутска, Улан-Удэ и Читы: многочисленные небольшие кафе, представленные, как правило, одним филиалом. Они обладают колоритными названиями формата заведения: бузэтная, кафе-бузная, позная. Это заведения и «для своих», и для жаждущих «неограниченной» аутентичности туристов, предлагающие простые блюда, большие и сытные порции и доступные цены (см. рис. 4). В оформлении заведений присутствуют национальные орнаменты, характерные названия блюд. Причём заведения различаются по концентрации национальных символов. Пространства, ориентированные, скорее, на туристов, используют яркий декор. Это на-

блюдение соотносится с выводом исследования армянских ресторанов: «“свои” вопрос об “аутентичности” ресторанов не ставят, эта категория актуальна преимущественно “для внешних” посетителей» [Гуляева 2017: 89].

Источник: Изображения найдены в открытом доступе с помощью интерактивной карты 2ГИС; см.: Электронный источник [код доступа]: <https://2gis.ru/> (дата обращения: 8 июля 2025 г.).

Рис. 4. Примеры интерьера и экстерьера заведений. Фотография. 2025 г.

В большей части городов спрос на локальную аутентичную кухню проявляется в распространении следующих заведений:

- *предлагающих продукцию местных фермерских хозяйств.* Например, сеть фермерских кафе «Вилка–Ложка» и магазин фермерских продуктов «Калина-малина». Но эти же заведения можно рассматривать и как «глокальный» гибрид: глобальный сетевой формат наполняется локальным содержанием, сплетая идеологию фермерских продуктов с отсылками к «домашней» кухне. Анализируя заведения, предлагающие в разных формах потреблять «местное», стоит отказаться от жёсткой бинарной оппозиции воспроизводства и производства;
- *создающих впечатление модных мест.* Это дорогие рестораны и бары, где найти настойки из диких трав и ягод, оригинальные авторские переосмысления местных ингредиентов от знаменитого шеф-повара. Интерьер в них тщательно продуман, наполнен аутентичными предметами, которые можно представить в пространстве музея, и работами местных творцов¹³. Воспроизводство аутентичности в таких заведениях предстаёт не как пассивное отражение истории, а как активный социальный проект, конструирование нового гастрономического канона за счёт отбора одних рецептов при игнорировании других для создания привлекательного туристического и регионального бренда. Это не столько возрождение прошлого, сколько создание его коммерчески успешной версии для настоящего;
- *делающие отсылки на конкретные места в городе:* рюмочная «На углу», «Буфетъ театральный», «Позы на Октябрьской Революции».

¹³ См., например, описание интерьера ресторана #СибирьСибирь в Новосибирске: «Каждый уголок в ресторане #СибирьСибирь рассказывает о местном колорите с уважением к традициям этой земли и отражением особенностей нашего города в абсолютно современном прочтении — интерьер ресторана соответствует самым передовым мировым тенденциям и выполнен в духе минимализма с яркими аутентичными элементами, характерными для сибирского края». Электронный ресурс [код доступа]: <https://sibirsibir.ru/> (дата обращения: 9 ноября 2025 г.).

При количественном сравнении такой набор не обеспечивает существенные различия в структуре, поэтому в большинстве городов значимо выделяются другие пространственные маркеры референтной аутентичности. Такое различие в воспроизводстве, вероятно, объясняется тем, что в городах локального типа национальные заведения возникают органично — как естественное выражение местных культурных особенностей, тогда как в других городах обращение к наследию имеет, скорее, инструментальный характер и используется как стратегический ресурс для создания дополнительной ценности через акцент на локальность.

Разная Азия

Размышления о воспроизводстве аутентичности натолкнули автора данной статьи на мысль о гетерогенности заведений, представляющих азиатскую кухню. Для Благовещенска, Владивостока и Хабаровска азиатская кухня является маркером воспроизводства аутентичности. Это связано со следующим:

- во-первых, в этих города значимое количество заведений китайской, корейской, японской кухни. В рамках Восточного экономического форума в 2025 г. состоялось обсуждение «Гастрономия как стратегический актив: от кухни к экономике впечатлений» и в выступлении сооснователя сети ресторанов японской кухни Токуо Алены Ницоры прозвучало утверждение: «Мы смело можем называть себя настоящими дальневосточниками»¹⁴;
- во-вторых, заведения в этих городах даже на уровне самоназваний форматов отличаются от тех, что присутствуют в сибирских гастрономических ландшафтах: например, кафе-самовар, кафе-саможар, лапшичная. Также для этой части страны характерен специфический набор продуктов, которые считаются местными (прежде всего это морепродукты);
- в-третьих, близость Китая определяет особую искушённость и осведомлённость жителей, которые «выезжают на выходные в Китай покушать» [Мазанкова 2015: 5]. Эта близость отражается также и в национальном составе жителей: ещё в дореволюционные времена, например, во Владивостоке был район, который сейчас называли бы чайна-тауном¹⁵.

В Сибири же азиатская кухня представлена другими форматами. Это не просто «искажение» или «адаптация», а классический пример глокализации. Глобальный тренд на суши и роллы (сам по себе уже трансформированный в США) встречается с вкусовыми предпочтениями сибирского потребителя, рождая такие гибриды, как «запечённые роллы с сыром и майонезом» — продукт, немыслимый ни в Японии, ни в США 1980-х гг., но абсолютно естественный для гастрономического ландшафта Новосибирска 2020-х.

Заключение

Аутентичность в гастрономическом ландшафте может воспроизводиться или производиться, что зависит от стратегии владельцев заведений и их целевой аудитории. Заведения могут обращаться к локальной кухне, культурному наследию и особенностям региона для создания уникального образа места, но могут и стремиться к глобализированному восприятию, конструируя «не-места», то есть пространства, где границы между культурами стираются, а опыт становится универсальным и доступным. Наблюдаются также и тенденция взаимопроникновения локального и глобального, и присутствие явно

¹⁴ Программа Восточного экономического форума. Электронный ресурс [код доступа]: <https://forumvostok.ru/programme/start-day-events/> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.).

¹⁵ Клепикова А. 2022. Гуляем по Миллионке: загадочный Чайна-таун в центре Владивостока. ПСЖР. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.aviasales.ru/psgr/article/millionka> (дата обращения: 9 ноября 2025 г.).

гибридных форматов. Примечательно, что рестораны именно русской кухни мало распространены; в меню различных заведений появляются отдельные характерные позиции этой гастрономии. С этим связан интерес профессионального сообщества к созданию ГОСТа на национальные блюда русской кухни; документ, по замыслу его создателей, должен «положить конец доминированию иностранных кулинарных традиций»¹⁶. Актуальность дискуссии об аутентичности связана в целом с трендом поиска идентичности и брендинга страны.

В ходе исследования были выявлены значимые различия в структуре гастрономических ландшафтов сибирских и дальневосточных городов. В заведениях ДВФО значительно чаще встречаются представители локальных кулинарных традиций, а также азиатские форматы кафе и ресторанов. Для сибирских городов воспроизводство аутентичности пространства проявляется, скорее, в специфических, менее распространённых форматах, таких как фермерские кафе, модные бары и рестораны, предлагающие переосмысление местных ингредиентов через призму современной гастрономической эстетики. Анализ также позволил предположить, что в городах Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск и Благовещенск) азиатская кухня выступает как маркер воспроизводства аутентичности, тогда как в сибирских городах она является результатом процесса глокализации, становясь частью так называемой американизированной версии азиатской кухни. Это отражает более широкие процессы культурной трансформации и глобального влияния на конструирование аутентичности. Полученные результаты позволяют провести параллели с зарубежным опытом. Например, в сибирских городах можно увидеть проявления унификации и стандартизации гастрономического ландшафта в виде распространения сетевых заведений. Этот тренд наблюдается в западных странах, где джентрификация и расширение франшиз и сетевых брендов приводят к исчезновению уникальных локальных заведений.

В рамках экономики впечатлений «не-места», характерные для сибирских городов, дарят переживания от встречи с необычным, погружая в атмосферу «другого мира». Подобные тематические пространства по своей сути становятся «порталами». Аутентичность не является чем-то объективно данным, а конструируется в зависимости от потребностей и ожиданий целевой аудитории¹⁷. Если для одного потребителя аутентичной будет еда, приготовленная по традиционным рецептам из местных продуктов, то для другого важна имитация «экзотики» в виде интерьера в стиле японского чайного домика или реклама авторской кухни шеф-повара. Таким образом, аутентичность становится не только культурным, но и маркетинговым ресурсом, который может быть использован для формирования имиджа заведения и города в целом. Сравнительный анализ показывает, что в городах Сибири и Дальнего Востока сохраняются уникальные гастрономические практики, связанные с местными продуктами и кулинарными традициями. Эти особенности могут стать основой для продвижения регионов на туристическом рынке¹⁸. При этом важно сохранять баланс между коммерциализацией и сохранением подлинности, чтобы избежать унификации и потери культурной самобытности. Уникальность исследованной территории в её мозаичности, в том, что некоторые города оказываются похожи на уровне структуры заведений и формируют своеобразные «кулинарные кластеры». Это позволяет сделать предположение о существовании более тонких культурных различий, стоящих за этой мозаичностью, одновременно и связывающих, и дифференцирующих сибирские и дальневосточные города.

¹⁶ Крылов К. 2025. Право на борщ! Для чего создают стандарт русской кухни? И как к этому относятся рестораторы, которые готовят щи и пельмени? *СОБАКА.RU*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.sobaka.ru/bars/trends/204627> (дата обращения: 9 ноября 2025 г.).

¹⁷ Совсем недавно под давлением и культурных сдвигов, и экономических причин в Новосибирске на месте гастробаров стали появляться «рюмочные»; см. *NGS.RU*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://ngs.ru/text/business/2025/06/09/75548252/> (дата обращения: 9 ноября 2025 г.).

¹⁸ Например, создание путеводителя «Хакасия. Гастрономия и гостеприимство»; см.: *PTC*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://tvrts.ru/news/v-abakane-prezentovali-putevoditel-khakasiya-gastronomiya-i-gostepriimstvo/> (дата обращения: 9 ноября 2025 г.).

Гастрономический ландшафт — это сложное социокультурное поле, где пересекаются интересы различных групп населения, культурные традиции и экономические стратегии. Гастрономические заведения выступают как точки взаимодействия разных культур, как элементы формирования образа города и его уникальности. Именно поэтому вопросы производства и воспроизводства аутентичности пространства остаются актуальными и для теоретиков, и для практиков — рестораторов, урбанистов и представителей туристической индустрии. Данное исследование способно дать общее представление о гастрономических ландшафтах, но в нём не рассмотрены вопросы, способные прояснить картину. Например, как изменится распределение маркеров референтной аутентичности, если рассматривать не только крупные, но и малые города, а также сельскую местность? Как потребители относятся к пространственным отсылкам в позиционировании ресторанов, важны ли они для них? Или вопреки ожиданиям тематизация и этнизация гастрономического ландшафта на самом деле не рефлексированы и не подвергаются оценке? На эти и многие другие вопросы ещё предстоит ответить.

Приложение

Таблица П.1

Виды городов по преобладающим пространственным маркерам референтной аутентичности (N = 4086)

Пространственные маркеры референтной аутентичности		Города с преобладанием азиатской кухни	Города с преобладанием восточной кухни	Города с преобладанием американской и русской кухни	Города с преобладанием локальной кухни	Города с преобладанием смешанной кухни
Азиатская кухня	Доля (в %)	43,7	22,7	24,2	21,4	22,7
	Скорректированный стандартизованный остаток	10,5	– 2,7	– 0,7	– 2,8	– 2,5
Восточная кухня	Доля (в %)	17,0	32,6	24,6	17,5	18,7
	Скорректированный стандартизованный остаток	– 3,6	9,4	0,8	– 4,0	– 4,0
Американская кухня	Доля (в %)	12,1	14,0	18,2	14,3	16,1
	Скорректированный стандартизованный остаток	– 2,0	– 1,0	2,2	– 0,4	1,3
Европейская кухня	Доля (в %)	15,7	15,6	11,8	14,5	14,5
	Скорректированный стандартизованный остаток	0,7	1,1	– 1,9	– 0,2	– 0,2
Локальная и (или) региональная кухня	Доля (в %)	4,0	5,2	8,1	23,8	7,5
	Скорректированный стандартизованный остаток	– 4,6	– 6,0	– 1,0	14,9	– 2,5
Русская кухня	Доля (в %)	3,8	4,7	7,3	5,0	6,3
	Скорректированный стандартизованный остаток	– 1,7	– 1,2	2,0	– 0,5	1,6
Смешанная кухня	Доля (в %)	2,7	4,2	4,5	2,7	13,3
	Скорректированный стандартизованный остаток	– 3,6	– 3,5	– 1,6	– 4,4	11,5
Другое	Доля (в %)	0,9	1,1	1,3	0,8	0,9
	Скорректированный стандартизованный остаток	– 0,2	0,4	0,7	– 0,5	– 0,3

Примечание: N не содержит данные о городах Анадыре и Биробиджане.

Литература

- Александрова М. В. 2018. Стилистика советской эпохи в современной массовой культуре: концептуальные кафе и рестораны. *Ярославский педагогический вестник*. 4: 270–275.
- Баранов Д., Гуляева Е. 2017. Об этнографическом описании пищи. В сб. *Experto crede Alberto: сб. статей к 70-летию Альберта Каишфулловича Байбурина*. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге; 46–65.
- Варшавер Е. А., Рочева А. Л. 2014. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве. *Мониторинг общественного мнения*. 121 (3): 104–114.
- Веселов Ю. В., Чернов Г. И. 2018. Еда и мы: гастрономический портрет Петербурга. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 21 (1): 182–209.
- Гаврилина Л. М. 2023. «Дух места» современного города как экзистенциальная потребность. *Вестник МГУКИ*. 115 (5): 110–120.
- Гилмор Д. Х., Пайн П. Б. Д. 2009. *Аутентичность: чего по-настоящему хотят потребители*. СПб.: Best Business Books.
- Гуляева Е. 2017. Что делает ресторан этническим? (На примере армянских ресторанов в Санкт-Петербурге). *Антропологический форум*. 32: 67–94.
- Ден В. Г., Шеметова Е. В. 2020. Гастрономический туризм как драйвер развития Дальнего Востока России. *Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС*. 3: 32–42.
- Джозеф С. 2017. *Аутентичность: как быть собой*. М.: Альпина Паблишер.
- Дятлова Е. В. 2014. Китайский общепит в процессе этнизации городского пространства (на примере Иркутска). *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Политология. Религиоведение. 10: 166–179.
- Заславская А. Ю. 2014. Сохранение аутентичности исторической городской среды с помощью дизайн-технологий. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 16 (2 [3]): 742–745.
- Зукин Ш. 2015. *Культуры городов*. М.: Новое литературное обозрение.
- Зукин Ш. 2019. *Обнажённый город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Лагусев Ю., Балынин К. 2016. Гастрономические бренды как средства продвижения дестинаций. *Servis plus*. 10 (2): 9–16.
- Лефевр А. 2015. *Производство пространства*. М.: Strelka Press.
- Луневиц И. 2015. Аутентичность городского туристического опыта в ситуации роста популярности геолокационных социальных сетей. *Новое литературное обозрение*. 133 (3). Электронный ресурс [код доступа]: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/133_nlo_3_2015/article/11440/ (дата обращения: 10 ноября 2025 г.).

- Мазанкова Т. 2015. Китайское наступление: развитие китайской кухни в Хабаровске. *Baikal Research Journal*. 6 (5): 21–22.
- Полынская Г. А. 2020. Влияние пространственных факторов на удовлетворённость посетителей ресторанов. *Вестник Московского государственного университета*. Серия 6: Экономика. 1: 156–180.
- Пустарнакова А. А. 2007. Репрезентация этнических «Других» в городском пространстве. *Вестник СамГУ*. 1 (51): 41–49.
- Радина Н. К., Крупная Д. А. 2022. Реализуя право на город: интерпретации и номинация городских объектов горожанами (на материале эргоурбанонимов нестоличных мегаполисов). *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 5: 172–195.
- Стил К. 2014. *Голодный город: как еда определяет нашу жизнь*. М.: Strelka Press.
- Хаткевич А. А. 2019. Экономика впечатлений: опыт и перспективы развития туристической отрасли в Алтайском крае. *Современные проблемы сервиса и туризма*. 13 (2): 112–122.
- Чернов Г. И. 2021. Экономическая социология питания: гастрономическое пространство Санкт-Петербурга. Диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук. СПб. Электронный ресурс [код доступа]: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_chernov.pdf (дата обращения: 10 ноября 2025 г.).
- Шмидт К. Ю. 2023. Феномен утраты уникальности архитектурной среды малого постсоветского города (аксиологический и онтологический аспекты). *Общество: философия, история, культура*. 6: 72–77.
- Athwal N., Harris L. C. 2018. Examining how Brand Authenticity is Established and Maintained: The Case of the Reverso. *Journal of Marketing Management*. 34 (3–4): 347–369.
- Becker M., Wiegand N., Reinartz W. J. 2019. Does It Pay to Be Real? Understanding Authenticity in TV Advertising. *Journal of Marketing*. 83 (1): 24–50.
- Boyle D. 2024. “Authentic and Amazing”: Authenticity as an Evaluative Category in Online Consumer Restaurant Reviews. *Journal of Cultural Analysis*. 7 (2): 1–25.
- Brown L. 2013. Tourism: A Catalyst for Existential Authenticity. *Annals of Tourism Research*. 40: 176–190.
- Cao L. 2023. Consuming ‘Authenticity’? Reinterpreting the ‘New Middle Class in China through the Lens of Retailing Changes. *Urban Studies*. 60 (3): 501–518.
- Gerosa A. 2015. *The Hipster Economy: Taste and Authenticity in Late Modern Capitalism*. Available at: <https://uclpress.co.uk/book/the-hipster-economy/> (accessed 10 November 2025).
- Guimarães P. P. C. 2021. Unfolding Authenticity within Retail Gentrification in Mouraria, Lisbon. *Journal of Tourism, Culture & Change*. 20 (1–2): 221–240. Available at: <https://doi.org/10.1080/14766825.2021.1876079> (accessed 10 November 2025).
- Le T. H. et al. 2022. How Consumers Perceive Authenticity in Restaurants: A Study of Online Reviews. *International Journal of Hospitality Management*. 100 (1): 1–15.

- MacCannell D. 1973. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings. *American Journal of Sociology*. 79 (3): 589–603.
- O'Neill C., Houtman D., Aupers S. 2014. Advertising Real Beer: Authenticity Claims beyond Truth and Falsity. *European Journal of Cultural Studies*. 17 (5): 585–601.
- Piazzoni M. F. 2018. Authenticity Makes the City: How «the Authentic» Affects the Production of Space. In: Tate L., Shannon B. (eds) *Planning Authentic CITIES*. London: Routledge; 154–169.
- Plüg S., Collins A. 2020. The Work of “Authenticity” in the Age of Mechanical Reproduction: Constructions of Authenticity in South African Artisanal Brands. *Journal of Consumer Culture*. 22 (2): 1–20.
- Wang N. 1999. Rethinking Authenticity in Tourism Experience. *Annals of Tourism Research*. 26 (2): 349–370.
- Weiler K., Gutschow N. (eds) 2017. *Authenticity in Architectural Heritage Conservation*. Cham: Springer International Publishing.
- Wesener A. 2016. ‘This Place Feels Authentic’: Exploring Experiences of Authenticity of Place in Relation to the Urban Built Environment in the Jewellery Quarter, Birmingham. *Journal of Urban Design*. 21 (1): 67–83.
- Zhang Y. 2018. Negotiating Authenticity in China’s Urban Historic Preservations — The Case of the Kuan and Zhai Alleys in Chengdu. *Heritage & Society*. 11 (2): 79–104.

Kseniia Kalashnikova

(Re)Producing the Authenticity of Space in the Gastronomic Landscape of Siberian and Far Eastern Cities

KALASHNIKOVA, Kseniia — researcher Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Address: 17 Academician Lavrentieva Avenue, 630090, Novosibirsk, Russian Federation. Senior Lecturer, Novosibirsk National Research State University. Address: 1 Pirogov str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation.

Email: k.kalashnikova@g.nsu.ru

Abstract

This article examines the gastronomic landscapes of Siberian and Far Eastern cities. Catering establishments are analyzed as significant elements of urban culture that undergo transformation through the globalization and commercialization of local features. The study addresses the critical issues of preserving local uniqueness and cultural diversity while resisting the homogenization of gastronomic landscapes.

The theoretical framework centers on concepts of authenticity, emphasizing its dual role as both a cultural resource and marketing tool. By consciously or unconsciously crafting perceptions of authentic space, restaurant operators may draw upon either local cultural heritage or global trends — thereby showcasing unique local features or creating “non-places”. We posit that spatial authenticity is intrinsically linked to specific

cultural contexts with spatial connotations. Generalized culinary traditions (cuisines) serve as markers of these contexts: local, regional, Russian, Asian, American, European, Eastern, or hybrid.

Empirically, the study utilizes 2GIS data covering 6,747 establishments in administrative centers across the Siberian and Far Eastern Federal Districts (21 cities). Analytical methods included city typology development, visualized through mapping.

Key findings reveal regional distinctions: Asian and local cuisines predominate in the Far East, while Eastern and hybrid cuisines prevail in Siberia. City typologies emerged based on dominant cuisine profiles: Asian-cuisine dominant, Eastern-cuisine dominant, American/Russian-cuisine dominant, Local-cuisine dominant, Hybrid-cuisine dominant. Cities dominated by hybrid and Eastern cuisines show higher prevalence of large chain establishments. The study identifies authenticity-reproduction strategies: leveraging local/regional cuisine, which is characteristic primarily of cities with a predominance of local cuisine; in the case of other types of cities, the offering of local farm ingredients and incorporating fashionable local symbols or urban toponyms are highlighted.

Keywords: authenticity; gastronomic landscape; urban space; Siberia; Far East; experience economy; restaurants.

Acknowledgements

The study was carried out under state assignment project IEIE SB RAS, registration no. 121040100280-1. The author expresses gratitude to colleagues from the Department of Social Problems of the IEIE SB RAS, especially N. L. Mosienko, as well as anonymous reviewers and the editorial board of the Journal of Economic Sociology for valuable comments and constructive recommendations that contributed to improving the text.

References

- Alexandrova M. V. (2018) *Stylistika sovetskoy epokhi v sovremennoy massovoy kulture: Kontseptualnye kaphe i restorany* [Soviet Era Stylistics in Modern Mass Culture: Conceptual Cafes and Restaurants]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin = Yaroslavskiy Pedagogicheskiy Vestnik*, no 4, pp. 270–275 (in Russian).
- Athwal N., Harris L. C. (2018) Examining how Brand Authenticity is Established and Maintained: The Case of the Reverso. *Journal of Marketing Management*, vol. 34, no 3–4, pp. 347–369.
- Baranov D., Gulyaeva E. (2017) *Ob etnographicheskom opisanii pishi* [On Ethnographic Description of Food]. *Experto crede Alberto: Sbornik statei k 70-letiyu Al'berta Kashfullovicha Bayburina* [Experto crede Alberto: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Albert Kashfullovich Bayburin], St. Petersburg: European University Press, pp. 46–65 (in Russian).
- Becker M., Wiegand N., Reinartz W. J. (2019) Does It Pay to Be Real? Understanding Authenticity in TV Advertising. *Journal of Marketing*, vol. 83, no 1, pp. 24–50.
- Boyle D. (2024) “Authentic and Amazing”: Authenticity as an Evaluative Category in Online Consumer Restaurant Reviews. *Journal of Cultural Analysis*, vol. 7, no 2, pp. 1–25.
- Brown L. (2013) Tourism: a Catalyst for Existential Authenticity. *Annals of Tourism Research*, vol. 40, pp. 176–190.
- Cao L. (2023) Consuming ‘Authenticity’? Reinterpreting the ‘New Middle Class in China through the Lens of Retailing Changes. *Urban Studies*, vol. 60, no 3, pp. 501–518.
- Chernov G. I. (2021) *Economic Sociology of Food: The Gastronomic Space of Saint Petersburg* (PhD Thesis), Saint-Petersburg. Available at: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_chernov.pdf (accessed 10 September 2025) (in Russian).
- Den V. G., Shemetova E. V. (2020) Gastronomicheskiy turizm kak drayver razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii [Gastronomic Tourism as a Driver for Development of Russian Far East]. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University = Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik VGUES*, no 3, pp. 32–42 (in Russian).
- Dyatlova E. V. (2014) *Kitayskiy obshchepit v protsesse etnizatsii gorodskogo prostranstva (na primere Irkutska)* [Chinese Catering in the Process of Ethnicization of Urban Space (Case Study of Irkutsk)]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Political Science and Religious Studies Series = Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye*, vol. 10, pp. 166–179 (in Russian).
- Gavrilina L. M. (2023) «Dukh mesta» sovremennogo goroda kak ekzistentsialnaya potrebnost [The “Spirit of Place” of the Modern City as an Existential Need]. *Vestnik MGUKI*, no 115 (5), pp. 110–120 (in Russian).
- Gerosa A. (2015) *The Hipster Economy: Taste and Authenticity in Late Modern Capitalism*. Available at: <https://uclpress.co.uk/book/the-hipster-economy/> (accessed 10 January 2024).
- Gilmore J. H., Pain II B. J. (2009) *Autentichnost: chto po-nastoyashchemu khochut potrebiteley* [Authenticity: What Consumers Really Want], St. Petersburg: Best Business Books (in Russian).

- Guimarães P. P. C. (2021) Unfolding Authenticity within Retail Gentrification in Mouraria, Lisbon. *Journal of Tourism, Culture & Change*, vol. 20, no 1–2, pp. 221–240. Available at: <https://doi.org/10.1080/14766825.2021.1876079> (accessed 10 November 2025).
- Gulyaeva E. (2017) Chto delayet restoran etnicheskim? (na primere armianskikh restoranov v Sankt-Peterburge) [What Makes a Restaurant Ethnic? (Case Study of Armenian Restaurants in St. Petersburg)]. *Forum for Anthropology and Culture = Antropologicheskij forum*, no 32, pp. 67–94 (in Russian).
- Joseph S. (2017) *Autentichnost: kak byt soboy* [Authenticity: How to Be Yourself and Why it Matters], Moscow: Alpina Publiser (in Russian).
- Khatchkevich A. A. (2019) Ekonomika vpechatleniy: opyt i perspektivy razvitiya turisticheckoy otrasli v Altayskom krae [Economy of Experiences: Experience and Prospects of Tourism Industry Development in Altai Krai]. *Service and Tourism: Current Challenges = Sovremennye problemy servisa i turizma*, vol. 13, no 2, pp. 112–122 (in Russian).
- Lagusev Yu., Balyinin K. (2016) Gastronomicheskie brendy kak sredstva prodvizheniya destinatsiy [Gastronomic Brands as Tools for Destination Promotion]. *Service Plus = Servis plus*, vol. 10, no 2, pp. 9–16 (in Russian).
- Le T. H., Arcodia Ch., Novais M. A., Kralj A. (2022) How Consumers Perceive Authenticity in Restaurants: A Study of Online Reviews. *International Journal of Hospitality Management*, vol. 100, no 1, pp. 1–15.
- Lefebvre A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space], Moscow: Strelka Press (in Russian).
- Lunevich I. (2015) Autentichnost gorodskogo turisticheckogo opyta v situatsii rosta popularnosti geolokatsionnykh sotsialnykh setey [Authenticity of Urban Tourist Experience under Growing Popularity of Geolocation Social Networks]. *New Literary Observer = Novoe literaturnoe obozrenie*, no 133 (3). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/133_nlo_3_2015/article/11440/ (accessed 10 January 2024) (in Russian).
- MacCannell D. (1973) Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings. *American Journal of Sociology*, vol. 79, no 3, pp. 589–603.
- Mazankova T. (2015) Kitayskoe nastuplenie: razvitie kitayskoy kukhni v Khabarovske [Chinese Invasion: Development of Chinese Cuisine in Khabarovsk]. *Baikal Research Journal*, vol. 6, no 5, pp. 21–22 (in Russian).
- O'Neill C., Houtman D., Aupers S. (2014) Advertising Real Beer: Authenticity Claims beyond Truth and Falsity. *European Journal of Cultural Studies*, vol. 17, no 5, pp. 585–601.
- Piazzoni M. F. (2018) Authenticity Makes the City: How “the Authentic” Affects the Production of Space. *Planning AuthenticITIES* (eds. L. Tate, B. Shannon), London: Routledge, pp. 154–169.
- Plüg S., Collins A. (2020) The Work of “Authenticity” in the Age of Mechanical Reproduction: Constructions of Authenticity in South African Artisanal Brands. *Journal of Consumer Culture*, vol. 22, no 2, pp. 1–20.
- Polinskaya G. A. (2020) Vliyanie prostranstvennykh phaktorov na udovletvorennost posetiteley restoranov [Geographical Distribution of Catering Venues and the Importance of Geographical Factor for Customer].

Moscow University Economic Bulletin = Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika, no 1, pp. 156–180 (in Russian).

Pustarnakova A. A. (2007) Reprezentatsiya etnicheskikh «Drugikh» v gorodskom prostranstve [The Representation of Ethnic “Others” in the Space of the City]. *Vestnik SSU = Vestnik SamGU*, no 1 (51), pp. 41–49 (in Russian).

Radina N. K., Krupnaya D. A. (2022) Realizuya pravo na gorod: interpretatsii i nominatsiya gorodskikh ob'yektov gorozhanami (na materiale ergourbanonimov nestolichnykh megapolisev) [Realizing the Right to the City: Interpretations and Nomination of Urban Objects by Citizens (Based on Ergourbanonyms of Non-Metropolitan Cities)]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 5, pp. 172–195 (in Russian).

Schmidt K. Yu. (2023) Phenomen utraty unikalnosti arkhitekturnoy sredy malogo postsotsialisticheskogo goroda (aksiologicheskii i ontologicheskii aspekty) [Loss of Uniqueness Phenomenon of the Architectural Environment of a Small Post-Soviet City (Axiological and Ontological Aspects)]. *Society: Philosophy, History, Culture = Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no 6, pp. 72–77 (in Russian).

Steel C. (2014) *Golodnyi gorod: Kak eda opredelyaet nashu zhizn* [Hungry City: How Food Shapes Our Lives], Moscow: Strelka Press (in Russian).

Varshaver E. A., Rocheva A. L. (2014) Soobshchestva v kaphe kak sreda integratsii inoetichnykh migrantov v Moskve [Café Communities as an Environment for the Ethnic Integration of Migrants in Moscow]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 3 (121), pp. 104–114 (in Russian).

Veselov Yu. V., Chernov G. I. (2018) Eda i my: gastronomicheskii portret Peterburga [Food and We: Gastronomic Portrait of Saint Petersburg]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology (JSSA) = Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 21, no 1, pp. 182–209 (in Russian).

Wang N. (1999) Rethinking Authenticity in Tourism Experience. *Annals of Tourism Research*, vol. 26, no 2, pp. 349–370.

Weiler K., Gutschow N. (eds) (2017) *Authenticity in Architectural Heritage Conservation*, Cham: Springer International Publishing.

Wesener A. (2016) ‘This Place Feels Authentic’: Exploring Experiences of Authenticity of Place in Relation to the Urban Built Environment in the Jewellery Quarter, Birmingham. *Journal of Urban Design*, vol. 21, no 1, pp. 67–83.

Zaslavskaya A. Yu. (2014) Sokhranenie autentichnosti istoricheskoy gorodskoy sredy s pomoshchyu dizayn-tekhnologiy [Preservation of the Historical Urban Environment Authenticity by Means of Design Technology]. *Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences Scientific Center = Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 16, no 2 (3), pp. 742–745 (in Russian).

Zhang Y. (2018) Negotiating Authenticity in China's Urban Historic Preservations — The Case of the Kuan and Zhai Alleys in Chengdu. *Heritage & Society*, vol. 11, no 2, pp. 79–104.

Zukin Sh. (2015) *Kultury gorodov* [The Cultures of Cities], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Zukin Sh. (2019) *Obnazhennyi gorod. Smert i zhizn avtentichnykh gorodskikh prostranstv* [Naked City: Death and Life of Authentic Urban Spaces], Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian).

Received: July 8, 2025

Citation: Kalashnikova K. (2025) (Vos)proizvodstvo autentichnosti prostranstva v gastronomicheskom landshaphte sibirskikh i dalnevostochnykh gorodov [(Re)Producing the Authenticity of Space in the Gastronomic Landscape of Siberian and Far Eastern Cities]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 5, pp. 87–110. doi: [10.17323/1726-3247-2025-5-87-110](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-5-87-110) (in Russian).

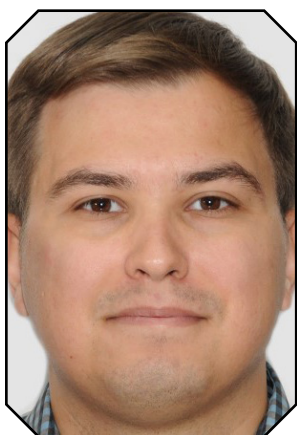
НОВЫЕ КНИГИ

А. В. Победоносцев

Антидемократическая контрреволюция надзорного капитализма

Рецензия на книгу: Зубофф Ш. 2025. *Надзорный капитализм или демократия?* (перев. с англ. под научной ред. А. Смирнова). М.: Изд-во Института Гайдара. 360 с.

ПОБЕДОНОСЦЕВ

Алексей Владимирович — Ph. D. по политическим и социальным наукам Европейского университетского института (Флоренция, Италия), доцент департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: apobedonostsev@hse.ru

Цифровые технологии не только преобразуют природу современной экономики и общества, но и бросают вызов привычному демократическому порядку. В новой работе «Надзорный капитализм или демократия? Противостояние институциональных порядков и политика знания в нашей информационной цивилизации» («*Surveillance Capitalism or Democracy? The Death Match of Institutional Orders and the Politics of Knowledge in Our Information Civilization*», 2022) американский исследователь Шошана Зубофф развивает идеи своей нашумевшей книги «Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти» («*The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*», 2019) и приходит к ещё более тревожным выводам по поводу политического будущего цифрового общества. Крупнейшие западные технологические корпорации нелегитимным и тайным способом собирают огромные массивы данных пользователей и используют их для превращения человеческого поведения в товар. Люди лишаются своих «эпистемических прав», в результате чего алгоритмы корпораций знают о людях больше, чем сами люди знают о себе. Техноолигархия использует это знание о пользователях для своего системного доминирования и подрыва демократического порядка. Надзорный капитализм подвергает эрозии принципы либеральной демократии, лишая народ политического суверенитета и превращая граждан в послушных исполнителей воли алгоритмов, которые управляют поведением масс в интересах новой цифровой олигархии. Для противодействия политической власти надзорного капитализма и защиты демократии Зубофф предлагает искоренить основное условие, исходно сделавшее его появлением возможным в начале XXI века, а именно бесконтрольный скрытый сбор персональных данных пользователей технологическими компаниями. Конфиденциальность пользователей и защита их персональных данных, по мнению Зубофф, должны быть гарантированы демократическим правительством, чтобы корпорации не могли при помощи алгоритмов бесконтрольно заниматься коммодификацией поведения людей. Сегодня перед человечеством стоит выбор между надзорным капитализмом и демократией. Зубофф убеждена, что в долгосрочной перспективе существование демократического порядка невозможно с дальнейшим развитием надзорного капитализма. Рано или поздно либо надзорный ка-

питализм разрушит демократию, либо демократический порядок даст решительный отпор власти техноолигархии и защитит права граждан в цифровую эпоху.

Ключевые слова: надзорный капитализм; демократия; цифровая экономика; демократический порядок; капитализм; персональные данные.

Введение

Отечественные издательства продолжают радовать русскоязычную аудиторию новыми переводами зарубежной научной литературы, посвящённой наиболее актуальным социальным проблемам современности. В последнее время на русском языке появились переводы сразу нескольких книг, посвящённых трансформациям капитализма в цифровую эпоху. В издательстве Ad Marginem вышла книга известного греческого экономиста и общественного деятеля Яниса Варуфакиса «Технофеодализм» [Варуфакис 2025], в которой автор констатирует смерть капитализма после экономического кризиса 2008–2009 гг. и широкого распространения так называемого облачного капитала (*cloud capital*). Издательство АСТ перевело и опубликовало небольшую книгу популярного немецкого философа корейского происхождения Бён-Чхоль Хана «Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху» [Хан 2025], в которой констатируется упадок публичной сферы под влиянием логики лайков и алгоритмов. В этом же ряду академических книг достойное место занимает изданный Институтом Гайдара перевод работы «Надзорный капитализм или демократия?» Шосаны Зубофф [Зубофф 2025b]. В этой работе гарвардский исследователь указывает на то, что современная форма цифрового капитализма угрожает демократическому порядку. Появление на русском языке переводов сразу нескольких знаковых работ, посвящённых влиянию цифровых технологий на природу современного общества, отражает дух времени и позволяет российскому читателю погрузиться в академические дискуссии о причинах и последствиях происходящих на наших глазах технологических трансформаций.

Шосана Зубофф, один из самых известных теоретиков цифрового капитализма, уже достаточно хорошо известна российскому читателю. В 2022 г. издательство Института Гайдара опубликовало перевод её объёмного труда «Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти» [Zuboff 2019b; Зубофф 2022], который вызвал большой интерес у отечественной публики. Теперь, в 2025 г., это же издательство публикует перевод работы Зубофф «Надзорный капитализм или демократия?» [Зубофф 2025b]. Сразу стоит оговориться, что список англоязычных публикаций Шосаны Зубофф не содержит книги с таким названием, однако есть большая статья, опубликованная в журнале «Organization Theory» в 2022 г. [Zuboff 2022]. Дело в том, что издательство Института Гайдара публикует перевод не книги, а статьи Зубофф. Полное название англоязычного оригинала можно перевести как «Надзорный капитализм или демократия? Противостояние институциональных порядков и политики знания в нашей информационной цивилизации» [Zuboff 2022]. В заглавие книги издательство вынесло только вопросительную часть названия статьи Зубофф [Зубофф 2025b]. При этом по не совсем понятным причинам сама статья «Surveillance Capitalism or Democracy?» публикуется в книге Института Гайдара под названием «Непреднамеренная антиутопия: надзорный капитализм как институциональный порядок» [Зубофф 2025c], которое хорошо отражает основную идею статьи Зубофф, но не является прямым переводом её заглавия.

Будет неправильно считать, что издательство Института Гайдара просто решило перевести очередную статью Зубофф и опубликовать её в виде книги. Так часто поступают российские издатели с переводами больших академических эссе. Однако книга «Надзорный капитализм или демократия?» является, скорее, сборником, нежели просто переводом, одной статьи в книжном формате. Помимо основной статьи Зубофф, книга содержит также приложение, в которое вошло ещё два интересных текста. Во-первых, это эссе Зубофф «“Пусть они попляшут”: надзорный капитализм, возникновение инструментальной

власти и угроза правам человека» [Зубофф 2025a], представляющее собой достаточно сжатое изложение основных аргументов её объёмной книги «Эпоха надзорного капитализма». Те читатели, которые не смогли осилить 784 страниц бестселлера Зубофф, могут обратиться к этому 62-страничному эссе и найти в нём концентрированное изложение всей теории надзорного капитализма. Ранее этот текст публиковался в сборнике издательства The MIT Press, посвящённом надзорному капитализму, в который, помимо Зубофф, вошли работы других заметных теоретиков платформ и цифрового общества [Zuboff 2019a]. Во-вторых, в приложение также включён перевод большой обзорной статьи белорусско-американского исследователя Евгения Морозова «Новое платье капитализма» [Морозов 2025], представляющей собой очень подробную (и при этом критичную) рецензию на книгу «Эпоха надзорного капитализма» [Zuboff 2019b], написанную для издания The Baffler в 2019 г. [Morozov 2019]. Таким образом, благодаря включённым в приложения текстам книга «Надзорный капитализм или демократия?» является настоящим подарком для всех читателей, интересующихся теорией Шосаны Зубофф и академической литературой о цифровом капитализме.

Стадии развития надзорного капитализма

Безусловно, статья «Надзорный капитализм или демократия?» (в русском переводе «Непреднамеренная антиутопия») — главный элемент всей рецензируемой книги. В ней Зубофф подробно показывает четыре стадии институционального порядка надзорного капитализма (*the surveillance capitalist institutional order*), указывающих на этапы его развития от самого зарождения на рубеже XXI века до нынешнего системного доминирования [Зубофф 2025с: 38]. Именно выделение стадий развития надзорного капитализма является главным вкладом этой работы Зубофф в развитие её теории надзорного капитализма, которой посвящена книга 2019 г. [Zuboff 2019; Зубофф 2022]. Для каждой стадии Зубофф отмечает «вектор управления» и «вектор вреда». Вектор управления (*the governance vector*) указывает на механизм, за счёт которого происходит развитие надзорного капитализма на данном этапе, тогда как вектор вреда (*the social harm vector*) указывает на его негативные последствия. Оба вектора на всех четырёх стадиях взаимосвязаны и логически вытекают друг из друга. Зубофф предлагает перспективу «единого поля» (*the unified field perspective*) для описания развития институционального порядка надзорного капитализма, в котором векторы управления и (или) вреда, возникшие на одной стадии развиваются и укрепляются на последующей. В своей работе Зубофф не предпринимает попытки предложить какую-нибудь социологическую теорию поля, как это сделали, например, Нил Флигстин и Даг Макадам [Флигстин, Макадам 2022]. Зубофф просто использует понятие «поле» для более логичного построения нарратива о стадиях развития надзорного капитализма, не опираясь при этом на какую-то чёткую теоретическую рамку и не давая ясного определения поля. Однако использование понятия «поле» можно считать удачной находкой Зубофф для построения её собственной теории надзорного капитализма. В статье «Надзорный капитализм или демократия?» эта теория сформулирована в более проработанном виде по сравнению с книгой «Эпоха надзорного капитализма».

Первую и основополагающую стадию формирования институционального порядка надзорного капитализма Зубофф называет «превращение поведения человека в товар (экономия за счёт масштаба)» [Зубофф 2025с: 40]. На этой стадии происходят «аннексия эпистемических прав» (*annexation of epistemic rights*) граждан и коммодификация их человеческого опыта. Как уже писала Зубофф в предыдущей книге [Зубофф 2022], после кризиса доткомов и трагедии 11 сентября 2001 г. находившаяся в сложной экономической ситуации молодая компания Google, а за ней и другие технологические корпорации открыли для себя новую модель бизнес-развития, основанную на скрытом сборе данных пользователей для дальнейшего навязывания им таргетированной рекламы. При помощи сбора данных пользователей компания Google (и другие корпорации Кремниевой долины) смогла присвоить себе так называемый поведенческий излишек (*behavioral surplus*) и использовала его не для улучшения качества предоставляемых пользователям услуг, а для увеличения прибылей за счёт рекламы и продажи данных.

Поведенческим излишком Зубофф называет ту часть собранных компаниями данных о пользователях, которая применяется не для улучшения предоставляемых услуг, а для манипуляции поведением. Главный вектор вреда на данной стадии развития надзорного капитализма заключается в разрушении конфиденциальности пользователей, чьи данные больше не защищаются государством и существующим законодательством.

На второй стадии развития надзорного капитализма происходит концентрация производства и потребления вычислительного знания (*computational knowledge*) [Зубофф 2025с: 87–104]. Корпорации превращают данные в знание об пользователях, которое даёт невиданную в человеческой истории «эпистатическую власть» (*epistemic authority*) над обществом. При помощи неограниченной датафикации поведения людей корпорации знают о людях больше, чем сами люди знают о себе. Это порождает вектор вреда, который Зубофф называет эпистемическим неравенством (*epistemic inequality*). Люди оказываются отчуждёнными от знания о себе, а технологические гиганты получают монополию на знание о поведении людей. На этой стадии корпорации получают возможность использовать собранные данные для построения моделей, предсказывающих поведение пользователей. Таким образом, корпорации приобретают знания не только о текущем поведении пользователей, но и об их возможных действиях в будущем.

Третью стадию Зубофф называет «удалённая активация поведения (экономия за счёт действия)», на которой происходит управление индивидуальным и коллективным поведением [Зубофф 2025с: 105]. На этой стадии корпорации используют свою эпистатическую власть для того, чтобы при помощи алгоритмов манипулировать поведением людей в своих интересах. Вектор вред на данной стадии заключён в «искусственном конструировании реальности» (*artificial construction of reality*), при котором корпорации получают возможность влиять не только на поведение, но также на чувства и сознание людей. Если на второй стадии компании получают возможность предсказывать гипотетическое поведение людей в зависимости от разных обстоятельств, то на третьей стадии эта информация используется для реального влияния на поступки пользователей.

Четвёртая (финальная) стадия развития надзорного капитализма называется «системное доминирование (экономия за счёт господства)» [Зубофф 2025с: 132–158]. На этой стадии технологические корпорации концентрируют в своих руках такую огромную власть, что пытаются вмешиваться в политику и в работу системы государственного управления. Вектор управления на данной стадии Зубофф оригинально называет «управление управлением» (*governance of governance*). На данной стадии технологическим гигантам становится мало управления поведением людей, они стремятся к доминированию над всей системой управления. Вектором вреда на данной стадии является «десоциализация общества» (*the desocialization of society*), поскольку управление корпорациями поведением людей очень часто ведёт к антисоциальным последствиям. В качестве примера Зубофф приводит действия технологических гигантов во время пандемии COVID-19, которые не позволили правительствам западных стран создать эффективную цифровую систему отслеживания заражённых коронавирусом. Проблема состояла в том, что корпорации хотели собирать данные о пользователях, не делаясь ими с национальными правительствами и не неся при этом никакой ответственности за свои действия. Также во время пандемии корпорации не предпринимали достаточных усилий для борьбы с дезинформацией в социальных сетях, результатом чего стала избыточная смертность от коронавируса. Во многом текст «Надзорный капитализм или демократия?» стал результатом размышлений Зубофф о роли технологических компаний во время пандемии COVID-19. Именно тогда стало очевидно, что технологические корпорации преследуют прежде всего свои экономические интересы, даже если на кону стоят жизни людей. Зубофф пишет, что «в информационной цивилизации системные угрозы достоверности информации становятся системными угрозами для общества и самой жизни» [Зубофф 2025с: 69].

Системное доминирование технологических корпораций является угрозой для демократического порядка, потому что в условиях надзорного капитализма они получают возможность влиять на коллективное поведение людей. Во время президентских выборов 2016 г. в США предвыборный штаб Дональда Трампа привлёк экспертов британской компании Cambridge Analytica, которые использовали алгоритмы социальных сетей, чтобы при помощи таргетированной рекламы понизить явку афроамериканских избирателей в ключевых колеблющихся штатах, это привело к поражению кандидата от Демократической партии Хиллари Клинтон. За прошедшие после этих выборов годы возможности технологических компаний влиять на политическое поведение людей только увеличились. Теперь технологические корпорации способны применять свою власть не только для точечных манипуляций над поведением граждан, но и для своего системного доминирования над логикой функционирования всего государственного управления.

Надзорный капитализм и кризис демократии

Зубофф указывает, что появлению надзорного капитализма предшествовала эпоха неолиберализма в политике и экономике. Многие предприниматели Кремниевой долины в 1990-е и 2000-е гг. находились под сильным идейным влиянием таких интеллектуалов, как Милтон Фридман и Фридрих фон Хайек, воспевавших свободный рынок и предпринимательский дух [Зубофф 2025с: 50–57]. В это же время многие предприниматели, активно развивавшие цифровые инновации в районе Сан-Франциско, приняли так называемую калифорнийскую идеологию [Barbrook, Cameron 1996], согласно которой государство должно минимально вмешиваться в деятельность стартапов и технологических компаний, так как именно они лучше всего понимают устройство рынка и реальные потребности общества. Во многом под влиянием неолиберальной «калифорнийской идеологии» формировалась политика Билла Клинтона (годы президентства: 1993–2001) и Джорджа Буша-младшего (годы президентства: 2001–2009) по отношению к технологическим компаниям. Эта политика предусматривала предоставление максимальной свободы действий для инновационных компаний и цифровых стартапов. Слабое регулирование цифровой экономики на заре её возникновения позволило небольшим стартапам безнаказанно собирать данные пользователей и применять их для реализации своих бизнес-стратегий, обеспечивших им экспоненциальное развитие. Когда эти технологические компании (такие как Google) выросли в богатые и влиятельные корпорации, стало политически сложно запретить им продолжать собирать данные пользователей, поскольку они стали активно употреблять своё «системное доминирование» для лоббирования своих интересов в органах государственной власти. Именно это системное и политическое доминирование технологических гигантов, по мысли Зубофф, и несёт главную угрозу демократии.

Однако работа Зубофф оставляет место и для альтернативной интерпретации отношений между надзорным капитализмом и демократией, хотя автор не пишет об этом напрямую. Возможно, само появление надзорного капитализма на рубеже веков было одним из множества симптомов упадка демократического порядка, но не его причиной. После «неолиберальной революции» Рональда Рейгана (годы президентства: 1981–1989) в США и Маргарет Тэтчер (премьер-министра в 1979–1990 гг.) в Великобритании некоторые политологи заговорили о кризисе демократии в западных капиталистических странах и появлении на их месте так называемой постдемократии [Крауч 2010; Майр 2019]. Под постдемократией британский социолог Колин Крауч понимает такую политическую систему, когда формально продолжают существовать демократические институты (свободные выборы, верховенство закона, разделение властей, сменяемость власти и др.), но реальная власть концентрируется в руках элиты, в которую входят ведущие капиталисты, профессиональные политики и влиятельные бюрократы [Крауч 2010]. Иными словами, постдемократия — это формально демократическая политическая система, лишённая своего демократического содержания. Появление постдемократии отражает глубокие политические и социальные трансформации в западных обществах, где политическая элита

оторвалась от народа и больше не представляет его интересы [Майер 2010]. Та лёгкость, с которой технологические компании смогли построить свои бизнес-модели на нарушении конфиденциальности обычных пользователей, указывает на то, что уже в начале 2000-х гг. демократические правительства не справлялись со своей задачей защиты прав граждан. Не исключено, что истоки кризиса современного демократического порядка лежат гораздо глубже, чем полагает Зубофф, и феномен надзорного капитализма сам по себе отражает какие-то более фундаментальные трансформации, происходящие в современном обществе, переход на какую-то новую, пока нам неведомую, стадию развития.

В эссе Шошаны Зубофф «Пусть они попляшут» [Зубофф 2025а], которое также вошло в рецензируемую книгу, есть интересные размышления о параллелях между современным понятием «надзорный капитализм» и историческими теориями тоталитаризма середины XX века. Зубофф указывает, что в 1930-е и даже 1940-е гг. многие политологи и социологи не обладали достаточным концептуальным аппаратом для описания и объяснения того, что впоследствии стало называться тоталитаризмом. Тоталитарные режимы со всеми их ужасными практиками оказались настолько радикально новым явлением для современников, что его было сложно описать при помощи существовавших на тот момент научных понятий и теорий [Зубофф 2025а: 211–216]. Лишь после работ Франца Ноймана, Ханны Арендт, Карла Фридриха у учёных появились язык и категориальный аппарат для описания и объяснения природы тоталитаризма [Friedrich 1954; Арендт 1996; Нойманн 2015]. Зубофф полагает, что, возможно, теория надзорного капитализма — лишь один из первых шагов в выработке аналитического языка и категориального аппарата для описания формирующейся на наших глазах цифровой реальности. Феномен надзорного капитализма отражает такие радикальные трансформации в цифровой экономике, что у нас всё ещё нет достаточных концептуальных инструментов для того, чтобы в полной мере зафиксировать и осознать глубину всех происходящих изменений. Возможно, в будущем исследователи будут также скептически относиться к понятию «надзорный капитализм», как современные историки и политологи относятся к устаревшим теориям тоталитаризма.

Возможно ли обуздать надзорный капитализм?

Будет неправильно считать работу Зубофф лишь очередным пессимистическим рассуждением о ближайшем будущем цифровой цивилизации, которых в последнее время появилось достаточно много в социальных науках. Несмотря на достаточно мрачное описание реальности современной цифровой экономики, она оставляет место надежде, что человечеству всё-таки удастся обуздать надзорный капитализм и минимизировать его негативные последствия [Зубофф 2025с: 162]. Зубофф утверждает: поскольку возникновение надзорного капитализма стало возможным благодаря решениям, принятым бизнес-элитой и политиками, людям под силу обратить вспять его институциональное развитие. Для искоренения всех негативных последствий надзорного капитализма нужно вернуться к первой (и основополагающей) стадии его развития, на которой компании стали безнаказанно и бесконтрольно собирать данные пользователей. Только через введение эффективного регулирования, защищающего конфиденциальность данных пользователей, можно бороться с векторами вреда, порождаемыми институциональным развитием надзорного капитализма. В качестве позитивного примера Зубофф приводит опыт Европейского союза, где недавно были введены одни из самых жёстких законов по защите конфиденциальности пользователей в Интернете. Однако опыт европейских стран упомянут в книге довольно кратко, Зубофф не погружает читателя в детали того, в чём именно законодательство ЕС защищает данные пользователей эффективнее по сравнению с США и другими странами.

Само название работы «Надзорный капитализм или демократия?» прямо указывает, что ее автор полагает: в долгосрочной перспективе невозможно мирное сосуществование надзорного капитализма и демократии. Рано или поздно надзорный капитализм должен разрушить демократический порядок и заменить его какой-то новой формой цифрового авторитаризма или, при более оптимистичном разви-

тии событий, внутри демократии должны выкристаллизоваться какие-то политические силы, которые бросят вызов логике надзорного капитализма и повернут негативные тенденции последних лет вспять. Зубофф считает второй вариант развития событий наиболее желательным. Главными движущими силами возможных позитивных перемен должны стать национальные правительства, которые могут ввести регулирование, защищающее персональные данные и права граждан на приватность и конфиденциальность в сети. Однако борьба с надзорным капитализмом, в свою очередь, также может угрожать демократическому порядку. В своей работе Зубофф никак не реагирует на возможные возражения, что увеличение полномочий государства в регулировании процесса сбора персональных данных способно привести к тому, что политическая власть при надзорном капитализме просто из рук технологических корпораций перейдёт в руки национальных правительств, которые будут использовать «эпистемическую власть» для программирования политического поведения граждан. Эпоха надзорного капитализма уже успешно показала нам, какую власть даёт контроль над персональными данными, и было бы очень наивно полагать, что крупные корпорации, политики и национальные правительства добровольно откажутся от этой власти ради защиты цифровых прав граждан.

Неправильный капитализм

В обширной рецензии «Новое платье капитализма» Евгений Морозов указывает, что, пожалуй, самым слабым моментом в теории Зубофф является понимание капитализма [Морозов 2025: 292]. В своих работах Зубофф не подвергает критике саму капиталистическую природу современной экономики, не прибегает к марксистской теории для анализа, несмотря на использование таких квазимарксистских понятий, как «поведенческий излишек» (*behavioral surplus*). По мнению Морозова, Зубофф является функционалистом в своей интерпретации капитализма в духе других прославленных гарвардских профессоров — Альфреда Чандлера и Толкотта Парсонса [Морозов 2025: 250–255]. Они считали, что капитализм сам по себе является нейтральной экономической системой, в которой корпорации реагируют на изменения во внешней среде, пытаясь адаптироваться к ним. Согласно такой функционалистской логике, возникновение надзорного капитализма со всеми его негативными практиками является скорее случайностью, чем закономерным результатом эволюции капитализма.

В своих работах Зубофф продвигает «пользовательский капитализм» в качестве здоровой альтернативы надзорному капитализму, то есть такую модель цифрового капитализма, в которой данные пользователей собираются и применяются исключительно для улучшения предоставляемых сервисов и услуг. В отличие от надзорного капитализма, пользовательский капитализм не присваивает «поведенческий излишек» и не занимается превращением человеческого поведения в товар для увеличения прибылей корпораций [Зубофф 2022]. Иными словами, пользовательский капитализм представляет собой «хорошую» версию цифрового капитализма, тогда как надзорный капитализм — его искажённый, «плохой» вариант. Однако, как справедливо замечает Евгений Морозов, остаётся неясным, почему пользовательский капитализм не должен со временем превращаться в надзорный капитализм. Не слишком ли Зубофф идеализирует одну форму капитализма и демонизирует другую? Возможно, оба вида капитализма не так уж и сильно отличаются друг от друга, как пытается нас в этом убедить Зубофф. Обе формы капитализма ориентированы на потребителя и удовлетворение его нужд, поэтому в обеих разновидностях капитализма корпорации будут неизбежно испытывать искушение собирать данные и использовать их в своих бизнес-моделях. Дело не в том, что один капитализм «хороший», а другой «плохой», а в том, что в цифровую эпоху сама логика капитализма и стремление крупных корпораций к извлечению прибыли будут неизбежно толкать их на реализацию таких бизнес-решений, которые подразумевают бесконтрольный сбор данных для дальнейшего превращения поведения людей в товар.

Заключение

Книга «Надзорный капитализм или демократия?» заставляет задуматься об историческом моменте, в котором нам довелось жить. Шошане Зубофф удалось ясно обозначить наиболее острые противоречия нашего времени. Цифровая революция и технологический прогресс обещали обществу расширение свободы и новые формы политического участия. Однако на практике они привели к суровой реальности надзорного капитализма, в котором люди со своим человеческим опытом превратились в поставщиков дешёвого сырья в виде персональных данных для технологических гигантов. Современная цифровая экономика не расширяет права граждан, а концентрирует власть и богатство в руках ведущих технологических корпораций. Техноолигархия при помощи алгоритмов и вычислительных моделей получает возможность программировать и управлять поведением людей, игнорируя демократические институты.

Зубофф оставляет нам надежду, что демократия в конце концов сможет победить наиболее негативные последствия надзорного капитализма. В логике «двойного движения» Карла Поланьи [Поланьи 2002] реакцией на экспансию надзорного капитализма с его безжалостной коммодификацией человеческого поведения должны стать более эффективная защита персональных данных пользователей и более жёсткое регулирование деятельности технологических гигантов. Для самосохранения общество рано или поздно должно бросить вызов антисоциальным эффектам надзорного капитализма, или тому, что Зубофф называет вектором десоциализации общества. Время покажет, получится ли у человечества успешно противостоять надзорному капитализму и взять его под контроль или в цифровую эпоху нам предстоит столкнуться с каким-то более мрачным будущим.

Литература

- Арендт Х. 1996. *Истоки тоталитаризма* (перев. с англ. И. Борисовой, Ю. Кимелева, А. Ковалева, Ю. Мишкенене, Л. Седова; под ред. М. Ковалевой, Д. Носова). М.: ЦентрКом.
- Варуфакис Я. 2025. *Технофеодализм: что убило капитализм* (перев. с англ. А. Снигирова). М.: Ad Marginem.
- Зубофф Ш. 2022. *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти* (перев. с англ. А. Васильева; под ред. Я. Охонько, А. Смирнова). М.: Изд-во Института Гайдара.
- Зубофф Ш. 2025а. «Пусть они попляшут»: надзорный капитализм, возникновение инструментальной власти и угроза правам человека. В кн.: Зубофф Ш. *Надзорный капитализм или демократия?* (перев. с англ. под научной ред. А. Смирнова). М.: Изд-во Института Гайдара; 175–237.
- Зубофф Ш. 2025b. *Надзорный капитализм или демократия?* (перев. с англ. под научной ред. А. Смирнова). М.: Изд-во Института Гайдара.
- Зубофф Ш. 2025c. Непреднамеренная антиутопия: надзорный капитализм как институциональный порядок. В кн.: Зубофф Ш. *Надзорный капитализм или демократия?* (перев. с англ. под научной ред. А. Смирнова). М.: Изд-во Института Гайдара; 21–171.
- Крауч К. 2010. *Постдемократия* (пер. с англ. под науч. ред. В. Анашвили). М.: Изд. дом ВШЭ.
- Майр П. 2019. *Управляя пустотой: размывание западной демократии* (перев. с англ. Д. Маткина, А. Новиков, И. Соболева, В. Степанова). М.: Изд-во Института Гайдара.

- Морозов Е. 2025. Новое платье капитализма (перев. с англ. А. Васильева). В кн.: Зубофф Ш. *Надзорный капитализм или демократия?* (перев. с англ. под научной ред. А. Смирнова). М.: Изд-во Института Гайдара; 238–311.
- Нойманн Ф. 2015. *Бегемот. Структура и практика национал-социализма, 1933–1944* (перев. с англ. В. Быстрова). СПб.: Владимир Даль.
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени* (перев. с англ. А. Васильева, А. Шурбелева; под общ. ред. С. Е. Фёдорова). СПб.: Алетейя.
- Флигстин Н., Макадам Д. 2022. Теория полей (перев. с англ. Е. Головляницыной; под научной ред. В. Радаева). М.: Изд. дом ВШЭ.
- Хан Б.-Ч. 2025. *Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху*. М.: АСТ.
- Barbrook R., Cameron A. 1996. The Californian Ideology. *Science as Culture*. 6 (1): 44–72.
- Friedrich C. J. 1954. *Totalitarianism*. New York: Grosset & Dunlap.
- Jørgensen R. 2019. *Human Rights in the Age of Platforms*. Cambridge: The MIT Press.
- Morozov E. 2019. Capitalism’s New Clothes. *The Baffler*. February 4. Available at: <https://thebaffler.com/latest/capitalisms-new-clothes-morozov> (accessed 27 October 2025).
- Zuboff S. 2019a. ‘We Make Them Dance’: Surveillance Capitalism, the Rise of Instrumentarian Power, and the Threat to Human Rights. In: Jørgensen R. (ed.). *Human Rights in the Age of Platforms*. Cambridge: The MIT Press; 3–51.
- Zuboff S. 2019b. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books.
- Zuboff S. 2022. Surveillance Capitalism or Democracy? The Death Match of Institutional Orders and the Politics of Knowledge in Our Information Civilization. *Organization Theory*. 3: 1–79. doi: [10.1177/26317877221129290](https://doi.org/10.1177/26317877221129290).

NEW BOOKS

Aleksei Pobedonostsev

The Anti-Democratic Counterrevolution of Surveillance Capitalism

Book Review: Zuboff S. (2025) *Nadzornyy kapitalizm ili demokratiya?* [Surveillance Capitalism or Democracy?], Moscow: The Gaidar Institute Press (in Russian). 360 p.

POBEDONOSTSEV, Aleksei — Ph. D. in Political and Social Sciences of the European University Institute (Florence, Italy), Assistant Professor at the School of Sociology, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: apobedonostsev@hse.ru

Abstract

Digital technologies are not only transforming the nature of the contemporary economy and society, but also challenging the democratic order, as we know it. In her new work ‘Surveillance Capitalism or Democracy?’ American scholar Shoshana Zuboff expands upon the ideas developed in her bestseller ‘The Age of Surveillance Capitalism’ and arrives at even more alarming conclusions about the political future of digital society. The largest technology corporations illegally and secretly collect vast amounts of user data, which they then use to turn human behavior into a commodity. People are deprived of their ‘epistemic rights,’ which results in corporate algorithms knowing more about them than they know about themselves. The techno-oligarchy uses this knowledge to consolidate its power and erode the democratic order. Zuboff argues that surveillance capitalism undermines the principles of liberal democracy by stripping citizens of political sovereignty and turning citizens into obedient executors of

algorithms that manipulate the behavior of the masses for the benefit of the new digital oligarchy. To counter the political power of surveillance capitalism and defend democracy, Zuboff proposes eliminating the very condition that enabled its rise in the early 21st century: the uncontrolled and covert collection of users’ personal data by technology companies. Zuboff argues that democratic governments must safeguard user privacy and protect personal data to prevent corporations from commodifying human behavior through unchecked algorithms. Today, humanity must choose between surveillance capitalism and democracy. Zuboff argues that the democratic order cannot endure the long-term expansion of surveillance capitalism. Either surveillance capitalism will undermine democracy, or the democratic order will resist the techno-oligarchy and protect citizens’ rights in the digital age.

Keywords: surveillance capitalism; democracy; digital economy; democratic order; capitalism; personal data.

References

- Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow: TsentrKom (in Russian).
- Barbrook R., Cameron A. (1996) The Californian Ideology. *Science as Culture*, vol. 6, no 1, pp. 44–72.
- Crouch C. (2010) *Postdemokratiya* [Post-Democracy], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *Teoriya poley* [A Theory of Fields], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

- Friedrich C. J. (1954) *Totalitarianism*, New York: Grosset & Dunlap.
- Han B.-C. (2025) *Inphokratiya istina i svoboda v tsiphrovuyu ehpokhu* [Infocracy: Digitization and the Crisis of Democracy], Moscow: AST Press (in Russian).
- Jørgensen R. (2019) *Human Rights in the Age of Platforms*, Cambridge: The MIT Press.
- Mair P. (2019) *Upravlyaya pustotoy razmyvanie zapadnoy demokratii* [Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy], Moscow: The Gaidar Institute Press (in Russian).
- Morozov E. (2019) Capitalism's New Clothes. *The Baffler*. February 4. Available at: <https://thebaffler.com/latest/capitalisms-new-clothes-morozov> (accessed 27 October 2025).
- Morozov E. (2025) Novoe plat'e kapitalizma [Capitalism's New Clothes]. *Nadzornyy kapitalizm ili demokratiya?* [Surveillance Capitalism or Democracy?] (Zuboff S.), Moscow: The Gaidar Institute Press, pp. 238–311 (in Russian).
- Neumann F. (2015) *Begemot struktura i praktika natsional socializma, 1933–1944* [Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism], St Petersburg: Vladimir Dal' Press (in Russian).
- Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya: Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Aletheia (in Russian).
- Varoufakis Y. (2025) *Tekhnopheodalizm chto ubilo kapitalizm* [Technofeudalism: What Killed Capitalism], Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Zuboff S. (2019a) 'We Make Them Dance': Surveillance Capitalism, the Rise of Instrumentarian Power, and the Threat to Human Rights. *Human Rights in the Age of Platforms* (ed. R. Jørgensen), Cambridge: The MIT Press, pp. 3–51.
- Zuboff S. (2019b) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, London: Profile Books.
- Zuboff S. (2022a) *Ehpokha nadzornogo kapitalizma bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power], Moscow: The Gaidar Institute Press (in Russian).
- Zuboff S. (2022b) Surveillance Capitalism or Democracy? The Death Match of Institutional Orders and the Politics of Knowledge in Our Information Civilization. *Organization Theory*, vol. 3, pp. 1–79. doi: [10.1177/26317877221129290](https://doi.org/10.1177/26317877221129290)
- Zuboff S. (2025a) Pust oni poplyashut nadzornyy kapitalizm vozniknovenie instrumentalnoy vlasti i ugroza pravam cheloveka ['We Make Them Dance': Surveillance Capitalism, the Rise of Instrumentarian Power, and the Threat to Human Rights]. *Nadzornyy kapitalizm ili demokratiya?* [Surveillance Capitalism or Democracy?], Moscow: The Gaidar Institute Press, pp. 175–237 (in Russian).
- Zuboff S. (2025b) *Nadzornyy kapitalizm ili demokratiya?* [Surveillance Capitalism or Democracy?], Moscow: The Gaidar Institute Press (in Russian).

Zuboff S. (2025c) Neprednamerennaya antiutopiya nadzornyy kapitalizm kak institutsionalnyy poryadok [Surveillance Capitalism or Democracy? The Death Match of Institutional Orders and the Politics of Knowledge in Our Information Civilization]. *Nadzornyy kapitalizm ili demokratiya?* [Surveillance Capitalism or Democracy?], Moscow: The Gaidar Institute Press, pp. 21–17 (in Russian).

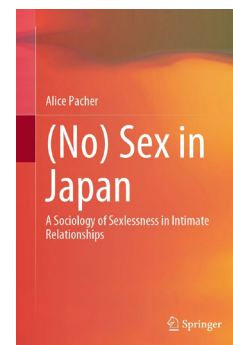
Received: October 28, 2025

Citation: Pobedonostsev A. (2025) Antidemokraticeskaya kontrevolyutsiya nadzornogo kapitalizma [The Anti-Democratic Counterrevolution of Surveillance Capitalism. Book Review: Zuboff S. (2025) Surveillance Capitalism or Democracy? Moscow: The Gaidar Institute Press]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 5, pp. 111–122. doi: [10.17323/1726-3247-2025-5-111-122](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-5-111-122) (in Russian).

Е. С. Белявская

«Белый брак» по-японски¹

Рецензия на книгу: Pacher A. 2022. *(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*. Cham: Springer. 209 pp.

БЕЛЯВСКАЯ Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, эксперт Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: belyavskaya.e@yandex.ru

Сознательно неконсуммированный союз, в котором супруги отказываются от сексуальной жизни, исторически называют белым браком. В рецензии на книгу Элис Пэчер «В Японии секса нет. Социология асексуальности в интимных отношениях» [Pacher 2022] рассматривается феномен супружеской асексуальности, проблематизирующий многообразие современных социальных представлений о связи брака и сексуальности. На основе сравнительного социологического анализа нарративов японских и немецких пар об их сексуальных отношениях книга демонстрирует, что интимность — не универсальное свойство брака, а социокультурный конструкт, в котором секс между супругами оказывается производной от социально-экономических и культурных динамик.

Рецензия показывает, как общее нездоровье, экономическая нестабильность, усталость от работы, изменения семейной модели, родительско-центричная структура японской семьи и успехи индустрии коммерческого секса ведут к снижению сексуального влечения и отказу от интимных отношений в браке. Японские респонденты связывают секс с репродуктивным долгом, а не с эмоциональной близостью; их эротическое влечение вытесняется во внебрачные связи и коммерческий секс. У немецких респондентов Э. Пэчер установки японцев в отношении сексуального поведения вызывают отторжение и подозрение в культурной неразумности. В основе европейской модели романтического сексуального союза пока ещё лежит углубление сексуальной близости между партнёрами, что придаёт этой форме социальной организации рекреационный и даже духовный смысл.

Особое внимание в рецензии уделяется методологическим вызовам межкультурного сравнения асексуальности — отсутствию единого определения сексуальной активности, языковым дефицитам в артикуляции сексуального опыта, нормативному давлению, скрытому в евроцентричных теориях. Рецензия предостерегает от экзотизации японского кейса, приглашая исследователей семьи, супружества, интимности и пронатализма к большей рефлексивности собственных аналитических категорий.

Ключевые слова: исследования сексуальности; сексуальное здоровье; сексуальное благополучие; брак; интимность; измены; рынок.

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение: многообразие культурных режимов интимности

То, какое место секс занимает в отношениях между супругами, не только биологическая данность, но и отражение экономических условий, социальных структур и культурного давления.

«Пожалуйста, только не секс, мы из Японии» — дискурсивная формула, которую выводит социолог Элис Пэчер в книге «(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships» («В Японии секса нет. Социология асексуальности в интимных отношениях») [Pacher 2022], чтобы проблематизировать набирающий обороты феномен браков, в которых пара может больше месяца не заниматься сексом и не беспокоиться об этом. В обыденной речи брак без сексуальной жизни, не различая добровольную асексуальность и вынужденную сексуальную депривацию, называют белым браком.

В Японии тема сексуального здоровья получила высокий уровень институционального внимания, что создало уникальные условия для накопления и анализа масштабных эмпирических данных о сексуальных установках и практиках в японском обществе. Изучение сексуальной жизни населения здесь активно поддерживается государственными и профессиональными организациями, включая Японскую ассоциацию планирования семьи (Japan Family Planning Association), Японское общество сексуальной науки, Японскую ассоциацию сексуального образования (Japan Association of Sex Education). Вопросы сексуальной жизни регулярно включаются в крупные национальные исследования, такие как «Национальное исследование рождаемости» и «Национальное исследование сексуального поведения молодёжи», «Сексуальное поведение и установки японцев». Проводится много эмпирических оценок сексуальной жизни отдельных социальных групп («Опрос образа жизни и установок мужчин и женщин», «Сексуальность в среднем и пожилом возрасте», «Белая книга по сексуальности молодёжи»).

Парадоксальным образом высокий уровень институционального интереса к сексу как демографическому ресурсу сосуществует в Японии с его вытеснением из повседневной жизни. С начала 2000-х гг. фиксируется устойчивый рост числа пар детородного возраста, которые не занимаются сексом. При этом 59,1% участников таких союзов заявляют, что не хотят ничего менять.

Тенденция к асексуальности в японском обществе, показанная в исследовании Э. Пэчер, выходит за пределы супружеских отношений, охватывая разные социальные группы, в том числе поколенческие. Молодёжь демонстрирует растущий уровень тревожности в отношении сексуальности: молодые японцы не целуются на свиданиях, избегают физической близости, мастурбируют настолько редко, что у юношей снижается тестостерон, поздно начинают половую жизнь и часто прекращают её полностью после рождения первого ребёнка. Пожилые люди часто полностью утрачивают сексуальную жизнь. Даже находясь в браке, они избегают телесной близости, могут годами не иметь коитусов, не делить постель и даже не держаться за руки. В целом формируется культурный контекст, в котором секс теряет статус обязательного компонента гендерных отношений, а эмоциональная и телесная близость замещается другими формами социальной связи.

Книга «(No) Sex in Japan...» представляет собой сравнительное эмпирическое исследование. В качестве контрольного случая для контрастирования японского общества автор включает полевой материал из Германии. Из восьми глав книги семь посвящены подробному анализу эмпирических данных об интимных отношениях в японских и немецких супружеских парах, а завершающая глава рассматривает особенности медиадискурса о сексе в современной Японии.

В этой рецензии я обозначу ключевые аналитические векторы, сквозные для всего исследования, которые представляют интерес для экономических социологов, исследующих сексуальное здоровье и благополучие, динамику гендерных отношений, в том числе в браке, особенности межпоколенческой

динамики в интимных установках, маркетизацию сексуальности, а также культурные и институциональные условия, влияющие на репродуктивное поведение.

Фундаментальная значимость исследования Пэчер состоит в выдвижении гипотезы о том, что отказ от секса больше не может рассматриваться как девиация, а должен изучаться как манифестация локального культурного порядка.

В то время как в западном дискурсе, продвигаемом, в частности, Всемирной организацией здравоохранения и Международной ассоциацией сексуального здоровья, сексуальное благополучие человека, в том числе его удовлетворённость сексуальной жизнью, считается неотъемлемой составляющей общего здоровья и качества жизни, в японском обществе происходит осмысление того, что сексуальные отношения больше не являются необходимым элементом супружества. Описанный Пэчер кейс Японии радикально проблематизирует западные универсалистские подходы к супружеской близости. Он показывает, что сексуальность в браке не обязательно усиливает интимность и не всегда воспринимается как желаемая часть семейной жизни. Это открывает поле для пересмотра теоретических оснований исследований интимности, ставит под сомнение нормативные установки о сексе в современном браке, доминирующие в западной исследовательской мысли, и подталкивает к признанию культурного многообразия режимов интимности.

Асексуальность в браке как новая норма: японский контекст

Общественное внимание к феномену асексуальных браков (*sexless marriage*) усилилось после публикации в 2005 г. международного исследования компании Durex, согласно которому Япония оказалась на последних позициях по частоте половых актов и уровню сексуального удовлетворения. Эти данные вызвали широкий резонанс в японских медиа и стали поводом для бурных общественных дискуссий. Социальные науки, подключившиеся к изучению темы, показали, что обвальное снижение сексуальной активности в японском обществе объясняется целым рядом факторов, таких как экономическая уязвимость, проблемы сексуального здоровья, детоцентричность семейной структуры и традиции родительства. При этом острый кризис супружеской близости компенсируется лёгкой доступностью коммерческих сексуальных услуг, что ещё больше подрывает традиционные формы интимной жизни. Пэчер приводит разнообразные данные, раскрывающие механику асексуализации. Не лишая читателей интриги, я просто обозначу некоторые опорные элементы этой механики.

Экономика и либидо

Экономическая нестабильность (низкий доход, нерегулярная занятость, бедность) играет важную роль в деэротизации гендерных отношений. Японский случай особенно ярко иллюстрирует связь между уровнем дохода, условиями жизни и сексуальной активностью в браке.

Пэчер показывает, что у людей с низким доходом значительно выше вероятность оказаться в асексуальных отношениях. При финансовой уязвимости и нестабильной занятости приоритетом становится выживание, а не романтика, свидания или интимная близость. Отношения и секс отступают на второй план.

Существенное влияние оказывают и жилищные условия: в маленьких квартирах с тонкими стенами и отсутствием уединения от детей сложно создать пространство для интимности. Таким образом, экономическая уязвимость влияет не только на общий уровень жизни, но и на сексуальное взаимодействие между супругами.

С конца 1980-х гг. трансформация семейной модели — от паттерна «муж-кормилец и жена-домохозяйка» к модели двойного дохода, когда работают оба супруга, то есть томобатараки — значительно изменила динамику супружеских отношений в Японии. К 2014 г. модель с двумя работающими супругами стала нормой. Однако стремление сбалансировать работу и личную жизнь на практике обернулось ростом хронической усталости и снижением сексуальной активности. Журнальные публикации и опросы сначала фиксировали рост асексуальности именно в таких парах. Сексуальность начала восприниматься как необязательный элемент брака, уступая место работе, карьерным амбициям и выгоранию, которое становится хроническим у обоих полов. Сексуальная жизнь в таких парах теряет эмоциональную ценность: партнёры не только физически измотаны, но и психологически перегружены.

Таким образом, трансформация семейной экономики и рост трудовой нагрузки напрямую сказываются на снижении частоты и значимости сексуальных контактов в японских браках. Под давлением экономики секс в Японии превращается в то, на что «не остаётся сил». В культуре прорастает установка, что интимные супружеские отношения — это бремя. В японском языке это отражается в использовании слова мэндукусаи (*mendokusai*), которое применяется японцами в ситуациях, когда необходимо сделать что-то нежелательное или требующее мобилизации ресурсов (например, стирка). Употребление этого слова по отношению к сексу говорит не столько о его отсутствии, сколько о смене ценностного отношения к нему: проще отказаться от секса, чем в него вкладываться.

Супружеский секс и сексуальное здоровье нации

Первоначально национальные гранты на изучение сексуального поведения в японских парах направлялись преимущественно в сферу медицины. Врачи и клиницисты фиксировали асексуальность как нарастающую клиническую проблему, связывая её с широко распространённой эректильной дисфункцией у мужчин, вагинизмом у женщин, расстройствами сексуального влечения и сексуальной аверсией у обоих полов. Главный акцент при этом делался на репродуктивную функцию секса: эрекция в период овуляции рассматривалась как задача медицинского вмешательства, вне зависимости от сексуального желания партнёров. Доминировал медикализированный подход к сексуальной жизни, что сказывалось на культурных интерпретациях сексуальных практик. Например, трудности с эякуляцией во влагалище — что критически важно для зачатия — связывались в первую очередь с некорректными практиками мастурбации, затрудняющими телесный контакт с партнёром.

С тех пор медицинская статистика продолжает фиксировать, что до 40% японских мужчин и женщин испытывают боль при половом акте, особенно после рождения первого ребёнка, что нередко приводит к полному прекращению сексуальной жизни в браке. Несмотря на сохраняющуюся тенденцию рассматривать сексуальность медикализированно, в японском обществе так и не сложилась практика обращения за помощью для преодоления этой проблемы.

Японская модель родительства как фактор супружеской асексуальности

В японской культуре структура семьи ориентирована не на супружескую пару, а на ребёнка. Родительство является главной осью семейной идентичности, а сексуальность супругов, скорее, вытесняется. Пэчер объясняет, что исследования любви, семьи и отношений в Японии преимущественно сосредоточены на связи между матерью и ребёнком, в то время как тема супружеской сексуальности оказывается на периферии [Pacher 2019: 46].

Пронаталистское давление в японском обществе остаётся крайне высоким и легитимным. Многие пары сталкиваются с побочными эффектами гормональной терапии бесплодия, которая приводит к снижению либидо у обоих партнёров. Дополнительное напряжение создают расширенные семьи: мо-

лодые пары нередко жалуются, что родители с обеих сторон считают допустимым вмешиваться в их интимную жизнь, навязчиво контролируя репродуктивные решения. Это часто приводит к снижению сексуального желания и усилению дистанции между партнёрами.

Респонденты в исследовании Пэчер напрямую связывают сексуальные отношения с деторождением, а не с углублением интимности между партнёрами.

Рождение ребёнка в японской семье зачастую воспринимается как естественное завершение супружеской сексуальности, что проявляется и в организации семейной повседневности. Например, распространена практика совместного сна матери с младенцем, которая усиливает детско-родительскую связь, но вытесняет партнёрскую близость. После рождения ребёнка происходит сдвиг в самоидентификации: партнёры начинают воспринимать друг друга не как «муж» и «жена», а как «отец» и «мать». Женщины, особенно в первые годы после родов, часто отказываются от сексуальной близости, объясняя это как эмоциональным выгоранием, так и невозможностью настроиться на интимность при постоянном присутствии ребёнка.

Ситуацию усугубляет культурная практика, согласно которой женщина уезжает рожать в дом родителей. Это откладывает формирование отцовской идентичности у мужчин. Вернувшись к совместной жизни, мужчина сталкивается с образом «умелой матери» и перестаёт воспринимать супругу в эротическом ключе.

В результате формируется устойчивая модель, в которой родительские роли доминируют над супружескими, а сексуальность продолжает вытесняться из брака как лишняя и обременительная. В японском обществе, достигшем зрелой стадии модернизации, дети социализируются в семьях, где между родителями фактически отсутствует телесная и эмоциональная близость, которую раньше обеспечивала их совместная сексуальная жизнь.

На фоне хронической усталости от работы, высокой нагрузки и медицинских трудностей в Японии формируется новая культурная установка в отношении супружеского секса: «секс — это хлопотно». Всё чаще он воспринимается не как источник удовольствия и близости, а как обременяющее, нежелательное действие, требующее усилий. Такая установка — не индивидуальная девиация, а всё более нормализуемый коллективный паттерн, отражающий структурные трансформации труда, семьи и эмоциональной жизни в современной Японии.

Конфигурации супружеской интимности и секс вне брака

Книга Элис Пэчер убедительно демонстрирует, что интимность — это не универсальное качество супружеских отношений, а культурно обусловленный и исторически изменчивый конструкт. Сравнение Японии и Германии, положенное в основу исследования, позволяет выявить принципиальные различия в том, как сексуальность вплетена в социокультурные представления об интимной близости между людьми, в том числе в браке.

На данных глубинных интервью Пэчер показывает, что в немецкоязычном контексте интимность понимается как *Gemeinschaft* — символическое и физическое пространство для двоих. Сексуальные отношения рассматриваются как ритуальная практика, укрепляющая эмоциональную связь между партнёрами, источник удовольствия, смысла и самоподтверждения. Респонденты из Германии подчёркивают важность добровольности, признания и доверия. Интимность в немецкой модели тесно связана с индивидуальной сексуальной идентичностью, личным правом на удовольствие и необходимостью открытой этической коммуникации внутри пары, стремящейся к взаимности.

Японская модель супружеской интимности устроена иначе. Здесь сексуальность часто отождествляется с выполнением социальных и репродуктивных ролей, а не с личной идентичностью и эмоциональной близостью. В этой логике секс воспринимается не как выражение желания, а как социальная функция. После рождения ребёнка супружеская интимность в Японии всё чаще сводится к родительству и совместной заботе, тогда как эротизм вытесняется за пределы брака — в порнографию, внебрачные связи и коммерческие формы сексуальности.

Япония сталкивается с расщеплением между институциональной и эмоциональной жизнью. Семья и сексуальность превращаются во враждующие миры. Секс в браке зачастую трактуется японцами как «негативный долг». Многие респонденты Пэчер ставят секс по значимости ниже других форм совместного досуга. В интервью с японскими жёнами Пэчер прослеживает устойчивый мотив неудовлетворённости и тревоги, связанной с отказом мужей от сексуальной близости под предлогом «я устал». В целом исследовательница фиксирует снижение сексуального интереса мужей к жёнам.

Пэчер ссылается на опросы разных лет, демонстрируя, что в противовес снижению супружеской сексуальности количество внебрачных связей у мужчин и женщин в Японии в возрасте 40–60 лет стабильно росло. Мужчины объясняют это тем, что не могут воспринимать своих жён как сексуальных партнёров после того, как те становятся «идеальными матерями». Эротизм исключается из брака и заменяется «спортивным», механическим сексом, тогда как внебрачные отношения ассоциируются с удовольствием, игрой, разнообразием поз и длительной прелюдией. Внебрачный секс на уровне культуры легитимирован как поиск удовольствия. Через флирт, внебрачные связи мужчины вновь ощущают себя не «мужьями» и «отцами», а просто мужчинами.

Цифровизация, в которой лидирует японское общество, ведёт к устойчивому росту потребления порнографии и взрослого видео, развитию культуры отаку (увлечённость аниме, мангой, видеоиграми, айдолами). Цифровые продукты для взрослых способствуют формированию идеализированных представлений о «воображаемом сексе», что затрудняет реальный интимный контакт между партнёрами. Кроме того, реклама сексуальных услуг, сайты знакомств, приложения, социальные сети и даже персональные письма легкодоступны, что способствует выносу сексуальности за пределы партнёрских отношений и разделению сексуальной и семейной сфер. Сексуальность в Японии канализируется из брачных в рыночные отношения. Рынок интимных услуг компенсирует дефицит супружеской близости.

Япония занимает одно из ведущих мест в мире по масштабам и разнообразию секс-индустрии. Здесь широко развиты как традиционные формы коммерческого секса (хост-клубы, массажные салоны, эскорт и аренда партнёров), так и виртуальные форматы (онлайн-дейтинг, виртуальные подруги, порно, эротические игры и сервисы на базе ИИ). Секс с профессиональными партнёрами за деньги трактуется японцами как «безопасный», то есть лишённый эмоциональной вовлечённости и не угрожающий семье.

Всё это раскрывает в том числе локальный сценарий индивидуализации сексуальности: японцы переключают внимание с совместного сексуального опыта на личное удовольствие. Секс будто превращается в индивидуальное переживание, вытесняется из супружеской близости и всё реже служит средством связи между партнёрами. Переход от совместности (*sex together*) к соло-сексу (*self-sex*), судя по нарративам, цитируемым Пэчер, становится характерной чертой современной брачной культуры в Японии.

Японская модель демонстрирует, как коммерциализация сексуальности подменяет супружескую близость, не разрушая при этом сам институт брака.

Методологическая рефлексия

Книга Пэчер, основанная на сравнении японской и немецкой сексуальных культур, наводит на глубокие методологические размышления. Материал книги явно свидетельствует, что исследование (а)сексуальности, особенно в кросс-культурных контекстах, сопровождается рядом методологических ловушек, которые требуют особого внимания, вплоть до переосмысления привычных аналитических инструментов и категорий.

Прежде всего, не существует консенсуса относительно того, что именно исследователи и их респонденты называют сексом: половой акт, эротические прикосновения, откровенные переписки или что-то иное. Пэчер фиксирует культурно значимые различия в способах говорения о сексе. Интервью с респондентами из немецкоязычных стран длились в среднем 30–40 минут, тогда как японские — 60–90 минут, несмотря на меньшую содержательную насыщенность. Вопрос «Что для вас значит секс?» ставил японцев в тупик; многие никогда не задумывались об этом и затруднялись ответить. Особенно ошутим был гендерный разрыв: японские мужчины выражали тревогу, что разговор звучит «грязно», а женщины — убеждение, что о сексе «не принято говорить». Это подчёркивает, что доступ к смысловой структуре сексуальности требует особой находчивости от исследователя.

Ещё более сложный методологический вопрос при изучении супружеской асексуальности — операция асексуальности: при каких условиях мы фиксируем, что секс у пары отсутствует? Исследование Элис Пэчер поднимает эту проблему, предлагая рабочее определение, основанное на медико-психиатрической норме: асексуальной считается пара, в которой сексуальные отношения отсутствуют в течение одного месяца. Этот временной критерий используется в медицинской и психиатрической клинической практике, но сам по себе вызывает дискуссии. Без консенсуса относительно содержания сексуальной активности и временных рамок определения асексуальности исследования рискуют исказить как внутреннюю динамику пар, так и культурные различия. В исследовании самой Пэчер не хватило контрольной группы японских пар, у которых с сексуальностью, по их оценке, «всё в порядке», что смещает оценку общей картины. Современная западная социология интимности всё ещё опирается на ограниченный набор культурных предпосылок, в которых сексуальность автоматически связывается с близостью, а её отсутствие — с дисфункцией. Нехватка языка для описания добровольной асексуальности в браке свидетельствует о том, что альтернативные формы близости, основанные не на сексуальном взаимодействии, а, например, на заботе, партнёрстве или совместной ответственности, остаются вне поля видимости западных аналитических моделей. Японский кейс обнажает эту слепую зону и предлагает возможность расширить наш теоретический арсенал.

Соблазн рассматривать кейс Японии как «особый случай» или культурную аномалию чреват рисками экзотизации и скрытого нормативного империализма в концептуализациях. Проблемы сексуальности, асексуальности или сниженной рождаемости в японском обществе могут восприниматься как отклонения от неявно предполагаемой западной нормы — устойчивой, либидозной, парно-ориентированной модели супружества. Однако такая перспектива обедняет аналитический взгляд и препятствует глубокому пониманию локальной логики интимной жизни. Методологически важно признавать, что нормы сексуальности, представления о близости и теле, равно как и социальные ожидания от брака, укоренены в конкретных исторических и культурных контекстах. Универсализация западных установок — например, идея, что регулярный секс в браке является обязательным условием эмоционального благополучия — не только недостаточно эмпирически подтверждена, но и воспроизводит иерархии знания, в которых западные общества занимают позицию «нормы», а остальные — «отклонения». Сравнительная социологическая оценка требует внимательного диалога с инаковостью, признания множества возможных режимов интимности как равноценных, а не иерархически организованных.

Для социологов представление о супружеской асексуальности как о патологии должно вызывать сомнение и критическую рефлексию. В европейском дискурсе сексуальность часто рассматривается через призму прав человека, удовольствия и самоопределения. И всё же хотя европейская модель сексуального брака на первый взгляд основана на идеях любви, удовольствия и взаимного желания, на деле она производна от неолиберального хозяйствования и релевантной ему модели человека. Западная установка на «секс как искусство жизни» отражает не столько свободу, сколько обязанность современного субъекта непрерывно работать над собой. В этом контексте сексуальность становится проектом, который требует инвестиций — эмоциональных, временных и телесных. Желание рассматривается как ресурс, его нужно выявлять, поддерживать, развивать и умело демонстрировать. Либидо — это уже не просто выражение внутренней энергии, но и элемент эротического, сексуального капиталов, подпитывающий креативный труд, укрепляющий эмоциональную устойчивость, способствующий успешному позиционированию как в личной жизни, так и в профессиональной сфере. Поддержание сексуального влечения превращается в задачу самоменеджмента, а интимность подчиняется логике эффективности.

Исследование Пэчер заставляет критически пересматривать универсальность западных представлений о сексуальности как обязательной составляющей полноценной жизни. Если в европейском контексте либидо становится частью экономической и социальной эффективности субъекта, то японский кейс демонстрирует возможность иной модели, в которой отказ от сексуальности может рассматриваться не как дефицит, а как адаптивный выбор, диктуемый экономическими, культурными и институциональными реалиями. Таким образом, методологически феномен супружеской асексуальности в Японии бросает вызов западным основаниям сексуальной нормативности и указывает на необходимость межкультурной чувствительности в исследованиях интимной жизни.

Заключение

Заглавие книги Элис Пэчер — «(No) Sex in Japan» — отсылает к известному телемосту между Ленинградом и Бостоном «Женщины говорят с женщинами» (1986 г.), во время которого была произнесена фраза «В СССР секса нет», ставшая крылатой. Вырванная из контекста (а речь шла о сексе в телерекламе), фраза стала ошибочно восприниматься как диагноз всей советской эротической культуре. Однако реальность была иной: советские женщины, обладавшие экономической независимостью с 1920-х гг., пользовались правом на сексуальное удовольствие и не были вынуждены идти на «телесный компромисс» ради брака и материальной защиты им [Годси 2020]. Советский брак вполне мог быть страстным, а на уровне культурных категорий, прозвучавших на том же телемосте, вообще основывался на любви [Кон 2010; Косова 2017]. В Японии же начала XXI века мы наблюдаем системную эрозию супружеской интимности.

Пэчер осторожно предлагает воспринимать асексуальность как локальную культурную норму, а не как патологию. Однако книга провоцирует на критическое сомнение: не имеем ли мы дело с побочными эффектами неолиберального режима, с его сценариями трудовой эксплуатации и социальной изоляции даже внутри супружеской пары? Статистика, интервью и нарративы об «усталых мужьях», о матерях, ночующих в детской, о социальном принятии измен и коммерческого секса с трудом маскируют сексуальное отчуждение, перерастающее в отстранённость от собственного «я».

Главный пробел книги заключается, на мой взгляд, в недостаточном внимании автора к тому, как именно трансформируется супружеская интимность, когда из неё уходит секс. О любви, привязанности, взаимности как движущей силе отношений пары респондентов не спрашивают, и автор это никак не комментирует. Если секс исчезает из брака, а про любовь в цитатах из нарративов ничего нет, на чём тогда держится супружеская связь, кроме родительских обязанностей? Этот вопрос остаётся без ответа.

Рецензируемая книга ценна прежде всего масштабным эмпирическим материалом, но её концептуальная часть и качество интервью выглядят менее убедительно. Однако именно данные Пэчер выводят к нерву проблемы: японское общество сигнализирует о пронаталистской, трудовой и эмоциональной перегрузке субъекта и нуклеарной семьи. Без анализа того, как трансформируются представления о любви и взаимности в японском браке, эмпирическую диагностику нельзя считать полной. Исследователям интимности, включая авторов недавней монографии «Love and Sexuality in Social Theory» («Любовь и сексуальность в социальной теории») [Bevilacqua, Hviid, Mariano 2024], предстоит проверить свои аналитические категории на японском материале и оценить, что происходит с супружеской интимностью без секса, как такой сдвиг меняет человека, институт брака и общество.

Литература

Годси К. 2020. *Почему у женщин при социализме секс лучше*. М.: Альпина Паблишер.

Косова Л. 2017. Динамика установок россиян в сфере интимных отношений. *Демографическое обозрение*. 4 (4): 127–149. Электронный ресурс [код доступа]: <https://demreview.hse.ru/article/view/7532/8355> (дата обращения: 1 ноября 2025 г.).

Кон И. 2010. *Клубничка на берёзке: сексуальная культура в России*. Изд. 3-е. М.: Время.

Bevilacqua E., Hviid J. M., Mariano L. (eds). 2024. *Love and Sexuality in Social Theory* (Classical and Contemporary Social Theory). London: Routledge.

Pacher A. 2022. *(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*. Cham: Springer.

Elena Beliavskaia

“White Marriage,” Japanese-Style

Book Review: Pacher A. (2022) *(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*, Cham: Springer. 209 pp.

BELIAVSKAIA, Elena —
PhD in Sociology, Expert at
the Laboratory for Studies
in Economic Sociology
(LSES), HSE University.
Address: 20 Myasnitskaya
str., Moscow, 101000,
Russian Federation.

Email: belyavskaia.e@yandex.ru

Abstract

A consciously unconsummated union in which spouses forgo sexual relations has historically been referred to as a “white marriage.” This review of Alice Pacher’s *(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships* (2022) explores the phenomenon of marital asexuality, challenging prevailing Western assumptions about the intrinsic link between marriage and sexuality. Through a comparative sociological analysis of narratives from Japanese and German couples regarding their sexual relationships, the book argues that intimacy is not a universal feature of marriage but rather a socio-cultural construct, where sexual activity between spouses is shaped by broader socio-economic and cultural forces.

The review underscores how economic instability, work-related fatigue, evolving family structures, poor sexual health, the parent-centered nature of the Japanese family, and the prominence of the commercial sex industry collectively contribute to diminished libido and the decline of intimate relations within marriage. Japanese respondents tend to associate sex more with reproductive obligation than with emotional intimacy, with their erotic desires often redirected toward extramarital affairs and commercial sex. According to Pacher, German respondents perceive Japanese attitudes toward sexual behavior with rejection and suspicion of cultural irrationality. At the core of the European model of a romantic sexual union still lies the deepening of sexual intimacy between partners, which provides this form of social organization not only with a recreational but also a spiritual meaning.

Particular emphasis is placed on the methodological challenges inherent in cross-cultural studies of asexuality, including the lack of a standardized definition of sexual activity, linguistic limitations in expressing sexual experiences, and normative biases embedded in Eurocentric theoretical frameworks. The review warns against exoticizing the Japanese context and calls on scholars of family, marriage, intimacy, and pronatalism to adopt a more reflexive approach to their analytical categories.

Keywords: sexuality research; sexual health; sexual well-being; marriage; intimacy; infidelity; market.

Acknowledgements

This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

- Bevilacqua E., Hviid J. M., Mariano L. (eds.). (2024) *Love and Sexuality in Social Theory* (Classical and Contemporary Social Theory), London: Routledge.
- Ghodsee K. (2020) *Pochemu u zhenshchin pri sotsializme seks luchshe* [Why Women Have Better Sex under Socialism], Moscow: Al’pina Publisher (in Russian).

Kon I. (2010) *Klubnichka na berezke: Seksualnaya kultura v Rossii* [Strawberries on the Birch Tree: Sexual Culture in Russia], 3rd edn., Moscow: Vremya (in Russian).

Kosova L. (2017) Dinamika ustanovok rossiyan v sphere intimnykh otnosheniy [Dynamics of Russians' Attitudes in the Sphere of Intimate Relations]. *The Demographic Review = Demograficheskoe obozrenie*, vol. 4, no 4, pp. 127–149 Available at: <https://demreview.hse.ru/article/view/7532/8355> (accessed 1 November 2025) (in Russian).

Pacher A. (2022) *(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*, Cham: Springer.

Received: May 26, 2025

Citation: Beliavskaia E. (2025) «Belyy brak» po-yaponski [“White Marriage,” Japanese-Style. Book Review: Pacher A. (2022) *(No) Sex in Japan: The Sociology of Asexuality in Intimate Relationships*, Cham: Springer]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 5, pp. 123–133. doi: [10.17323/1726-3247-2025-5-123-133](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-5-123-133) (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ

XXVI АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИМЕНИ Е. Г. ЯСИНА

Уважаемые коллеги!

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» открывает приём заявок на участие с докладом в **XXVI Апрельской международной научной конференции имени Е. Г. Ясина** (далее — XXVI АМНК).

Мероприятия XXVI АМНК состоятся в Москве **14–17 апреля 2026 г.**

Программа конференции будет сформирована в рамках пяти научных тем:

1. Экономика;
2. Человеческий капитал и общество;
3. Инструментальные методы и модели;
4. Форсайт-исследования;
5. Международные исследования.

Заявки на участие с научным докладом будут приниматься по секциям.

Секции в рамках научной темы «Экономика»:

- Макроэкономика и экономический рост;
- Методология экономической науки;
- Теоретическая экономика;
- Фирмы и рынки;
- Финансы и банки.

Секции в рамках научной темы «Человеческий капитал и общество»:

- Социальная политика и здравоохранение;
- Демография и рынки труда;
- Политические процессы;

- Социология;
- Психология.

Секции в рамках научной темы «Инструментальные методы и модели»:

- Инструментальные методы в экономических и социальных исследованиях;
- Менеджмент.

Секции в рамках научной темы «Форсайт-исследования»:

- Сценарии развития России в условиях динамично меняющейся внешней конъюнктуры;
- Новые методы и модели научно-технологического и социально-экономического прогнозирования;
- Международный симпозиум «Форсайт в быстро меняющемся мире».

Секции в рамках научной темы «Международные исследования»:

- Международные отношения;
- Мировая экономика;
- Востоковедение.

Срок приёма заявок на участие в конференции с научным докладом — **16 декабря 2025 г.** Подать заявку на участие в качестве слушателя можно для граждан РФ **до 2 апреля 2026 г.**, для граждан иностранных государств — **до 2 марта 2026 г.** Программный комитет оставляет за собой право самостоятельно определять состав участников конференции, в том числе слушателей.

Мероприятия конференции пройдут на русском или английском языке, в отдельных случаях — на двух языках с синхронным переводом.

Конференция будет проводиться преимущественно в очном формате. Программный комитет оставляет за собой право в исключительных случаях включать в программу докладчиков и слушателей в онлайн-формате.

В рамках XXVI АМНК, как и в предыдущие годы, будет проведен **Конкурс заявок на поддержку участия в конференции молодых исследователей из российских регионов**. Подробно о конкурсе можно узнать в разделе «Участникам».

Условия подачи индивидуальной заявки на участие с докладом

Доклад на секционном заседании должен содержать **результаты оригинального научного исследования**, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность доклада — до 15 минут.

Заявка подаётся онлайн в системе конференции НИУ ВШЭ **до 16 декабря 2025 г.**

К заявке необходимо приложить **развёрнутую аннотацию доклада**, в которой должны быть отражены следующие требования:

- указаны тема, фамилия, имя, отчество и аффилиация автора;

- даны чёткая характеристика рассматриваемой проблемы, меры её изученности, методология исследования, его основные результаты, их обоснованность и новизна;
- формат Word или RTF;
- объём аннотации: **не менее 3000 и не более 7000 знаков**;
- для русскоязычного доклада аннотация готовится на русском и английском языках (название, автор, аннотация), для англоязычного — только на английском языке.

Один автор может представить на конференции один личный доклад и не более двух докладов в соавторстве.

Условия подачи коллективной заявки на организацию сессии

Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в системе конференции НИУ ВШЭ, **до 16 декабря 2025 г.** может сообщить в Программный комитет конференции о своём желании представить доклады коллектива в рамках одной сессии. Для этого необходимо подать коллективную заявку на организацию сессии в личном кабинете системы конференции НИУ ВШЭ.

Коллективная заявка на организацию сессии должна соответствовать следующим требованиям:

- не менее двух и не более пяти докладов в рамках одной сессии;
- не более двух докладов, представленных от одной организации;
- все индивидуальные заявки должны быть зарегистрированы в системе конференции.

Примечание. Заявка на представление одного доклада с соавторами является индивидуальной, а не коллективной.

В рамках каждой тематической секции на основе отобранных заявок формируются сессии. Продолжительность одной сессии составляет 1,5 часа. Длительность доклада в сессии — не более 15 минут. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Результаты экспертизы заявок и подтверждение участия

Решение о включении докладов в программу XXVI АМНК или об отказе в удовлетворении заявки будет сообщено заявителям после поступления результатов экспертизы, но **не позднее 25 февраля 2026 г.**

Программный комитет оставляет за собой право вносить коррективы в рабочий язык сессии после проведения экспертизы заявок с докладом.

Авторам отобранных докладов предстоит **до 20 марта 2026 г. включительно** подтвердить своё участие в личном кабинете системы конференции НИУ ВШЭ и разместить в личном кабинете слайды презентации доклада с указанием автора, темы и тезисов выступления на английском языке. Подтверждение участия, размещение презентации и оплата регистрационного взноса являются условиями включения докладов в программу конференции.

Оплата регистрационного взноса

Для докладчиков и слушателей конференции сумма регистрационного взноса составляет 3000 рублей.

Подробная информация об оплате регистрационного взноса представлена в разделе «Участникам» (вкладка «Оплата регистрационного взноса»).

От уплаты регистрационного взноса освобождаются:

- студенты и аспиранты российских вузов, а также зарубежных партнёрских вузов НИУ ВШЭ (при предъявлении студенческого билета и прохождении регистрации в системе и на площадке);
- сотрудники НИУ ВШЭ (при предоставлении карточки сотрудника и прохождении регистрации в системе и на площадке);
- участники, специально приглашённые Программным комитетом конференции (в том числе почётные докладчики, эксперты, модераторы, спикеры круглых столов, дискуссанты, другие приглашённые и почётные гости конференции и партнёры).

Оплата регистрационного взноса осуществляется:

- для докладчиков — **до 20 марта 2026 г.**;
- для слушателей — **до 9 апреля 2026 г.**

Suat Aksoy

Rethinking AI: Power, Surveillance, and Democracy

AKSOY, Suat —
Assistant Professor,
Ardahan University,
Department of
Economics, Ardahan
Üniversitesi. Address:
Ekonomi Bölümü,
Çamlıçatak Yerleşkesi,
75000 Ardahan, Türkiye.

Email: suataksay@ardahan.edu.tr

Abstract

This study critically examines the development trajectory of artificial intelligence (AI), challenging dominant narratives that frame AI as a neutral or inevitable technological progression. Drawing on and extending theoretical frameworks such as Feenberg's critical theory of technology, Zuboff's surveillance capitalism, and Acemoglu's democratic erosion, the paper introduces the concept of algorithmic hegemony to explain how AI is increasingly shaped by concentrated power structures, institutional displacement, and ideological imperatives.

Through a critical interpretive analysis of global investment flows, sectoral imbalances, and transparency deficits, the study reveals that AI is being developed primarily by a narrow coalition of private corporations and authoritarian states. This ecosystem marginalizes academia, civil society, and democratic oversight. The findings highlight a shift of epistemic authority from public institutions to private interests, the deployment of AI systems for surveillance and behavioural control, and the erosion of civic agency in digital governance.

By synthesizing empirical data with normative critique, the study offers a multidimensional theoretical contribution and calls for a paradigmatic shift toward society-centered AI governance. The proposed concept of algorithmic hegemony provides a new lens to understand the political economy of AI and its implications for democracy, justice, and public interest.

Keywords: artificial intelligence; algorithmic hegemony; surveillance capitalism; democratic erosion; critical theory of technology; digital power.

Introduction

The accelerated development of artificial intelligence (AI) has established it as a pivotal agent in the transformation of today's societies, economies, and systems of governance [Russell, Norvig 2010; McAfee, Brynjolfsson 2017; Gordon 2019]. While mainstream discourse often frames AI as a neutral and inevitable technological breakthrough, a growing body of scholarship emphasizes its socio-political embeddedness and the uneven distribution of its benefits and risks. In this context, the development of AI is not merely a technical phenomenon but a reflection of underlying power dynamics, market incentives, and governance voids.

This study critically investigates the current trajectory of AI by posing a central research question: To what extent is the development of AI shaped by a narrow set of dominant actors, and what are the implications of this for democracy, pub-

lic interest, and sectoral equity? Rather than assuming a linear or benign path of technological progress, the paper explores how state-led strategies (e. g., China's techno-authoritarianism) and market-driven approaches (e.g., surveillance capitalism in the US) are steering AI in conflicting and often problematic directions.

Based on this framing, the paper addresses two guiding research questions:

RQ1: Which actors and mechanisms concentrate control over contemporary AI infrastructures, such as data, computational resources, and standards?

RQ2: What governance risks does this concentration—rooted in surveillance capitalism, techno-authoritarianism, and algorithmic hegemony—pose for democracy and public accountability?

Beyond deterministic narratives of technological inevitability, the timing of AI's socio-political salience in the past decade requires explanation. Four interrelated drivers can be identified:

- Algorithmic breakthroughs and scaling—particularly the post-2017 transformer architectures and compute–data scaling laws—rendered general-purpose models economically viable [Kleesha, Upase, Upadhyaya 2024; Pilz, Heim, Brown 2025];
- Platformized data abundance generated by a decade of search engines, social media, mobile platforms, sensors, and Internet of Things (IoT) infrastructures created vast, privatized data reservoirs;
- Cloud–semiconductor geopolitics, in which hyperscale cloud infrastructures, GPU/TPU-driven parallel processing, and concentrated semiconductor supply chains provided the compute intensity needed for large-scale model training [MIT FutureTech 2025];
- Financial-policy tailwinds—including cheap capital, winner-take-all dynamics of digital markets, and strategic state subsidies for semiconductors and AI—reinforced centralization and accelerated adoption. Taken together, these technical, institutional, and political-economic factors explain why AI has not only become feasible but has also emerged so forcefully at this particular historical moment, privileging actors already positioned with control over data, compute, and standards.

To critically interrogate the socio-political dynamics underlying AI development, this study draws upon the complementary insights of Feenberg, Zuboff, and Acemoglu. Feenberg's critical theory of technology rejects the notion of technological objectivity and instead positions technology as a socio-political construct shaped by institutional power and ideological intent. In the context of AI, this perspective highlights how design choices and deployment strategies are embedded within existing hierarchies of control and influence. Building on this, Zuboff's concept of surveillance capitalism reveals how AI technologies—particularly those driven by behavioral data extraction—serve the interests of large tech firms that monetize surveillance under the guise of personalization and efficiency. Her work underscores the asymmetrical flows of information and authority that define today's algorithmic systems. Acemoglu's framework on democratic erosion through automation further illustrates how labor-displacing technologies, when guided by profit-maximizing logics and lacking democratic oversight, can weaken public institutions, reduce civic agency, and exacerbate social inequalities. Together, these perspectives form a robust theoretical foundation for this study's central claim: that AI is not evolving in a vacuum of technical rationality, but through the intersection of corporate interests, authoritarian governance models, and weakened democratic accountability. Understanding this convergence is essential for rethinking AI's societal role and designing governance frameworks that prioritize public interest over private control.

In synthesizing these frameworks, the paper argues that the trajectory of AI development is increasingly captured by a narrow coalition of Big Tech conglomerates and authoritarian state actors. These entities possess the computational power, capital, and regulatory influence to set the agenda of AI in ways that serve their strategic interests. In contrast, academia, civil society, and public sector institutions are progressively excluded from meaningful influence in shaping AI's governance, standards, and normative direction. This power asymmetry not only raises profound ethical dilemmas—such as opacity, lack of accountability, and algorithmic bias—but also threatens the foundational pillars of democratic governance, including transparency, pluralism, and civic deliberation. The result is an emerging socio-technical regime in which the logics of commodification and control overshadow the public good.

Existing literature tends to explore the economic, social, or ethical dimensions of AI in isolation. In contrast, this study offers a multidimensional and integrative assessment of AI's direction by synthesizing investment flows, institutional control, and ideological narratives. Through a critical analysis of secondary data and global investment trends, the paper highlights the concentration of power in AI development and its consequences for societal well-being.

This paper makes an original contribution to the interdisciplinary field of AI governance by introducing the concept of algorithmic hegemony—a novel theoretical lens that captures how the development of AI is increasingly shaped by asymmetrical power relations between corporate, state, and civic actors. While previous studies have addressed the ethical, economic, or social implications of AI in fragmented ways, this study offers a synthesized and critical political economy perspective. By integrating insights from critical theory, surveillance capitalism, and democratic erosion, the paper moves beyond descriptive accounts and provides a normative framework for understanding how epistemic authority, technological design, and governance structures are being realigned in the age of AI. In doing so, it fills a critical gap in the literature by foregrounding the structural marginalization of public institutions and civic oversight in shaping AI futures, and calls for a paradigmatic shift toward more democratic, transparent, and inclusive approaches to technological governance.

The rest of the paper is structured as follows: Section 2 (*Conceptual Framing and Literature Overview*) outlines the conceptual framing and the literature review; Section 3 (*Methodological Foundations and Critical Theoretical Synthesis: Toward a Framework of Algorithmic Hegemony*) presents methodology and theoretical framework; Section 4 (*Findings*) offers empirical findings; Section 5 (*Discussion: Reframing AI Development Through the Lens of Algorithmic Hegemony*) provides a discussion, reframing AI development through a critical theoretical lens to interrogate its societal and democratic implications; Section 6 (*Conclusion*) concludes the study with key takeaways and reflections; and Section 7 (*Policy Recommendations: Embedding Democratic Oversight in AI Development*) provides policy recommendations aimed at fostering a democratic and inclusive AI future.

Conceptual Framing and Literature Overview

AI is commonly defined as a set of technologies that enable machines—typically digital computers or software systems—to perform tasks traditionally associated with human intelligence, such as learning, reasoning, perception, and decision-making [Russell, Norvig 2010; Britannica]. As a predictive and data-driven technology, AI is built upon vast computational infrastructures and data ecosystems that enable it to simulate—and increasingly surpass—human cognitive capacities across domains such as language, vision, and strategy [Kiela et al. 2023].

Yet, beyond its technical architecture, AI must be understood as a socio-technical system—a product not only of engineering but of political economy, institutional design, and value-laden decision-making [Dwivedi et al. 2021]. Feenberg [1991] contends that technology is not socially detached; rather, it embodies social values

and power structures. Technologies are shaped by both their technical functions and their social meanings—a concept known as dual coding.

This perspective aligns with the broader tradition in science and technology studies that critically interrogates assumptions of technological objectivity. For instance, Winner [1980] argued that “artifacts have politics,” emphasizing that technologies embody social power relations; Pinch and Bijker [1984] demonstrated the role of technologies in processes of social construction; and Jasanoff [2004] highlighted the co-production of science and social order. More recently, Noble [2018] and Benjamin [2019] have critiqued the ways in which algorithms reproduce oppression, race, and inequality. Taken together, this body of work reinforces the central claim of this article: artificial intelligence cannot be understood apart from the institutional and political structures within which it evolves.

Increasingly, scholars have moved beyond purely instrumental definitions to situate AI within broader theoretical frameworks. Zuboff [2019], for example, characterizes AI development as a key pillar of surveillance capitalism, whereby predictive analytics and behavioural data are commodified to generate profit through manipulation and control. Similarly, Acemoglu [2021] argues that without democratic checks and inclusive policy design, AI may reinforce inequality and empower authoritarian tendencies, rather than supporting societal welfare.

Crawford [2021] examines labour and working conditions, highlighting how AI and automation exert pressure on employees, using Amazon as an example. Davenport et al. [2020] demonstrate how AI transforms the marketing world, while also raising critical issues related to data privacy and the lack of transparency associated with AI use. Zuboff [2019] argues that AI technologies steer society toward an economic system dominated by surveillance capitalism. Floridi and Cowls [2019] propose five principles to mitigate the potential risks of AI. Bryson and Theodorou [2019] emphasize the importance of a human-centered approach to integrating AI into society, stressing the need for participation from diverse social segments. Whittaker et al. [2018] underscore the necessity of ethical training for AI developers. Pasquale [2015] advocates for supervision and appropriate legal regulations in shaping the development and deployment of AI.

From an economic standpoint, AI is projected to contribute trillions of dollars to global GDP by 2030 [PwC 2017; Massey 2024], primarily via gains in productivity and new consumption patterns. However, this economic potential is accompanied by significant social costs—including labour displacement, wage polarization, and the erosion of public-sector capabilities [Acemoglu, Restrepo 2019; Lane, Saint-Martin 2021]. While many industry reports highlight AI’s contributions to cost reduction and revenue growth [McKinsey & Company 2023], these accounts often obscure the distributional asymmetries that privilege a handful of actors—particularly Big Tech corporations and authoritarian governments—as the primary architects of AI’s future.

As Floridi and Cowls [2019] emphasize, addressing these asymmetries requires not only technical safeguards but normative commitments to justice, transparency, autonomy, and accountability. This study builds on such insights by treating AI not merely as a value-free tool, but as a contested domain of power—where choices about infrastructure, governance, and ethical principles determine whose interests are served and whose voices are marginalized.

Therefore, this paper approaches AI through a critically engaged literature lens that bridges technical, economic, ethical, and political concerns. In doing so, it aims to uncover the structural forces and institutional decisions that are shaping AI’s direction—and to propose alternative models of development that are more democratic, inclusive, and socially responsive.

Methodological Foundations and Critical Theoretical Synthesis: Toward a Framework of Algorithmic Hegemony

Methodology and Data Sources

This study employs a critical interpretive approach to examine the current trajectory of AI, emphasizing the socio-political and ethical implications of its development. Rather than testing a specific hypothesis, the research adopts a theory-informed analytical framework rooted in critical theory of technology, democratic governance, and surveillance capitalism. The purpose is to interrogate how structural power, sectoral dominance, and governance gaps shape AI's evolution.

The study integrates both quantitative and qualitative data, drawn from secondary sources, in a multi-layered desk-based analysis. Data were selected not simply for descriptive purposes but for their relevance to uncovering power asymmetries in AI development. The analysis unfolds in three dimensions:

Financial and Institutional Concentration: Global investment reports (IDC, Bain, JPMorgan) and AI Index data are analysed to map which actors—corporate, governmental, or academic—dominate funding and innovation in AI.

Sectoral Displacement and Talent Flows: Public data on AI PhD career trajectories and model production (AI Index, Epoch, OurWorldInData) are assessed to evaluate the marginalization of academia in AI research and its implications for independent knowledge production.

Normative and Political Risks: Policy documents and real-world case studies (e.g., Cambridge Analytica, ChatGPT bias, Chinese surveillance) are examined to explore how AI technologies are being integrated into systems of control, propaganda, and labour discipline.

While the analysis is grounded in empirical data, it is interpretive and evaluative in nature—aiming to identify patterns of centralization, exclusion, and political risk that would otherwise remain obscured in a purely descriptive approach. This aligns with the study's core aim: to assess not just what AI is becoming, but who is shaping it, how, and to what end.

Theoretical Framework

The development of AI is often presented as an inevitable, linear process driven by technological innovation. However, critical perspectives challenge this deterministic view. This study draws on three intersecting theoretical frameworks—critical theory of technology, surveillance capitalism, and democratic governance of technology—to frame the evolution of AI not merely as a technical progression, but as a socio-political construction.

Firstly, Andrew Feenberg's critical theory of technology emphasizes the social shaping of technology [Feenberg 1991]. Rather than being autonomous, technologies reflect the power relations embedded in their development and deployment. In this context, AI development is heavily influenced by state policies, corporate interests, and the absence of civic oversight.

Secondly, Shoshana Zuboff's concept of surveillance capitalism provides a foundational critique of how data-driven AI systems commodify human experience for profit [Zuboff 2019]. AI's integration into platforms such as social media and e-commerce enables behavioural prediction and control, reinforcing asymmetries in informational and economic power.

Finally, this study is grounded in the democratic critique of AI, as advanced by Daron Acemoglu and others, who argue that unchecked AI development may erode democratic norms, displace labour, and centralize control [Acemoglu 2021]. In contrast to market- or state-driven models, they advocate for participatory, human-centered AI governance.

Together, these perspectives provide a foundation for reinterpreting AI not as a purely technical development but as a contested political regime.

Algorithmic Hegemony: A Critical Synthesis of Power in AI Governance

Dominant narratives portraying AI as an “inevitable and neutral” technology in fact obscure the political and institutional interests that shape its trajectory. This section brings together three theoretical perspectives to uncover AI’s embeddedness in power: Feenberg’s critical theory of technology, Zuboff’s surveillance capitalism, and Acemoglu’s framework on democratic erosion.

Table 1 presents a comparative typology of three dominant power regimes shaping the development and deployment of AI: Surveillance Capitalism, Techno-Authoritarianism, and Algorithmic Hegemony. Each model is categorized by its principal actors, mechanisms, and associated democratic risk.

Table 1

Three Models of AI Governance: Logics, Actors, and Democratic Risks

Model	Actor	Mechanisms	Primary Risk
Surveillance Capitalism	Dominant platforms (Big Tech Firms)	Behavioural data extraction; ad-tech optimisation; closed benchmarking	Civic erosion & privacy loss
Techno-Authoritarianism	Security-centric state (e. g., China)	Population control, Population-scale ID/biometrics; centralised scoring; lawful interception & censorship	Rights suppression
Algorithmic Hegemony	Corporate + State Fusion	Joint control of data, compute, and standards (cloud, chips, safety regimes); procurement lock-ins; IP	Democratic decay via opacity & institutional displacement

Transitions and interfaces exist among the models presented in the table, underscoring that these frameworks are not static but dynamically interconnected. For instance, surveillance capitalism may gradually drift toward techno-authoritarian practices when reinforced by security partnerships and crisis-oriented governance mechanisms. Algorithmic hegemony, in contrast, denotes a relatively stable equilibrium in which market and state interests co-produce the infrastructures, norms, and regulatory frameworks that shape the digital order. Taken together, these models highlight the fluid boundaries between economic, political, and technological logics, suggesting that the trajectories of AI governance are contingent, overlapping, and historically situated rather than mutually exclusive. Therefore, this typology conceptualizes AI not merely as a technological evolution but as a political regime of power.

Techno-authoritarianism describes the use of AI by states—most notably China—for mass surveillance, population control, and ideological alignment. Here, AI becomes a tool for suppressing rights and reinforcing authoritarian rule.

Techno-authoritarianism is primarily oriented toward the control and discipline of populations rather than profit maximization. In this regime, AI systems such as large-scale facial recognition, biometric databases, and centralized scoring mechanisms are deployed to ensure social stability and regime permanence [Creemers 2018; Miracola 2019]. The underlying logic is not market competition but political security: citizens are monitored, categorized, and incentivized to comply with state-defined norms. This orientation explains why

techno-authoritarianism is best understood as a governance strategy of control, where AI infrastructures are embedded within the apparatus of repression and surveillance.

Surveillance capitalism, as theorized by Shoshana Zuboff, refers to the commodification of personal data by dominant technology firms. These actors leverage AI to predict and manipulate behaviour for profit. The core democratic risk lies in the erosion of civic autonomy and privacy.

While surveillance capitalism and techno-authoritarianism differ in their core objectives, in practice, profit and control often overlap [Feldstein 2021]. Private technology companies often act as contractors, suppliers, or partners in state-led surveillance programs, thus aligning their commercial interests with the state's population management objectives. This symbiosis demonstrates that institutional infrastructures based on data extraction can easily be repurposed for government control. At the same time, state power provides firms with privileged access, protection, and revenue streams. This convergence demonstrates that economic profit and political control are not mutually exclusive but can reinforce each other.

Algorithmic hegemony, the novel framework advanced in this paper, highlights the convergence of corporate and state interests in shaping opaque AI infrastructures. These systems often operate outside democratic oversight and institutional accountability, leading to structural governance imbalances. The principal risk is the decay of democratic norms, institutional marginalization, and the consolidation of decision-making power through inscrutable algorithmic systems.

As Zuboff [2019] notes, surveillance capitalism has authoritarian tendencies even in democratic societies; crisis governance and security partnerships can normalize mass surveillance practices. This suggests that techno-authoritarianism can be seen as a potential “drift” of surveillance capitalism. Algorithmic hegemony, on the other hand, represents the institutionalized fusion of market and state logics; data, computational, and standards infrastructures are co-produced by institutional and political actors [Ananny, Crawford 2018; Acemoglu 2021]. Algorithmic hegemony therefore describes the stable equilibrium to which these regimes converge and explains why contemporary AI governance increasingly relies on hybrid arrangements that combine profit-seeking with population control.

This classification offers a conceptual lens to critically examine who controls AI, for what purposes, and with what socio-political consequences, thereby providing a foundation for developing alternative, participatory governance models.

Although these regimes share common foundations in datafication and algorithmic infrastructures, their strategic objectives diverge. Surveillance capitalism prioritizes profit, techno-authoritarianism emphasizes control, while algorithmic hegemony institutionalizes a synthesis of both. At the same time, it is more accurate to conceptualize this typology not as a set of evolutionary stages but as overlapping regimes and hybrids. These are not mere variants of the same phenomenon; rather, they represent three distinct regimes grounded in different institutional logics, even though transitions and intersections among them remain possible.

By linking empirical evidence (financial concentration, academic marginalization, transparency gaps, and labor risks) to these theoretical lenses, the study advances algorithmic hegemony as more than an abstract concept: it is an interpretive synthesis grounded in observable global trends. This framework explains how AI governance increasingly relies on hybrid arrangements that combine profit-seeking with population control, and why democratic oversight is eroding as a result.

From Theory Application to Theoretical Advancement

Feenberg's critical theory of technology asserts that technological systems embody social values and reproduce existing power structures. AI development, when concentrated in corporate laboratories and shielded from civic oversight, reflects not only technical functionality but also institutional priorities. Yet Feenberg's original model, which focused on industrial technologies, requires updating for the digital era. This study extends his analysis to the realm of algorithmic architectures, arguing that foundation models, large language systems, and proprietary datasets now function as political assemblages that encode governance logics and economic interests.

Zuboff's concept of surveillance capitalism provides a crucial understanding of how behavioural data is monetized through digital platforms. However, we argue that Zuboff's formulation must be expanded to account for the increasing use of predictive analytics in political governance. The notion of predictive governance capitalism is introduced to describe the fusion of market-based surveillance techniques with state-centered control ambitions, as seen in both liberal democracies and authoritarian regimes. This reconceptualization captures how algorithmic tools are used not only to sell products but to engineer behaviours, align populations with regime objectives, and suppress dissent.

Acemoglu's framework on technological displacement and democratic erosion highlights how unchecked automation undermines labour rights and civic institutions. This study builds on his concerns by emphasizing epistemic capture: the process through which corporate dominance in AI knowledge production delegitimizes public science and narrows policy discourse. Algorithmic hegemony, in this context, refers to the institutionalization of non-transparent, profit- or state-driven models as default governance infrastructures.

Defining Algorithmic Hegemony

Algorithmic hegemony may thus be defined as the structural dominance of privately owned or state-controlled AI systems that simultaneously marginalize democratic participation, undermine epistemic diversity, and normalize behavioral governance. This concept synthesizes the insights of Feenberg, Zuboff, and Acemoglu while offering a unifying theoretical lens that extends their applicability to the present AI regime.

This framework enables us to understand AI not merely as a set of tools or products, but as a contested arena where social power is coded, automated, and scaled. It draws attention to the design choices, institutional alignments, and ethical omissions that collectively constitute the politics of AI. By conceptualizing the current phase of AI evolution as algorithmic hegemony, the study offers a more comprehensive explanation of how technological systems entrench existing hierarchies and restrict alternative developmental pathways.

In sum, the theoretical contribution of this study lies not only in its application of critical traditions but in the proposal of a synthesized conceptual framework that illuminates the socio-political conditions under which AI systems are developed and deployed. It is within this expanded theoretical horizon that AI's implications for democracy, justice, and public interest can be more fully understood.

Findings

Structural Concentration of AI Investments

Global AI development is not unfolding as an open or decentralized process. Instead, it is increasingly defined by financial and institutional concentration in a handful of dominant private corporations. In 2023, five major U. S.-based companies—Alphabet, Microsoft, Meta, Amazon, and Apple—together accounted for the

majority of global AI spending. In 2024, global organizational spending on AI reached \$ 235 billion and is projected to surpass \$ 630 billion by 2028 [Massey 2024]. The Americas, led by the United States, account for approximately 60% of this expenditure. U. S.-based Big Tech firms dominate the investment landscape, with their combined AI spending totaling \$ 135 billion in 2023. Microsoft, for example, allocated a significant portion of its \$ 46 billion AI budget to its collaboration with OpenAI. Alphabet invested \$ 33 billion across services like Search, YouTube, Maps, and DeepMind, while Meta directed \$ 27 billion toward content moderation and immersive technologies. Amazon's \$ 19 billion investment focused on Alexa, cloud infrastructure, and logistics, and Apple devoted \$ 10 billion to AI-powered health applications and Siri [Cembalest 2024; Reuters 2024]. In comparison, leading Chinese firms collectively invested around \$15 billion in AI in the same year [CGTN 2023].

In addition to AI-specific investments, the Big Five tech companies spent approximately \$ 224 billion on R & D in 2023, which is 1.6 times greater than total U. S. venture capital spending during the same period. This scale of investment underlines their ability not only to shape the technological frontier but also to marginalize alternative innovation ecosystems.

This concentration of AI investment parallels a growing centralization of market power. In 2023, the top five technology firms—Amazon, Alphabet, Meta, Apple, and Microsoft—captured 63% of the sector's total market value and 64% of its profits, a sharp increase from 53% and 34%, respectively, in 2014 [Bain & Company 2024]. This trend reflects not only economies of scale but also a deliberate consolidation of control over the trajectory of AI, raising concerns about concentrated influence on future-defining technologies.

Feenberg's critical theory of technology offers insight into how this dynamic unfolds. These companies are not just producing tools; they are embedding value systems, priorities, and power asymmetries into the technologies they develop. Through strategic investment in foundation models, cloud infrastructure, and proprietary platforms, these firms act as "gatekeepers of possibility," narrowing the range of societal outcomes AI can support.

The alternative model—China's state-led AI strategy—presents a different but equally concentrated structure. Backed by close to \$1 trillion in strategic funding over a decade, China has integrated AI into its national development plans, smart cities, and surveillance infrastructure [Beraja et al. 2024]. While often described as a geopolitical rival to Silicon Valley's dominance, China's approach does not democratize AI either. Instead, it repurposes technological development toward population control, censorship, and authoritarian stability, as evidenced by its use of facial recognition and social credit systems [Acemoglu 2021].

The ideological divide between "market-driven" and "state-led" AI collapses upon closer inspection: both models centralize power, marginalize civic oversight, and deploy AI to serve institutional interests—whether corporate profit or state control. Thus, neither model sufficiently protects democratic values or social equity.

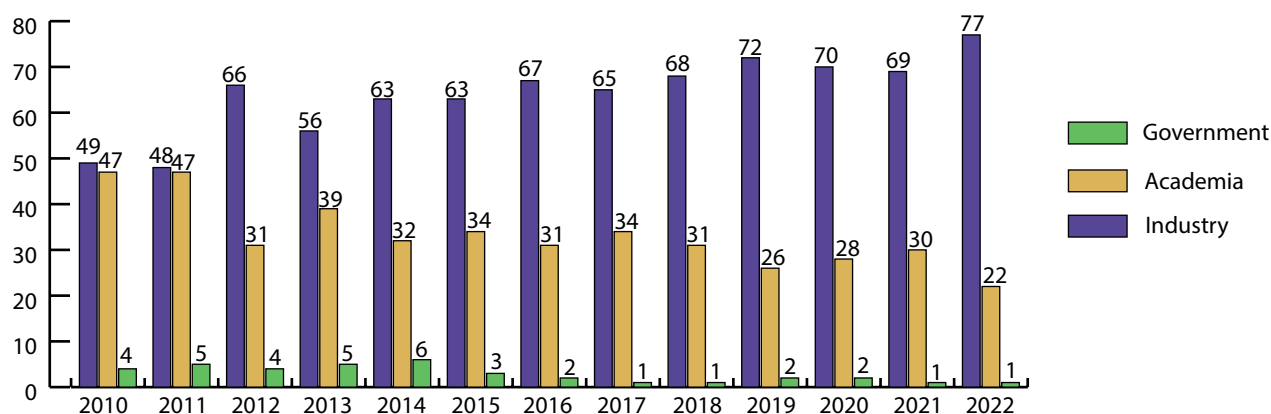
The Decline of Academia in AI Knowledge Production

Historically, academic institutions played a foundational role in the development of AI, contributing significantly to early theoretical advances and algorithmic breakthroughs. However, recent trends point to a profound epistemic shift in the production and ownership of AI knowledge. Universities and public research institutions are increasingly ceding ground to corporate research laboratories, which now dominate both innovation and talent acquisition in the field.

This transformation is particularly visible in the employment trajectories of AI PhD graduates. As illustrated in Figure 1, the proportion of AI PhDs in the United States and Canada entering industry positions rose sharply

from approximately 50% in 2011 to 77% in 2022. In contrast, the share entering academia fell to just 22%, while government employment remained marginal at around 1%. This data suggests a growing brain drain from academia to the private sector, driven by competitive salaries, access to state-of-the-art infrastructure, and fewer administrative barriers in industrial settings.

Employment of AI PhDs (% of total) in the US and Canada

Source: AI Index report 2024; ourworldindata.org

Fig. 1. Employment of AI PhDs (% of total) in the US and Canada

This brain drain has structural implications. Academic research, bound by peer review and public dissemination, is increasingly replaced by corporate R & D that prioritizes speed, secrecy, and monetization. This shift undermines scientific transparency and the democratic accessibility of knowledge.

Zuboff's theory of surveillance capitalism explains this transformation as part of a broader commodification of knowledge. In this paradigm, even scientific inquiry becomes proprietary. Algorithms, models, and data—once considered public goods—are now guarded as trade secrets. Consequently, the public's ability to critically engage with or influence AI development is curtailed.

The result is a narrowing of epistemic diversity: the kinds of questions asked, the risks considered, and the values embedded in AI systems are increasingly determined by corporate strategy rather than ethical deliberation or social need.

Societal Risks: Surveillance, Bias, and Democratic Erosion

Beyond questions of ownership and production, AI poses substantial risks to democratic governance and civil liberties. These risks are not hypothetical; they are already manifest in a range of real-world cases.

In liberal democracies, the integration of AI into political processes has introduced both opportunities and substantial risks. AI technologies have increasingly been employed to manipulate public opinion and interfere with electoral integrity. The Cambridge Analytica scandal serves as a notable example, revealing how AI-driven psychometric profiling can undermine informed consent and compromise voter autonomy. More recently, empirical studies have highlighted systematic political biases embedded within generative AI systems. For instance, Motoki et al. [2024] provide compelling evidence that ChatGPT exhibits a consistent partisan bias in favour of the Democratic Party in the United States, as well as toward the Labour Party in the United Kingdom and Lula in Brazil. This raises significant concerns about algorithmic partisanship and the imperceptible ways in which such systems may influence public discourse and political orientation.

Although generative AI remains a relatively nascent technology, its societal and political implications are already profound. AI-controlled social media platforms such as Facebook and X (formerly Twitter) have dramatically transformed the nature of political communication, enabling real-time engagement and microtargeted messaging. At the same time, these platforms have facilitated the rapid dissemination of misinformation, contributed to political polarization, and intensified distrust in democratic institutions [Acemoglu 2021].

Beyond the political realm, the impact of AI extends to the economic and labour domains as well. Crawford [2021] critically emphasized that AI is not merely a technological innovation but a sociotechnical system with far-reaching social, economic, and environmental consequences. Through a detailed analysis of Amazon's workplace practices, Crawford illustrates how the company employs AI-driven systems—such as sensors, surveillance software, and algorithmic management—to closely monitor and regulate employee activity. These practices intensify productivity demands, mechanize human labour, and subject workers to constant algorithmic oversight, resulting in significant physical and psychological strain.

A growing threat is also posed by AI-generated political deep fakes—synthetic media designed to impersonate real individuals and events. These deep fakes, which are inexpensive to produce yet increasingly realistic, have already demonstrated the capacity to distort electoral outcomes [Maslei et al. 2024: 161]. Commonly exploited for political propaganda, fake news dissemination, and reputational attacks, deep fakes are becoming more difficult to detect despite advances in detection techniques. Existing methods—including neural networks that identify subtle anomalies in visual data, auditory analysis tools for detecting synthetic speech, and multimodal algorithms that analyse audio-visual coherence—are increasingly challenged by the sophistication of emerging generative models [Masood et al. 2023].

Given that billions of people are expected to vote in elections worldwide in the coming years, the intersection of AI and political processes constitutes a critical area of concern, necessitating robust regulatory, ethical, and technical safeguards.

The risks posed by AI are even more pronounced in authoritarian regimes, where digital technologies are frequently harnessed to reinforce state control. China's extensive use of AI-driven facial recognition systems, social credit scoring, and real-time surveillance illustrates a sophisticated integration of technological infrastructure with coercive governance mechanisms. These practices do not merely suppress dissent; they actively reengineer social behaviour through algorithmic discipline. Drawing on Bentham's concept of the Panopticon, AI in such contexts operates as an invisible yet pervasive architecture of control—a “Modern Panopticon” that continuously monitors, assesses, and regulates individual conduct. As noted by Acemoglu [2021], when deployed in this manner, AI becomes a powerful instrument for undermining democratic development, curtailing civil liberties, and entrenching authoritarian rule. Empirical evidence further supports this perspective: the Chinese government's deployment of AI technologies for domestic surveillance is well-documented [Miracola 2019; Reuters 2022], and recent analyses suggest that China is exporting its techno-authoritarian model abroad, extending surveillance capabilities to monitor foreign populations and shape global digital norms [Wang 2021].

This section argues that the instrumentalization of AI for behavioural control—whether by advertisers, political consultants, or governments—constitutes a systemic risk to democratic societies. It erodes individual autonomy, reduces political plurality, and undermines public trust.

Transparency and Governance Gaps

Despite its transformative impact, AI continues to develop in a regulatory vacuum. Few binding standards exist to ensure transparency, fairness, or accountability in how AI systems are trained, evaluated, or deployed.

The 2024 Foundation Model Transparency Index illustrates this clearly: most leading AI developers do not disclose even basic information about data sources or model parameters [Bommasani et al. 2024].

This lack of transparency is not simply a technical omission; it is a deliberate governance strategy that protects competitive advantage at the expense of social responsibility. Acemoglu and Johnson [2023] characterize this as delegated authority without accountability—where private actors wield immense public influence through their technologies but are not subject to corresponding democratic controls.

Attempts to fill this gap—such as voluntary ethics guidelines or advisory councils—have so far proven inadequate. Without enforceable global standards, the current model incentivizes opacity and externalizes risk. As AI systems increasingly mediate labour, healthcare, education, and political life, this lack of oversight becomes a matter of collective vulnerability.

Moreover, the absence of a coordinated global governance framework exacerbates structural inequalities in the international system. Most developing countries lack the institutional capacity to evaluate or regulate foreign-developed AI systems that are deployed within their own jurisdictions. This creates a form of digital asymmetry in which a small number of technologically dominant states and corporations dictate the design principles, ethical baselines, and operational norms for the rest of the world.

Findings from the Global Index on Responsible AI [Adams et al. 2024] highlight a stark global imbalance: while AI development and deployment are accelerating, responsible practices remain limited. According to the index, 67% of countries scored 25 or lower out of 100, and another 25% fell between 25 and 50—indicating that nearly six billion people live without adequate protections for their rights in the context of AI.

The report outlines key structural gaps, including weak safeguards for human rights, insufficient attention to equity and inclusion, inadequate protection for workers, and major shortcomings in system safety, reliability, and transparency. The rights of marginalized groups remain particularly unprotected.

These findings underscore that globally responsible AI remains a distant goal, requiring not only technical advancement but also strong political commitment, cross-border collaboration, and enforceable, rights-based governance frameworks.

Discussion: Reframing AI Development Through the Lens of Algorithmic Hegemony

The empirical findings of this study reveal a striking concentration of power in the development and deployment of AI—a pattern not only technological but deeply political. By interpreting these patterns through the proposed framework of algorithmic hegemony, we move beyond existing theoretical applications and offer a synthesized lens that explains how AI systems entrench dominant institutional interests.

Feenberg's notion that "technology is inherently political" is affirmed in the monopolization of AI research by a few private actors and authoritarian states. However, this study extends his analysis by highlighting how the very architectures of AI—such as foundation models and proprietary training datasets—serve as infrastructures of control, embedding economic and political asymmetries into their operation. These technologies not only reflect but also reproduce the institutional logics of their creators, narrowing the range of socially beneficial alternatives.

Zuboff's surveillance capitalism thesis is reinforced through the commodification of behavioural data, yet this research expands her argument to propose predictive governance capitalism. Here, AI is deployed not just to sell products, but to predict, influence, and standardize human behaviour for political and administrative

control. The convergence of corporate and state objectives in algorithmic governance mechanisms blurs the traditional lines between market and state domination.

Acemoglu's concern with democratic erosion through unchecked automation is extended to highlight the erosion of epistemic sovereignty. The migration of AI talent to private industry, the growing opacity of model development, and the commercialization of research collectively diminish the role of public institutions in shaping technology. In effect, the epistemic authority to define what AI is, and what it should be for, is ceded to a narrow elite.

Taken together, these developments signal the emergence of algorithmic hegemony: a structural formation in which AI systems are built and governed by actors whose interests often diverge from democratic norms, civic accountability, and social equity. The concept helps explain why both liberal democracies and authoritarian states are converging on similar practices of AI-driven control, despite ideological differences.

This discussion reframes the dominant dichotomy in AI development—market-led versus state-led—as insufficient. Both paradigms result in exclusionary practices, limited public input, and escalating governance risks. What is needed is a third paradigm: society-centered AI governance. This entails democratizing control over AI infrastructures, ensuring transparency, and empowering civil society and academic institutions as co-creators of technological futures.

This study not only critiques the present but opens a pathway for reimagining AI development as a domain of democratic negotiation, ethical deliberation, and inclusive participation. The challenge is not merely to regulate technology after the fact, but to intervene in the conditions of its creation—an ambition that requires reconfiguring the institutional power structures at the heart of AI's political economy.

Conclusion

This study has critically examined the current trajectory of AI, advancing the argument that AI is not merely a neutral or technical innovation, but a deeply political formation shaped by power asymmetries, institutional displacement, and ideological imperatives. Drawing on and extending the theoretical frameworks of Feenberg, Zuboff, and Acemoglu, the research introduced the concept of algorithmic hegemony to describe how AI systems are increasingly governed by a narrow coalition of corporate and state actors whose priorities often diverge from democratic, ethical, and inclusive ideals.

The findings demonstrate that the development of AI is not unfolding in an open, pluralistic, or socially accountable manner. Instead, it is marked by epistemic exclusion, declining transparency, and the growing use of AI for behavioural control—whether in the form of surveillance, political manipulation, or algorithmic labour discipline. The dominance of proprietary infrastructures and the commodification of knowledge further exacerbate the erosion of public interest in shaping digital futures.

By proposing algorithmic hegemony as a unifying theoretical lens, this study provides a deeper understanding of the structural forces that underlie these trends. It offers a conceptual tool to critique both market-led and state-led AI models, which, despite their differences, often converge in marginalizing civic participation and concentrating technological authority.

To counteract this trajectory, the study calls for a paradigmatic shift toward society-centered AI governance—one grounded in transparency, epistemic diversity, and democratic legitimacy. This requires empowering academic institutions, civil society, and international frameworks not only to regulate but to co-create the infrastructures of AI. The future of AI must not be left to those with the most resources or the fewest constraints; it must be reclaimed as a collective endeavour driven by public values.

In short, the path AI will follow is not preordained. It remains a site of political and ethical contestation. Reclaiming democratic agency in AI development is not a supplementary task—it is the central imperative of our algorithmic age.

Policy Recommendations: Embedding Democratic Oversight in AI Development

The critical risks identified in this study—ranging from the concentration of AI investment and the decline of academic influence to transparency deficits and labor precarity—ultimately converge on a deeper problem: the absence of democratic oversight in the governance of AI. Current systems are designed and deployed without sufficient mechanisms for civic participation or institutional accountability, allowing corporate and state actors to shape AI infrastructures in ways that privilege their strategic interests over the public good.

To address this deficit, embedding democratic oversight must become the central organizing principle of AI governance. This requires a multi-layered framework that integrates academic independence, algorithmic transparency, international cooperation, labor protection, and civic participation into a single coherent agenda.

- Restoring epistemic diversity: Public institutions and universities should be empowered through robust funding and infrastructure to counterbalance corporate dominance, ensuring that critical, publicly accountable research remains viable [Acemoglu 2021].
- Mandatory transparency and auditing: High-impact AI systems must disclose datasets, training processes, and benchmarks, subject to independent audits by multi-stakeholder bodies composed of ethicists, legal scholars, and civil society actors [Pasquale 2015; ISO 2023].
- Global coordination: A multilateral treaty under the UN or UNESCO should define minimum ethical, labor, and human rights standards, supported by a Global AI Observatory to monitor compliance and provide regulatory assistance to developing countries [Zuboff 2019; UNESCO 2021].
- Labor rights and just transitions: Governments should implement Just Transition frameworks, mandating algorithmic impact assessments in the workplace and ensuring consultation with unions and worker representatives before the deployment of AI-driven management systems [European Commission 2019; ILO 2019].
- Participatory governance mechanisms: Democratic oversight should be institutionalized through public consultations, citizen assemblies on AI governance, ethical review boards for high-risk applications, and civil society watchdogs with the mandate to monitor and challenge harmful AI deployments [Bryson, Theodorou 2019; Whittaker et al. 2018].

Technical sophistication alone cannot guarantee legitimacy or sustainability. Anchoring AI in democratic oversight provides the normative and institutional infrastructure necessary for trust, accountability, and fairness. By foregrounding transparency, participation, and public values, this framework ensures that the transformative potential of AI serves society as a whole rather than the narrow interests of a powerful few.

Funding

The author received no financial support for the research, authorship, and/or publication of this article.

Disclosure of AI Assistance

The author acknowledges that generative AI tools (specifically ChatGPT, developed by OpenAI) were used solely for language polishing and minor grammatical revisions during manuscript preparation. The conceptualization, analysis, and interpretation of the research were entirely conducted by the author. No generative AI was used to generate original ideas, data, or analysis.

References

- Acemoglu D. (2021) *Redesigning AI: Work, Democracy, and Justice in the Age of Automation*. Boston Review, Spring.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023) *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*, New York: Public Affairs.
- Acemoglu D., Restrepo P. (2019) Automation and New Tasks: How Technology Displaces and Reinstates Labor. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no 2, pp. 3–30. Available at: <https://doi.org/10.1257/jep.33.2.3> (accessed 15 November 2025).
- Adams R., Adeleke F., Florido A., Magalhães Santos L. G. de, Grossman N., Junck L., Stone K. (2024) *Global Index on Responsible AI 2024*; 1st edn., South Africa: Global Center on AI Governance. Available at: <https://www.global-index.ai/> (accessed 15 November 2025).
- Ananny M., Crawford K. (2018) Seeing without Knowing: Limitations of the Transparency Ideal and Its Application to Algorithmic Accountability. *New Media & Society*, vol. 20, no 3, pp. 973–989. Available at: <https://doi.org/10.1177/1461444816676645> (accessed 15 November 2025).
- Bain & Company (2024) *Technology Report 2024*. Available at: https://www.bain.com/globalassets/noindex/2024/bain_report_technology_report_2024.pdf (accessed 15 November 2025).
- Benjamin R. (2019) *Race after Technology: Abolitionist Tools for the New Jim Code*, Medford: Polity Press.
- Beraja M., Peng W., Yang D. Y., Yuchtman N. (2024) Government Venture Capital and AI Development in China. *NBER Working Paper*, no 32701. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w32701/w32701.pdf (accessed 15 November 2025).
- Bommasani R., Klyman K., Kapoor S., Longpre S., Xiong B., Maslej N., Liang P. (2024) *The Foundation Model Transparency Index v1.1*. Stanford University. Available at: <https://crfm.stanford.edu/fmti/paper.pdf> (accessed 15 November 2025).
- Britannica (n. d.) *Artificial Intelligence*. Available at: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence> (accessed 15 November 2025).
- Bryson J. J., Theodorou A. (2019) How Society Can Maintain Human-Centric Artificial Intelligence. *Human-Centered Digitalization and Services* (eds. Toivonen M., Saari E.), New York: Springer, pp. 305–323. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-13-7725-9_16 (accessed 15 November 2025).
- Cembalest M. (2024) *Eye on the Market: A Severe Case of COVIDIA*, New York: JPMorgan Chase & Co. Available at: <https://am.jpmorgan.com/content/dam/jpm-am-aem/global/en/insights/eye-on-the-market/a-severe-case-of-covidia-amv.pdf> (accessed 15 November 2025).

- CGTN (2023) *China's AI market spending to cover 10% of world total in 2023*: Report. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2023-04-10/China-s-AI-market-spending-to-cover-10-of-world-total-in-2023-report-1iSPv1hUIWM/index.html> (accessed 15 November 2025).
- Crawford K. (2021) *Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence*, New Haven: Yale University Press.
- Creemers R. (2018) China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control. *SSRN Electronic Journal*. Available at: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3175792> (accessed 15 November 2025).
- Davenport T., Guha A., Grewal D., Bressgott T. (2020) How Artificial Intelligence will Change the Future of Marketing. *Journal of the Academy of Marketing Science*, vol. 48, pp. 24–42. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11747-019-00696-0> (accessed 15 November 2025).
- Dwivedi Y. K., Hughes L., Ismagilova E., Aarts G., Coombs C., Crick T., ... and Williams M. D. (2021) Artificial Intelligence (AI): Multidisciplinary Perspectives on Emerging Challenges, Opportunities, and Agenda for Research, Practice and Policy. *International Journal of Information Management*, vol. 57, April, art. 101994. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.08.002> (accessed 15 November 2025).
- European Commission (2019) *Ethics Guidelines for Trustworthy AI*. Available at: <https://data.europa.eu/doi/10.2759/346720> (accessed 15 November 2025).
- Feenberg A. (1991) *Critical Theory of Technology*, Oxford: Oxford University Press.
- Feldstein S. (2021) *The Rise of Digital Repression: How Technology is Reshaping Power, Politics, and Resistance*, New York: Oxford University Press.
- Floridi L., Cowls J. (2019) A Unified Framework of Five Principles for AI in Society. *Harvard Data Science Review*, iss. 1.1. Available at: <https://doi.org/10.1162/99608f92.8cd550d1> (accessed 15 November 2025).
- Gordon F. (2019) Book Review: Virginia Eubanks (2018). *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*, New York: Picador, St Martin's Press. *Law, Technology and Humans*, vol. 1, November, pp. 162–164. Available at: <https://doi.org/10.5204/lthj.v1i0.1386> (accessed 15 November 2025).
- ILO (2019) *Work for a Brighter Future—Global Commission on the Future of Work*, Geneva: ILO. Available at: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40dgreports/%40cabinet/documents/publication/wcms_662410.pdf (accessed 15 November 2025).
- ISO (2023) Information Technology—Artificial Intelligence—Management System. *ISO/IEC. 42001: 2023*. Available at: <https://www.iso.org/standard/81230.html> (accessed 15 November 2025).
- Jasanoff S. (ed.) (2004) *States of Knowledge: The Co-Production of Science and the Social Order*, Abingdon-on-Thames, UK: Routledge.
- Kiela D., Thrush T., Ethayarajh K., Singh A. (2023) Plotting Progress in AI. *Contextual AI Blog*. Available at: <https://contextual.ai/blog/plotting-progress> (accessed 15 November 2025).

- Kleesha P., Upase L., Upadhya N. R. (2024, March 4) The Evolution of Transformers Architecture in Natural Language Processing. *SSRN*. Available at: <https://doi.org/10.2139/ssrn.4915691> (accessed 15 November 2025).
- Lane M., Saint-Martin A. (2021) The Impact of Artificial Intelligence on the Labour Market: What do We Know so Far? *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, no 256. Available at: <https://doi.org/10.1787/7c895724-en> (accessed 15 November 2025).
- Maslej N., Fattorini L., Perrault R., Parli V., Reuel A., Brynjolfsson E., Etchemendy J., Ligett K., Lyons T., Manyika J., Niebles J. C., Shoham Y., Wald R., Clark J. (2024) *The AI Index 2024 Annual Report*. Stanford, CA: Stanford University; AI Index Steering Committee; Institute for Human-Centered Artificial Intelligence. Available at: https://hai.stanford.edu/assets/files/hai_ai-index-report-2024-smaller2.pdf (accessed 15 November 2025).
- Masood M., Nawaz M., Malik K. M., Javed A., Irtaza A., Malik H. (2023) Deepfakes Generation and Detection: State-of-the-Art, Open Challenges, Countermeasures, and Way Forward. *Applied Intelligence*, vol. 53, no 4, pp. 3974–4026. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10489-022-03766-z> (accessed 15 November 2025).
- Massey K. (2024) A Deep Dive Into IDC's Global AI and Generative AI Spending. *IDC*. Available at: <https://blogs.idc.com/2024/08/16/a-deep-dive-into-idcs-global-ai-and-generative-ai-spending/> (accessed 16 November 2025).
- McAfee A., Brynjolfsson E. (2017) *Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future*, New York: W. W. Norton & Company.
- McKinsey & Company (2023) *The State of AI in 2023: Generative AI's Breakout Year*. Available at: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-in-2023-generative-ais-breakout-year#/> (accessed 15 November 2025).
- Miracola S. (2019) How China Uses Artificial Intelligence to Control Society. *ISPI*. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/how-china-uses-artificial-intelligence-control-society-23244> (accessed 15 November 2025).
- MIT FutureTech (2025, January 3) What Drives Progress in AI? Trends in Compute, Data, and Algorithms. *FutureTech*. Available at: <https://futuretech.mit.edu/news/what-drives-progress-in-ai-trends-in-compute> (accessed 15 November 2025).
- Motoki F., Pinho Neto V., Rodrigues V. (2024) More Human Than Human: Measuring ChatGPT Political Bias. *Public Choice*, vol. 198, pp. 3–23. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11127-023-01097-2> (accessed 15 November 2025).
- Noble S. U. (2018) *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*, New York: New York University Press. Available at: <https://files.commonsgc.cuny.edu/wp-content/blogs.dir/6105/files/2019/01/SAFIYA-NOBLE.pdf> (accessed 15 November 2025).
- Pasquale F. (2015) *The Black Box Society: The Secret Algorithms that Control Money and Information*, London; Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Pilz K. F., Heim L., Brown N. (2025) Increased Compute Efficiency and the Diffusion of AI Capabilities. Proceedings of the 39th Annual AAAI Conference on Artificial Intelligence, vol. 39, no 26: *AAAI-25 Special Track on AI Alignment*, Washington, DC: AAAI Press, pp. 29381–29390. Available at: <https://doi.org/10.1609/aaai.v39i26.34971> (accessed 15 November 2025).
- Pinch T. J., Bijker W. E. (1984) The Social Construction of Facts and Artifacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other. *Social Studies of Science*, vol. 14, no 3, pp. 399–441. Available at: <https://doi.org/10.1177/030631284014003004> (accessed 15 November 2025).
- PwC (2017) *Total Economic Impact of AI in the Period to 2030*, London: PricewaterhouseCoopers LLP. Available at: <https://www.pwc.co.uk/economic-services/assets/ai-uk-report-v2.pdf> (accessed 15 November 2025).
- Reuters (2022) *China Uses AI Software to Improve Its Surveillance Capabilities*. Available at: <https://www.reuters.com/world/china/china-uses-ai-software-improve-its-surveillance-capabilities-2022-04-08/> (accessed 15 November 2025).
- Reuters (2024) *Apple Aims to Tell an AI Story Without AI Bills*. Available at: <https://www.reuters.com/technology/apple-aims-tell-an-ai-story-without-ai-bills-2024-05-03/> (accessed 15 November 2025).
- Russell S., Norvig P. (2010) *Artificial Intelligence: A Modern Approach*, 3rd edn., Delhi; Chennai: Pearson India.
- UNESCO (2021) *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (accessed 15 November 2025).
- Wang Y. (2021) *China's Techno-Authoritarianism Has Gone Global*. Available at: <https://www.hrw.org/news/2021/04/08/chinas-techno-authoritarianism-has-gone-global> (accessed 15 November 2025).
- Whittaker M., Crawford K., Dobbe R., Fried G., Kaziunas E., Mathur V., Myers West S., Richardson R., Schultz J., Schwartz O. (2018) *AI Now Report 2018*. Available at: https://ainowinstitute.org/wp-content/uploads/2023/04/AI_Now_2018_Report.pdf (accessed 15 November 2025).
- Winner L. (1980) Do Artifacts Have Politics? *Dædalus*, vol. 109, no 1: *Modern Technology: Problem or Opportunity?* Cambridge, MA: The MIT Press; American Academy of Arts & Sciences, pp. 121–136. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20024652> (accessed 15 November 2025).
- Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, New York: Public Affairs.

Received: June 19, 2025

Citation: Aksoy S. (2025) Rethinking AI: Power, Surveillance, and Democracy. *Journal of Economic Sociology* = *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 5, pp. 138–155. doi: [10.17323/1726-3247-2025-5-138-155](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-5-138-155) (in English).

**Экономическая
социология**
Т. 26. № 5.
Ноябрь 2025

Электронный журнал
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 26. No 5.
November 2025

Electronic journal
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>